

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2026

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волцецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
 канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
 университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
 экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
 ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
 университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
 юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
 проф., Российский государственный педагогический университет
 им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
 государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
 Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
 д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
 им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
 при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
 Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 04.03.2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Долгих Т. Н.</i> Дефекты Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обусловленные цифровой трансформацией уголовного процесса	5
<i>Кустов А. М., Макарова О. А.</i> Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет. Часть первая.....	20
<i>Гудченков О. С.</i> Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в условиях цифровизации: системный вызов национальной безопасности России	34

История. Исторические науки

<i>Оборин Д. И.</i> «Шталдзденская Швейцария»: эпизод из истории охраны природы в Восточной Пруссии первой трети XX века.....	45
<i>Жиркова М. А., Капустина О. В.</i> «Человек этот весьма почтенный, военный»: об установлении персональной пенсии республиканского значения В. М. Лермонтову	59
<i>Баранова Е. В.</i> Формирование кадрового потенциала Калининградского вагоностроительного завода в 1946–1951 годах: количественная и качественная динамика.....	77

Общество и политика

<i>Веселов Ю. А.</i> Мировой порядок, империализм и теория Четвертого мира. Часть первая	92
<i>Бесчасная А. А., Сурина Д. В.</i> Формирование традиционных семейных ценностей: законы, факты, предложения.....	105
<i>Маковский А. А., Суслов И. В.</i> Политические и цифровые технологии формирования макроидентичности на постсоветском пространстве (на примере прибалтийских стран)	123

CONTENTS

State and law

<i>Dolgikh T.N.</i> Defects of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation caused by the digital transformation of criminal procedure	5
<i>Kustov A.M., Makarova O.A.</i> Tactical and forensic support for investigations into crimes related to illegal drug trafficking committed using the Internet. Part one	20
<i>Gudchenkov O.S.</i> Illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the context of digitalization: a systemic challenge to Russia's national security	34

History. Historical sciences

<i>Oborin D.I.</i> "Staldsen Switzerland": an episode from the history of nature conservation in East Prussia in the first third of the 20 th century	45
<i>Zhirkova M.A., Kapustina O.V.</i> "This man is a very respectable military man": on the establishment of a personal national retirement benefit to V.M. Lermontov	59
<i>Baranova E.V.</i> Development of personnel at the Kaliningrad Rail-Car Manufacturing Plant in 1946–1951: quantitative and qualitative dynamics	77

Society and politics

<i>Veselov Yu. A.</i> World order, imperialism and the "theory of the fourth world". Part one	92
<i>Beschasnaya A.A., Surina D.V.</i> Fostering of traditional family values: laws, facts, suggestions.....	105
<i>Makovsky A.A., Suslov I.V.</i> Political and digital technologies for forming macro-identity in the post-Soviet space (on the example of the Baltic states)	123

УДК 343.13

Т. Н. Долгих

**ДЕФЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИЕЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.11.2025 г.

Принята к публикации 14.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1

5

Для цитирования: Долгих Т.Н. Дефекты Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обусловленные цифровой трансформацией уголовного процесса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 5—19. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1.

Рассмотрено текущее состояние цифровизации уголовного процесса, предпринята попытка оценить перспективы ее дальнейшего развития в условиях применения цифровых технологий, искусственного интеллекта. Проанализированы конкретные предложения по реформированию уголовно-процессуального закона, спрогнозирован риск появления дефектов, обусловленных цифровизацией уголовного процесса. Автор приходит к выводу о необходимости уже на стадии подготовки проекта закона использовать специальные обучающиеся программы, способные спрогнозировать точность встраивания новых норм в тело уголовно-процессуального закона и появление возможных дефектов. На основе анализа имеющихся мнений о цифровизации уголовного процесса, автор в контексте системного подхода поддерживает идеи формирования электронного уголовного дела, определения места электронных доказательств, необходимости ведения только аудиозаписи судебного заседания без дублирования протокола на бумажном носителе, внедрения технологии дополненной реальности. Предложены соответствующие изменения в УПК РФ. Автор обращает внимание на необходимость трансформации органов предварительного расследования и различных органов государственной власти для электронного взаимодействия посредством единой цифровой платформы. Вопросы пробелов в праве всегда были предметом активных дискуссий как среди ученых, так и практиков. Цели настоящего исследования состоят в выявлении дефектов уголовно-процессуального закона, обусловленных цифровизацией уголовного процесса, и тенденции цифровизации уголовно-процессуальных отношений, а также в формулировании путей и способов предотвращения появления различного рода дефектов уголовно-процессуального закона, в том числе на стадии разработки соответствующих законопроектов. Помимо общенаучных методов исследования, таких как метод теоретического познания, метод анализа и синтеза, в исследовании применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также приемы диалектической логики. Несмотря на то что на сегодняшний момент фундаментальные подходы и основные идеи и представления в этой области знаний сфор-

мультированы, современные реалии, связанные с активным внедрением в право информационных технологий и элементов искусственного интеллекта, получают новое преломление с учетом особенностей процесса системной интеграции информационных и коммуникативных технологий в различные сферы законодательства, вследствие чего требуют своевременного переосмысления.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, дефект закона, искусственный интеллект, электронное доказательство, технология дополненной реальности

Текущее состояние цифровизации уголовного процесса

6

Говоря о трансформации права в условиях развития цифровизации, как правило, имеют в виду процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений [11, с. 140 – 141].

Не является исключением и уголовно-процессуальное законодательство, в которое также активно внедряются информационно-коммуникативные технологии, избавляя суд от механического труда, а стороны – от необходимости преодолевать неблизкие расстояния для непосредственного участия в судебном заседании.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационными технологиями признаны процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), содержащая основные понятия, используемые в УПК РФ, не дает информационным технологиям определения. Вместе с тем в уголовном судопроизводстве предусмотрено использование систем видео-конференц-связи, являющейся программно-техническим средством передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами и способом проведения процессуальных действий [16].

Верховный суд РФ понятие «видео-конференц-связь» сформулировал следующим образом: это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учетом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи [2].

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были введены нормы, позволяющие использовать системы видео-конференц-связи на досудебных стадиях. Так, ст. 189.1 УПК РФ закрепила особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи на досудебных стадиях процесса.

Возможно и дальнейшее расширение перечня следственных действий, проведение которых предполагает использование видео-конференц-связи или иных информационных средств удаленного получения информации, в том числе беспилотных летательных аппаратов, оснащенных средствами фото- и видеофиксации.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. №610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введена ст. 241.1 УПК РФ о возможности участия подсудимого, а также иных лиц, вызванных в суд, в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи. Этим же законом УПК РФ обогащен положениями о возможности направления повестки или уведомления в электронном виде посредством Единого портала лицу, давшему на это свое согласие (ч. 6 ст. 474.1 УПК РФ).

Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. №672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 222 УПК РФ дополнена ч. 3.1 о возможности вручения сторонам копии обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, для изучения которого обвиняемый, содержащийся под стражей, будет использовать предоставленное органом предварительного расследования техническое устройство для чтения электронных книг, не имеющее функций аудио- и видеозаписи, видеовоспроизведения и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Копия обвинительного заключения в форме электронного документа вручается по ходатайству, в том числе потерпевшего. Вместе с тем ст. 42 УПК РФ не предполагает такого права потерпевшего, и на следователя не возложена обязанность разъяснять потерпевшему право на заявление такого ходатайства.

Этим же федеральным законом в ст. 474.2 УПК РФ определен порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства.

Перспективы цифровизации уголовного процесса и проблема возникновения дефектов закона

Таким образом, можно констатировать, что цифровая трансформация уголовного процесса уже началась. Однако указанных шагов явно недостаточно для удовлетворения потребности обеспечения доступа к правосудию и защиты прав участников уголовного судопроизводства посредством применения современных технических средств, с одной стороны, и соблюдения тайны предварительного расследования – с другой.

Такая неполнота законодательного регулирования породила предложения о введении в УПК РФ положений, позволяющих стороне отказаться от дистанционного участия в следственном действии [5, с. 19], обсуждаются вопросы внедрения интернет-технологий в уголовный процесс, возможности его виртуализации, использования интернет-доказательств, подачи заявления о преступлении онлайн [7, с. 283].

Обращается внимание на необходимость вести речь о закреплении в системе руководящих идей уголовного процесса положения, регламентирующего надлежащий уголовно-процессуальный режим обращения информации и способного распространить свое действие на все стадии судопроизводства, а также на необходимость введения «в систему принципов процесса самостоятельной идеи о защите информации, образующейся в уголовном судопроизводстве, что позволит установить унифицированный правовой режим обращения с данными уголовно-процессуальной деятельности, имеющими процессуальное значение, и заложить основу для формирования новой высокотехнологичной цифровой модели судопроизводства» [1, с. 455].

Полагаем обоснованным существование широкой палитры мнений по обсуждаемой проблематике, однако считаем необходимым обратить особое внимание на то, что должна сложиться гармоничная система, состоящая из комплексных и продуманных изменений уголовно-процессуального закона, подчиненных единой концепции интеграции новых технологий, которая призвана решить стратегические задачи информатизации. При этом нельзя забывать о многовекторности подхода, охватывающего необходимость изменения смежного законодательства, ведомственных предписаний и инструкций без последствий в виде возложения на сотрудников аппарата суда и судей дополнительных обязанностей, связанных, в частности, с необходимостью дублирования электронной информации на бумажных носителях.

П.С. Пастухов полагал, что «введение легальной дефиниции электронного доказательства, электронных данных позволит соединить форму цифровой информации с уголовно-процессуальной формой фиксации доказательств. Сочетание цифровой и уголовно-процессуальных форм необходимо для сокращения процессуальных и материальных затрат, связанных с устаревшим архаичным способом фиксации доказательственной информации в письменных протоколах следственных действий» [18, с. 139].

Согласно стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, а также сформирована комплексная система нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечением безопасности применения таких технологий [15].

Цифровизация, рассматриваемая в качестве четвертой промышленной революции, уже начинает оказывать значимое влияние на развитие права, что требует правового осмысления процессов, назревающих в текущей реальности, в целях избежания запоздалой реакции на них с точки зрения необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Такие изменения должны минимизировать возникновение дефектов в уголовно-процессуальном законе, в том числе имеющегося в нем пробела.

Достаточно широко тему пробелов в праве, их субъективных и объективных особенностей исследовал В.В. Лазарев, сформулировавший понятие пробелов в праве, используемое до настоящего времени: «полное или частичное (неполнота) отсутствие норм, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел» [12, с. 51].

Нарастающие темпы развития отношений, в том числе в уголовно-процессуальной сфере, неизбежно обуславливают возникновение пробелов регулирования, поскольку возникают новые отношения и формы, которые до настоящего момента не урегулированы в УПК РФ. Развитие и законодательное закрепление порядка существования таких форм должно быть неразрывно связано с модернизацией систем компьютерной безопасности, защиты электронной информации.

Кроме того, как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, «цифровизация общественной жизни неизбежно меняет стереотипы массового поведения, которое, в свою очередь, выступает одним из этапов и условий конструирования правовой реальности. Цифровизация неминуемо смещает акцент с традиционности на инноватику, повышает степень инновационности действий в правовой сфере» [19, с. 35]. Т.Я. Хабриева, в свою очередь, прогнозирует появление новой нормативной системы, «которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией» [22, с. 15].

Способы выявления, устранения, преодоления пробелов, как правило, связывают с формулированием правовых инструментов, направленных на разрешение проблем, возникающих при правоприменении [17, с. 9]. Однако осознание неизбежности трансформации уголовного процесса должно подвигнуть к изменению в концептуальном понимании форм и видов трансформации, что наряду с прочими мерами будет способствовать профилактике возникновения пробелов в уголовно-процессуальном законе. В рамках разработки такой концепции стоит обсудить вопрос о границах использования неюридических методов решения проблемы пробелов, а также закрепить положение о том, что информатизации предназначено играть исключительно вспомогательную роль, быть эффективным, но все же прикладным инструментом в руках субъекта уголовно-процессуальных отношений, за которым всегда будет оставаться право принятия решений.

Как отмечает П.В. Степанов, «потенциал права как регулятора, оказывающего мощное воздействие на происходящие в обществе процессы, позволяет в качестве одной из первоочередных задач в условиях цифровизации выделять превентивное (опережающее) правотворчество, рассчитанное прежде всего на своевременное и эффективное реагирование на динамично изменяющиеся общественные отношения» [21, с. 27]. Однако при формировании нового массива законодательства, призванного регулировать правоотношения, возникающие на фоне информатизации многих происходящих в обществе процессов, большое значение необходимо придавать качеству принимаемых нормативных актов, вносящих изменения в УПК РФ.

Недопущению дефектов уголовно-процессуального закона, в том числе в виде пробелов, будет способствовать введение элементов искусственного интеллекта, способного к анализу большого массива уголовно-процессуальных норм и логических взаимосвязей, выстраиваемых не только между участниками уголовного судопроизводства, но и между отдельными уголовно-процессуальными институтами. Кроме того, искусственный интеллект должен научиться понимать специфику диагностики текста проекта закона о внесении изменений в УПК РФ или в смежное законодательство через призму оценки и прогнозирования качества встраивания новых норм в уже существующее тело уголовно-процессуального закона. Он также должен понимать риск нарушения системных связей, появления возможностей для потенциального возникновения пробелов, коллизий и других дефектов УПК РФ после вступления в законную силу таких изменений, иметь возможности выявить и просчитать последствия от принятых решений. Для этого потребуется принятие соответствующих программ-концепций, создание базы, объединяющей уголовно-процессуальное и смежное законодательство, а также соответствующие законопроекты по их изменению. Более того, представляется целесообразным предоставление искусственному интеллекту возможности формулировать предложения, направленные на устранение содержащихся в проекте федерального закона дефектов, способных усложнить применение УПК РФ и несущих риски снижения качества уголовно-процессуальной нормы. Применение такого подхода будет способно умерить правотворческий активизм в пользу качества принимаемых норм. В данном контексте стоит упомянуть о том, что только в 2024 г. в УПК РФ были внесены изменения семнадцатью федеральными законами, в феврале 2025 г. также были внесены изменения в УПК РФ еще одним федеральным законом.

Шаги в данном направлении сделаны — президентом РФ принято распоряжение от 1 июля 2022 г. № 202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней». Представляется необходимым в проекте этой программы предусмотреть возможность участия искусственного интеллекта в анализе принимаемого законодательства для устранения возможных дефектов уголовно-процессуального закона.

Кроме того, правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утверждена 15 сентября 2021 г. «Концепция развития технологий машиночитаемого права» [10]. Предполагается, что технологии машиночитаемого права как один из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм в той или иной степени будут применяться во всех отраслях законодательства Российской Федерации, что обеспечит «встраивание» норм права в работу информационных систем, предоставляющих различные сервисы в автоматическом режиме, а также обменивающихся данными без участия человека.

Кроме того, в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Минэкономразвития России велась работа по созданию Федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений», которая способна решить задачи оптимизации процесса разработки, согласования и утверждения проектов нормативных правовых актов, позволит различным органам власти вести совместную работу над проектами нормативных правовых актов, а также сформирует технологическую основу и необходимую базу данных для последующего развития машиночитаемого права [14].

Несмотря на то что, как следует из паспорта национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», программа была рассчитана на срок до 2024 г., представляется, что работы по интеграции искусственного интеллекта в нормотворческий процесс предстоит еще немало. Как следует из постановления Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса”», с 1 октября 2024 г. в Российской Федерации стартовала государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (ГИС «Нормотворчество»).

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что для работы искусственного интеллекта нуждаются во внедрении более четкие требования к структуре и содержанию нормативного акта, чистоте юридической техники. Искусственный интеллект не должен превращаться в субъекта генерирования уголовно-процессуальных норм, он может быть лишь помощником для законодателя в системном анализе и логической выверке текстов проектов федеральных законов при условии сохранения контроля человека над законотворческими процессами, запрета принятия искусственным интеллектом самостоятельных решений, а также симбиоза с традиционными способами и методиками совершенствования текста проекта уголовно-процессуального закона.

Еще в 1912 г. Г.Ф. Шершеневич писал, что «догматическое знание права дает также возможность видеть все технические пробелы, противоречия в законах, хотя бы они еще и не ощущались в действительности. Второй момент в критическом методе есть определение того идеала, к которому право должно приспособляться и применительно к которому должен перестраиваться государственный и правовой порядок» [25, с. 801].

Обучаемые нейросети также могут стать помощниками в выборе и анализе норм, имеющих потенцию к дефектности. Вопрос о том, будет это сделано на основе анализа определенных слов маркеров или иных приемов, например путем использования решений Конституционного суда РФ, выявившего дефект нормы, носит исключительно технический характер, в то время как вопрос о том, что результаты работы таких

помощников должны быть предметом анализа со стороны человека — профессионала-юриста, носит принципиальный характер. Нейросети могут быть использованы для анализа большого числа судебных решений разного уровня, в которых применено толкование уголовно-процессуальных норм, вызвавших затруднения в применении, для комплексного анализа и систематизации способов, использованных судами для преодоления пробела.

Именно человек должен будет отделить истинный пробел в законе от квалифицированного молчания законодателя, сознательно расширившего границы усмотрения для правоприменителя. В этом контексте Н. А. Власенко резонно указывал, что «в ряде случаев неопределенность в праве служит для того, чтобы оставить возможность усмотрения правоприменителя для создания регулятивной прочности, гибкости и эластичности правового регулирования» [3, с. 98 – 99].

Как справедливо замечал М. В. Залоило, «для обеспечения эффективности правотворчества важное значение имеет использование инструментов стратегического планирования» [6, с. 45]. Искусственный интеллект проникает во все сферы функционирования современного общества и является неотъемлемой частью цифровой среды. Вместе с тем нельзя отрицать перспективу его проникновения в правовую среду, которая должна быть готова к такой экспансии. Чем более приспособленным окажется уголовно-процессуальное законодательство к неизбежности такого взаимодействия, тем более гибкими будут становиться некоторые его формы, связанные с возможностью использования в уголовном процессе достижений цифровых технологий, результатов информационных достижений. С другой стороны, неизменными должны оставаться принципы и назначение уголовного судопроизводства, даже если потребуются сформулировать новые, более эффективные способы защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Большой риск возникновения дефектов возникает там, где появляется необходимость регулирования отношений, объектом которых является информация, содержащаяся в специальных источниках, сформированных, в частности, при помощи компьютерных средств, современных информационных технологий. Обнаружение, фиксация, изъятие такой информации требует использования новых прикладных инструментов.

Особо следует сказать о необходимости регулирования процессов, связанных с существованием доказательств, полученных при помощи информационных технологий, компьютерных средств, а также о целесообразности введения в УПК РФ понятия «электронное доказательство», определении способов и приемов формирования электронного уголовного дела, законодательном закреплении создания и функционирования специальных электронных платформ, призванных обеспечить доступ сторон к такому уголовному делу.

С. В. Зуев и А. С. Титова полагают, что «оперирование электронной (цифровой) информацией не вписывается в традиционную систему следственных действий» [8, с. 52]. Вместе с тем необходимо принципи-

ально решить, какое место предстоит занять таким доказательствам. Будут они разновидностью вещественных доказательств, относиться к категории, обозначенной в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ (иные документы), или им будет определено собственное место в системе доказательств, структурированной в ст. 74 УПК РФ.

Вопросы формирования электронного уголовного дела обнажат дефекты в уголовно-процессуальных нормах, регулирующих подписание следователем, дознавателем протоколов следственных и процессуальных действий. Проблема будет состоять в том, что электронное уголовное дело должно не формироваться путем сканирования письменных материалов уголовного дела, а состоять именно из электронных документов (не из их электронных образов). В противном случае информация, содержащаяся в таких неэлектронных документах, будет недоступна для анализа электронными системами с элементами искусственного интеллекта. Между тем такая система могла бы, например, проверить правильность исчисления сроков дознания или предварительного следствия, содержания под стражей, давности привлечения к уголовной ответственности, соблюдение следователем положений ст. 29 УПК РФ, а также выявить доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, сформировать список возможных смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.

Таким образом, все документы, содержащиеся в уголовном деле, должны иметь форму электронного документа и формировать собою электронное уголовное дело, а УПК РФ — содержать нормы о возможности подписания следователем и иными участниками уголовного судопроизводства протоколов электронной подписью.

В такой ситуации цифровая трансформация должна затронуть не только уголовный процесс и судебное делопроизводство, но и деятельность органов предварительного расследования, иных органов, например уполномоченных на составление протокола об административном правонарушении. Такой административный материал, составленный в форме электронных документов, мог бы быть в таком виде приобщен к уголовному делу, возбужденному по составу преступления, содержащему административную преюдицию, в то время как сейчас следователем для приобщения к уголовному делу копия такого материала изымается посредством проведения выемки.

При этом просто технический переход к ведению электронного уголовного дела, даже в условиях отсутствия его дублирования на бумажном носителе, в отсутствие иных вышеуказанных комплексных изменений УПК РФ, включая настроенное взаимодействие электронных платформ судов разного уровня и различных ведомств посредством возможности направления электронных документов, не приведет к качественной цифровизации уголовного процесса, а будет представлять собой лишь «оцифровывание» документов, содержащихся на бумажном носителе. Как справедливо замечает О.В. Химичева, «все нововведения, какими [бы] привлекательными с позиций упрощения и уско-

рения процессуальных процедур они ни были, требуют тщательной проработки с целью недопущения необоснованного, чрезмерного ограничения прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [23, с. 171].

Однако в настоящее время цифровизация уголовного процесса находится в зачаточном состоянии и сводится фактически к внедрению некоторых элементов цифровизации, что исключает пока применение любых обучающихся нейросетей или иных программ с элементами искусственного интеллекта. Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено применение систем искусственного интеллекта, нет и достаточного электронного документооборота. Как было отмечено выше, ст. 5 УПК РФ не содержит соответствующего понятийного аппарата. Изложенное позволяет высказывать скептические мнения о возможности использования технологий искусственного интеллекта в российском уголовно-процессуальном пространстве [4; 13].

Для формирования электронного уголовного дела в УПК РФ потребуется внести следующие изменения: все выносимые судом постановления должны иметь форму электронного документа с проставлением усиленной квалифицированной электронной подписи; этот документ должен быть в форме, доступной для прочтения и обработки информации специальной программой, которой оснащены, в частности, государственные органы и органы местного самоуправления. Изменения УПК РФ должны и касаться исполнения судебных решений, и содержать положения о том, что определения, постановления, приговоры следует направлять в соответствующие органы на исполнение в форме электронных машиночитаемых документов.

Такая норма применительно к исполнительному листу в УПК РФ уже имеется. Положения ч. 2 ст. 393 УПК РФ содержат положения о том, что исполнительный лист вместе с копиями приговора, определения, постановления суда может направляться судом для исполнения в органы принудительного исполнения РФ в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

В соответствии с УПК РФ стороны вправе представить непосредственно суду как первой, так и апелляционной инстанции доказательств, не представленные ими следователю или дознавателю. В целях формирования электронного уголовного дела в УПК РФ можно внести норму о необходимости предоставления документов в электронном виде, а в случае невозможности сделать это — заблаговременно до судебного заседания, чтобы суд имел возможность перевести представляемые документы в электронный вид. При участии лица в судебном заседании удаленно, посредством видео-конференц-связи исследование электронных документов будет происходить быстрее — путем транслирования такого документа на экран монитора удаленного участника и непосредственного ознакомления сторон с доказательством без отложения судебного заседания.

УПК РФ может быть дополнен нормой об обязанности органа предварительного расследования представлять суду уголовное дело в электронном виде посредством использования специальной электронной платформы.

Материалы электронного уголовного дела в кратчайшие сроки могли бы передаваться для рассмотрения в вышестоящую судебную инстанцию, исключая длительную и дорогостоящую пересылку почтой.

Ведение протоколирования судебного заседания с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) в условиях цифровизации уголовного процесса провоцирует дискуссию о необходимости ведения письменного протокола судебного заседания секретарем. Высказывается предложение в порядке альтернативы формировать соответствующую стенограмму хода заседания специальной программой после обработки аудиозаписи в автоматическом режиме и помещать эту стенограмму в материалы электронного уголовного дела без участия человека, но с предоставлением возможности ознакомления с такой стенограммой и аудиозаписью сторон путем авторизации на специальной платформе, являющейся одновременно и местом хранения такого электронного дела.

Следующим шагом в этом направлении могла бы стать норма в УПК РФ о том, что отсутствие аудиопротокола судебного заседания порождает основания для отмены судебного решения, поскольку он является основным средством фиксации хода и результатов судебного заседания. Безусловно, такое решение должно идти в тандеме с совершенствованием систем аудиозаписи.

Аналогичные вопросы возникают при обсуждении необходимости ведения различных документов (учетов, журналов) на бумажных носителях, что потребует изменения положений, закрепленных в приказах Судебного департамента при Верховном суде РФ от 29 апреля 2003 г. №36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде», от 15 декабря 2004 г. №161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» и ориентированных на бумажное, а не электронное делопроизводство.

Некоторыми авторами высказываются предложения о возможности использования в уголовном судопроизводстве технологии дополненной реальности [24]. О. А. Славин и Е. С. Гринь отмечают, что «виртуальная и дополненная реальность являются элементами модели гибридной реальности... В этой модели объекты реального и виртуального миров взаимодействуют между собой в реальном времени. Гибридная реальность подразделяется на полную реальность (реальный мир), виртуальную реальность, дополненную реальность и дополненную виртуальность» [20, с. 42]. Следовательно, собирающий доказательственную базу по уголовному делу, прокурор, проверяющий уголовное дело и подписывающий обвинительное заключение, стороны по делу,

присяжные заседатели, используя специальные устройства (не только планшеты, на экране которых смоделированы те или иные ситуации по делу, но и шлемы виртуальной реальности), смогут получить более полную информацию об имеющихся в материалах уголовного дела доказательствах.

Подобной терминологией и способами реализации дополненной реальности при производстве по уголовному делу также предстоит обогатить УПК РФ.

Возможно следует ввести в УПК РФ новую фигуру – лицо, допущенное к материалам уголовного дела и создающее дополненную реальность, обремененное сохранением тайны предварительного расследования. Обязательно участие специалиста при проведении следственных действий для их корректной и полной цифровой фиксации и приобщения такой электронной информации к протоколу следственного действия.

Приведенные примеры цифровизации уголовного процесса не должны ставить под сомнение нравственные начала некоторых норм.

Предполагаем, что в ходе цифровизации уголовного процесса значимым трансформациям может быть подвергнута область доказывания в уголовном процессе. Вместе с тем следует помнить сформулированный законодателем способ оценки доказательств – по внутреннему убеждению судьи. И. А. Исаев справедливо отмечал, что «человеческое начало проникает в сферу законодательства через посредство мастерства истолкования» [9, с. 23].

Заключение

Внесенных на сегодня изменений в УПК РФ явно недостаточно для обеспечения участникам уголовного судопроизводства доступа к правосудию. Требуется более широкое применение достижений цифровизации, включая виртуализацию уголовного процесса, посредством, в частности, технологии дополненной реальности, обучающихся нейросетей, искусственного интеллекта.

Однако такое развитие уголовного процесса необходимо осуществлять продуманно и последовательно, начиная с формулирования понятий, связанных с информатизацией процесса, включения их в ст. 5 УПК РФ, разработки теории электронных доказательств, поиска технических решений для создания универсальной единой платформы, объединяющей все органы государственной власти, способные на ней взаимодействовать посредством электронного документооборота, который формировал бы уголовное дело, доступное для ознакомления сторонам, в том числе с размещением аудиозаписи судебного заседания и отказом от дублирования документов на бумажных носителях. В трансформации нуждаются также смежное законодательство, соответствующие инструкции и ведомственные приказы.

При этом искусственный интеллект должен оставаться на второстепенных позициях, играть исключительно вспомогательную, консультатив-

тивную роль, не обладая правосубъектностью, а возможность непосредственного применения уголовно-процессуальной нормы и принятия в связи с этим соответствующего решения должна оставаться за субъектами, ведущими производство по уголовному делу.

Список литературы

1. Борисов А.С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. №3. С. 448–470.

2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации : информация Верховного Суда РФ от 24.04.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015.

4. Власов П.Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2024. №9. С. 20–24.

5. Власов П.Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. №6. С. 15–19.

6. Залюило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. №4. С. 43–53.

7. Зуев С.В., Масленникова Л.Н. Высокотехнологичный уголовный процесс. М., 2023.

8. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20). С. 49–54.

9. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2015.

10. Концепция развития технологий машиночитаемого права. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitiya-tekhnologii-mashinochitaemogo-prava-utv-ravitelstvennoi-komissiei-po/> (дата обращения: 10.04.2025).

11. Корнева А.В. Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху. М., 2019.

12. Лазарев В.В. Понятие пробелов в праве // Избр. труды : в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 41–51.

13. Левченко И.А. Концептуальные идеи процессуальной деятельности следователя в условиях внедрения цифровых технологий // Российский следователь. 2023. №2. С. 14–17.

14. Нормативное регулирование цифровой среды: паспорт федерального проекта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

15. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. №401 // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. №3.

17. Обвинникова Н.О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

18. Пастухов П. С. Новые подходы к информационному обеспечению уголовно-процессуальной деятельности // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Пермь, 17 ноября 2022 го. / отв. за вып. С. А. Котова. Пермь, 2022. С. 139–145.

19. Пашенцев Д. А. Пробелы в праве в эпоху цифровизации // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2022. С. 32–38.

20. Славин О. А., Гринь Е. С. Обзор технологий виртуальной и дополненной реальности // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2019. Т. 69, №3. С. 42–54.

21. Степанов П. В. Культура правотворчества в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2024. Т. 28, №10. С. 17–31.

22. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №9. С. 5–15.

23. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. №2. С. 170–174.

24. Чурикова А. Ю. Технология дополненной реальности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2024. №9. С. 50–56.

25. Шершеневич Г. Ф. Философия права. М., 1912. Т. 1, вып. 4.

Об авторе

Татьяна Николаевна Долгих – судья Калининградского областного суда, канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: boldinavn@mail.ru

T. N. Dolgikh

DEFECTS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION CAUSED BY THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 November 2025

Accepted 14 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1

To cite this article: Dolgikh T. N. 2026, Defects of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation caused by the digital transformation of criminal procedure, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 5–19. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1.

The current state of the digitalization of criminal procedure is examined, and an attempt is made to assess the prospects for its further development in the context of the use of digital technologies and artificial intelligence. Specific proposals for reforming criminal procedure legislation are analyzed, and the risk of the emergence of defects caused by the digitalization of criminal procedure is forecast. The author comes to the conclusion that, already at the stage of preparing a draft law, it is necessary to use special training programs capable of predicting the accuracy of embedding new provisions into the body of criminal procedure legislation and

the emergence of possible defects. Based on an analysis of existing opinions on the digitalization of criminal procedure, the author, within the framework of a systemic approach, supports the ideas of forming an electronic criminal case, determining the place of electronic evidence, the need to maintain only an audio recording of court hearings without duplicating the record on paper, and the introduction of augmented reality technology. Relevant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed. The author draws attention to the need to transform preliminary investigation bodies and various public authorities in order to ensure electronic interaction via a unified digital platform. Issues of gaps in law have always been the subject of active discussion among both scholars and practitioners. The objectives of this study are to identify defects in criminal procedure legislation caused by the digitalization of criminal procedure and trends in the digitalization of criminal procedural relations, as well as to formulate ways and means of preventing the emergence of various types of defects in criminal procedure legislation, including at the stage of drafting relevant bills. In addition to general scientific research methods, such as the method of theoretical cognition and the method of analysis and synthesis, the study employed comparative legal and formal legal methods, as well as techniques of dialectical logic. Despite the fact that, at present, fundamental approaches and basic ideas and concepts in this field of knowledge have been formulated, modern realities associated with the active introduction of information technologies and elements of artificial intelligence into law receive a new interpretation, taking into account the specifics of the process of systemic integration of information and communication technologies into various areas of legislation, and therefore require timely reconsideration.

Keywords: electronic criminal case, legal defect, artificial intelligence, electronic evidence, and augmented reality technology

The author

Dr Tatyana N. Dolgikh, Judge of the Kaliningrad Regional Court, Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: boldinavn@mail.ru

А. М. Кустов¹, О. А. Макарова²

**ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

20

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

Принята к публикации 14.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-2

Для цитирования: Кустов А. М., Макарова О. А. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 20 – 33. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-2.

Целями исследования, публикуемого в двух частях, являются анализ организационных и тактических особенностей производства отдельных следственных действий и разработка на данной основе практических рекомендаций в рамках тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет. В первой части статьи рассматриваются проблемы взаимодействия следователя с органами дознания и предлагаются критерии возможности дачи следователем поручения органам дознания. Проанализированы тактические особенности проведения отдельных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, осмотр предметов, а также обыск (выемка). Описана рекомендуемая процедура осмотра компьютеров, включающая изучение его составных частей, а также дополнительных устройств – принтеров, wi-fi роутеров и т. д. Рекомендации для осмотра мобильных устройств включают определение функциональных элементов; установление IMEI-идентификатора; распознавание модели сотового телефона, серийного номера телефона, операционной системы, версии, прошивки, телефонного номера SIM-карты, IP и MAC-адреса; изучение списка контактов, размещенных в «телефонной книге»; изучение СМС.

Ключевые слова: наркотики, Интернет, следователь, орган дознания, следственные действия

Противодействие незаконному обороту наркотиков и борьба с наркобизнесом является задачей международного характера. По степени общественной опасности наркооборот стоит на одном уровне с международным терроризмом. Для Российской Федерации данная проблема сохраняет актуальность: преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не только вле-

кут подрыв экономической и социальной стабильности российского общества, но и в целом наносят ущерб экономической безопасности государства и здоровью населения.

Несмотря на все старания правоохранительных органов, уровень наркопреступности в России остается стабильно высоким. Отдельно стоит выделить ужасающую тенденцию значительного усиления российского теневого сегмента сети Интернет. Это заметно по извлекаемым участниками такого сегмента доходам. Работающие через такие ресурсы «интернет-магазины» приносят основной доход теневому сегменту Интернета, что и вызывает потребность в дальнейшем совершенствовании различных инструментов противодействия цифровой наркоугрозе [1]. Необходимость разработки современных криминалистических рекомендаций отмечают и сотрудники правоохранительных ведомств.

Рассматриваемая категория преступлений совершается при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, и для ситуаций расследования характерно большое количество электронных следов, извлечение и обеспечение сохранности которых сопряжено с некоторыми трудностями, в особенности при попытке их уничтожения преступниками. В свою очередь это требует от следователя знания тактических рекомендаций при проведении отдельных следственных действий.

На стадии возбуждения уголовного дела именно следователь руководит процессом расследования. Это выражается, в частности, в организации должного взаимодействия с органами дознания и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (ОРД). Важность такого взаимодействия обусловлена, как правило, большим числом факторов. Во-первых, органы, осуществляющие ОРД, обладают более обширными техническими возможностями для осуществления негласных мероприятий. Во-вторых, это важный механизм оптимизации деятельности следователя, поскольку при расследовании рассматриваемой категории преступлений необходимо проведение огромного комплекса следственных действий, причем их осуществление возможно в разных местах, учитывая специфику преступлений. Поэтому на практике следователи часто прибегают к помощи органов дознания и органов, осуществляющих ОРД. Однако, несмотря на важность данного аспекта при расследовании, его уровень остается на достаточно низком уровне. Об этом свидетельствуют и данные проведенного авторами статьи опроса оперативных сотрудников. Вопросы взаимодействия следователя с органами дознания и органами, осуществляющими ОРД, в значительной степени влияют на принятие обоснованных тактических решений и применение нужного инструментария при производстве следственных действий.

Прежде всего необходимо определить, в каких формах осуществляется взаимодействие. Пунктом 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ предусмотрены следующие формы: 1) осуществление органами дознания содействия следователю при производстве следственных действий; 2) дача следовате-

лем поручений органу дознания о производстве оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), отдельных следственных действий и иных процессуальных действий (задержание, привод, арест и т. д.) [2].

Проблемной является форма взаимодействия, выраженная в даче поручений органам дознания. Во-первых, обращает на себя внимание неясность статуса органа дознания и дознавателя. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся органы, обладающие полномочиями по осуществлению ОРД. Данная норма, как и п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, вступает в некоторое противоречие с нормами п. 24 ст. 5 УПК РФ и ст. 13 ФЗ «Об ОРД» [3]. В первом случае говорится, что орган дознания осуществляет дознание и иные процессуальные полномочия, а к иным процессуальным полномочиям осуществление ОРД не относится. Во втором случае право на осуществление ОРД возложено только на оперативные подразделения, указанные в статье 13 ФЗ «Об ОРД», а не на дознавателей и органы дознания. К тому же ч. 2 ст. 14 ФЗ «Об ОРД» установлено, что по поручению ими осуществляются только ОРМ. В структуре органов внутренних дел (ОВД) применительно к рассматриваемой категории преступлений таким оперативным подразделением является Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (ГУНК). В соответствии с приказом МВД от 23.04.2016 г. № 209 на него возложена функция по оперативному сопровождению уголовных дел, возбужденных по материалам ГУНК, в том числе по поручениям следственных подразделений. При этом ничего не говорится о том, что ГУНК и оперативные подразделения по контролю за оборотом наркотиков имеют статус органов дознания. В связи с этим возникают закономерные вопросы о том, насколько правомерно поручать проведение следственных действий управлениям и отделам наркоконтроля в составе МВД, поскольку формально по УПК РФ они относятся к органам дознания, и эта практика достаточно распространена.

Во-вторых, сложившаяся ситуация вызвана неудачной формулировкой п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ. В соответствии с данным положением к органам дознания относятся органы внутренних дел РФ и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с законом полномочиями по осуществлению ОРД. В таком случае, исходя из формулировки, различные управления и отделы наркоконтроля будут относиться к органам дознания. Хотя, исходя из других приведенных выше положений, оперативные подразделения выделяются обособленно от органов дознания. Позиция по поводу обособления оперативных подразделений встречается и в науке. Так, А. С. Есина и О. В. Жамкова считают необходимым решение сложившейся коллизии в пользу ФЗ «Об ОРД», тем самым исключая из компетенции органов дознания полномочия по осуществлению ОРД [4, с. 110]. Думается, что с данной точкой зрения нельзя согласиться. В качестве аргумента можно привести такую ситуацию, когда после проведения ОРМ преступник задерживается оперативными подразделениями, что в дальнейшем предполагает незамед-

лительное проведение осмотра места происшествия, поскольку в случае промедления следы преступления могут быть уничтожены. В такой ситуации у оперативных подразделений, относящихся к органам дознания, есть инструмент проведения неотложных следственных действий в соответствии со ст. 157 УПК РФ. При этом после проведения таких следственных действий уголовное дело и все материалы направляются руководителю следственного органа в течение 10 суток со дня возбуждения уголовного дела. Обособление приведет к затягиванию сроков проверки сообщений о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ.

Также стоит обратить внимание на статус дознавателя. Так, дознаватель — должностное лицо органа дознания, правомочное *либо уполномоченное начальником органа дознания* осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом [5, с. 15]. Учитывая, что различные управления и отделы, в том числе осуществляющие ОРД, отнесены к органам дознания, то лица, не наделенные полномочиями дознавателя, носят статус должностных лиц органа дознания. В свою очередь, начальник органа дознания уполномочен поручать оперативным сотрудникам органов полиции проверку сообщения о преступлении и принятие по нему решения. Уточняющие положения содержатся в Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. Пункт 40 гласит, что проверку зарегистрированного заявления (сообщения) осуществляет сотрудник органов внутренних дел по соответствующему поручению руководителя (начальника) территориального органа МВД России [6]. Таким образом, на оперуполномоченного по поручению руководителя могут возлагаться функции дознавателя по проверке сообщений о преступлении. Фактически при наличии данной функции начальника органа дознания отсутствует необходимость в еще более жестком разграничении между оперативными подразделениями и органами дознания. Представляется очевидным, что низкий уровень взаимодействия следователей и оперативных подразделений является следствием вовсе не правовых коллизий, а других факторов.

На сегодняшний день не урегулирован вопрос о том, какие следственные действия следователь может поручить органу дознания. УПК РФ не регламентирует такой перечень, оставляя этот вопрос на усмотрение следователя. Это ведет к потенциальному злоупотреблению со стороны следователей правом дачи поручения, в связи с чем серьезно повышается нагрузка на оперативные подразделения. Целесообразно установить критерии, при которых следователь может давать органам дознания поручения.

Стоит отметить, что ч. 1 ст. 152 УПК РФ предусматривает один из таких критериев: «В случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или

органу дознания, дознаватель вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания. Поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток» [2]. Однако других критериев в УПК РФ не предусмотрено. На основе практики следственной деятельности, а также специфики рассматриваемой категории преступной деятельности можно сформулировать следующие критерии:

- необходимость осуществления нескольких следственных действий одновременно в разных местах;
- поручаемое следственное действие не является сложным в организационно-тактическом плане;
- место совершения преступления значительно удалено от месторасположения следственного органа;
- случаи, в которых требуется, исходя из требований законодательства, производство процессуальных действий лицом противоположного пола (при личном обыске или предъявлении для опознания).

Следует отметить, что такая форма взаимодействия довольно распространена, и ее необходимо учитывать при планировании тактических операций и программы расследования. При этом взаимодействие возможно и до возбуждения уголовного дела, например при задержании в рамках ОРД и оперативно-тактических комбинаций. К примеру, в ситуации, когда лицо задержано и досмотрено в рамках КоАП РФ, после проведения комплекса необходимых ОРМ все материалы и изъятые вещественные доказательства должны быть сразу же направлены следователю, который на основе полученной информации до принятия решения о возбуждении уголовного дела вправе проверить ее доступными в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ инструментами (например, при помощи производства осмотра места происшествия).

Перед проведением осмотра места происшествия по рассматриваемой категории преступлений следователь должен владеть максимально подробной информацией о событии преступления и местах его совершения. Учитывая разнообразие мест совершения преступления, следует осуществить разбор тактик осмотра применительно ко всем возможным местам преступной деятельности. Следует выделить эти места: склады, жилые помещения, места тайников, нарколаборатории, дачи и фермы. Оценив имеющуюся информацию, следователь осуществляет необходимую подготовку к проведению осмотра. В первую очередь необходимо грамотно подойти к подбору участников. В качестве таковых выступают лица, владеющие специальными знаниями, лица, оказывающие содействие по поручению следователя, понятые (необязательно). Другим аспектом подготовки является технико-криминалистическое обеспечение. При отсутствии понятых ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ устанавливает обязанность применения технических средств фиксации. По окончании данной стадии целесообразно провести инструктаж участвующих лиц. Например, при осуществлении осмотра больших по площади участков местности или помещений необходимо четко закрепить за собой и содействующими лицами (сотрудники опера-

тивных подразделений) определенные участки поиска, определить порядок и направление осмотра. Далее следует перейти к основному этапу проведения осмотра, и начать стоит с осмотра места закладки тайника.

Места закладки могут быть разнообразны, соответственно будут различаться и тактики осмотра в отдельно взятых случаях. Если закладка оборудована, к примеру, на участке местности под деревом в виде «прикопа», то несмотря на, казалось бы, наличие ярко выраженного центра, могут быть проблемы с определением этого самого центра и границ осмотра даже при наличии фотографий. Это может быть связано с общей невыразительностью места закладки и его слиянием с окружающей местностью. В таком случае целесообразно применение концентрического способа осмотра (от периферии к центру). В качестве мест для закладок также выступают и довольно узкие помещения по типу подъездов жилых многоквартирных домов, где применим узловой способ осмотра. При извлечении из тайника свертков с наркотическими средствами или психотропными веществами их следует подвергнуть тщательному осмотру на предмет наличия следов пальцев рук и, если таковые имеются, изъять их. В случае если способ сокрытия закладки отличался от рассмотренного выше, то осмотру на предмет следов и последующему изъятию стоит подвергнуть и предметы, использованные в качестве тайника (магниты, спичечные коробки, пустые пачки из-под сигарет и т.д.). Свертки должны быть обязательно развернуты в случае, если способ фасовки предполагал помещение, к примеру, в большой сверток из одного материала нескольких свертков меньшего размера с веществом, и тщательно пересчитаны с надлежащим занесением точного количества в протокол. При этом упаковочные материалы обязательно изымаются отдельно от других вещественных доказательств и также исследуются на предмет следов пальцев рук. Отдельно нужно уделить внимание другим следам. Возможно, преступные действия курьера или других лиц находились в пределах видимости камер наружного наблюдения, а значит и могли быть зафиксированы соответствующим образом [7, с. 45]. Однако их изъятие проводится уже в рамках выемки с соблюдением правил ст. 164.1 УПК РФ. Также не следует забывать о фото- и видеофиксации хода следственного действия, которые с точки зрения доказывания играют важное значение.

Осмотр мест производства наркотических средств и (или) выращивания растений, содержащих наркотические вещества, также имеет свою специфику. В качестве мест, как правило, выступают загородные земельные участки с отдельными постройками или же дачные поселки, гаражи. Производители для маскировки запаховых следов идут на некоторые ухищрения — например, используют животноводческие фермы как прикрытие для своей преступной деятельности. Когда же лица, осуществляющие преступную деятельность, не задержаны и перед осмотром предполагается их задержание в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, нужно учитывать, что часто доступ на такие объекты затруднен, они

могут охраняться сторожевыми собаками бойцовских пород или вооруженными лицами, которые могут оказать сопротивление (последнее наблюдается все же реже), поэтому в таких ситуациях в состав группы осмотра должны входить силы специального назначения оперативных подразделений. Это особенно важно с учетом того, что при возникновении опасности обнаружения следов преступной деятельности члены преступной группы предпринимают меры к их уничтожению. При подборе участвующих лиц нужно учитывать фактор того, что придется работать с веществами, которые могут вызывать аллергическую реакцию, поэтому лицам с заболеваниями дыхательных путей, аллергией противопоказано участие в осмотре. Необходимо также позаботиться о наличии у следственно-оперативной группы минимальных средств защиты (масок, респираторов, перчаток и т.д.) [8, с. 70]. При осмотре строений или сооружений следователь должен помнить о типичных средствах маскировки нарколабораторий и плантаций. Входы в «производственные» помещения могут быть скрыты при помощи мебели или иных объектов. На месте производства могут быть обнаружены элементы нарколаборатории (колбы стеклянные, центрифуги, делительные воронки, шприцы, дозаторы, лампы, спиртовки, горелки и т.д.), прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (химические соединения, реагенты и субстанции), наркосодержащие растения (высушенные или нет), тары для хранения реактивов и субстанций (канистры, толстостенные бутылки), материалы для упаковки (фольга, полимерные пакеты, зип-локи и т.д.), средства измельчения твердых веществ (ступки, кофемолки и т.д.), электронные весы, информационно-телекоммуникационные средства (компьютеры, телефоны, ноутбуки и т.д.), бумажные материалы (записи в блокнотах или на листках и т.д.). Все материалы должны быть исследованы на предмет наличия следов пальцев рук, но отметим, что в данном конкретном случае вероятность их обнаружения слишком низкая, поскольку изготовители также соблюдают меры безопасности при использовании реагентов и др. веществ. Особенности изъятия элементов нарколаборатории и химических реагентов состоят в том, что следователю необходимо большое количество специфических упаковочных материалов, при этом важной будет помощь специалиста-химика, которая более подробно будет рассмотрена позднее. В случае обнаружения растений, содержащих наркотические вещества, необходимо еще не высушенные растения (например, марихуаны) упаковать в картонные тары. Если эти объекты слишком влажные, то их следует просушить во избежание воздействия на них негативных факторов [9, с. 59]. Обязательно должна быть проведена фотофиксация всех изымаемых предметов.

Еще одним типичным местом происшествия являются жилые помещения преступников. Осмотр жилища требует либо согласия проживающих в нем лиц, либо судебного санкционирования. На начальном этапе проведения стоит закрепить каждое помещение (узел) за отдельным лицом из состава следственно-оперативной группы. Связано это не только со спецификой объекта осмотра, но и с большим разнообразием осматриваемых предметов. При проведении осмотра в жилых

помещениях особое внимание следует обращать на обследование предметов обычной домашней обстановки и обихода, к ним следует отнести мебель для сна, отдыха и для хранения. К примеру, наркотические средства могут быть спрятаны под самой мебелью для сна или же под спальным матрасом. Часто предметы преступного посягательства могут маскироваться среди одежды и документов. Может сложиться ситуация, при которой наркотические средства находятся не в жилом помещении, а в транспортном средстве. Объектами изъятия выступают не только наркотические средства, но и электронно-вычислительная техника, элементы упаковки, отдельные записи на бумажном носителе (если они предположительно относятся к преступной деятельности), весы, банковские карты, компьютерно-техническая литература, платежные и другие документы, относящиеся к преступной деятельности.

Для осмотра места происшествия по данной категории дел характерен одновременный осмотр предметов (электронных документов). Осмотр в последующем изымаемых предметов необходим для получения значимой информации о наличии у преступника специальных браузеров для анонимизации IP-адреса (Tor – самый известный и распространенный), наличии аккаунтов на даркнет-площадках, данных счетов и криптокошельков, переписке с другими членами преступной группы или покупателями и др. Объектами осмотра выступают персональные компьютеры и ноутбуки, мобильные устройства, банковские карты.

При осмотре компьютеров сначала необходимо произвести внешний осмотр его составных частей: системного блока, экрана, клавиатуры, мыши, иного подключенного оборудования (принтер, wifi-роутер, звуковое оборудование и т.д.). Все зафиксированные индивидуализирующие признаки подлежат фото- или видеофиксации, а в последующем должны быть отражены в протоколе следственного действия. Внешний осмотр проводится также при помощи технико-криминалистических средств (дактилоскопические порошки, лупа и т.д.) для обнаружения следов пальцев рук. Особое внимание нужно обратить на наличие роутера, поскольку он может содержать криминалистически значимую информацию об устройствах, которые подключались к роутеру для выхода в сеть Интернет, и сопоставить количество адресов с найденными устройствами [7, с. 45–46].

После внешнего изучения подключенных к персональному компьютеру устройств стоит приступить к внутреннему осмотру. Следует учитывать, что доступ к рабочему столу может быть закрыт. В данном случае, когда лицо задержано, целесообразно любой осмотр проводить в его присутствии. Стоит заметить, что уже на этапе до возбуждения уголовного дела и на этапе осмотра следователем закладывается фундамент для установления психологического контакта. Поэтому важно грамотно убедить задержанное лицо (подозреваемого, если лицо задержано в порядке ст. 91, 92 УПК РФ) в добровольном сотрудничестве со следствием. В случае успешного установления психологического контакта с доступом к рабочему столу не возникает сложностей.

Когда доступ был получен, следует приступить к осмотру. В первую очередь следует установить IP- и MAC-адреса. Это нужно для сопоставления их с данными от интернет-провайдера и платежных систем [Там же, с. 68]. Также на рабочем столе целесообразно изучить имеющиеся интернет-браузеры. Особое внимание следует обратить на наличие анонимизирующих браузеров, к примеру Tor. Однако изучения требуют все браузеры. Осуществляется это путем просмотра истории посещения веб-страниц и вкладок в браузере. Следует обратить внимание на социальные сети и переписку в них, а также группы и подписки, посещаемые сайты, электронные платежные системы или криптокошельки. Также исследуются данные электронной почты на предмет переписки и доступа к иным сетевым службам. Не стоит недооценивать важность проверки системы «облачных» сервисов, поскольку на них могут быть данные с других электронных устройств. Целесообразно и проведение действий, направленных на восстановление недавно удаленной информации, при этом внимание нужно уделить программам безвозвратного удаления информации, так как это может дать некоторую информацию для формирования последующих версий [Там же, с. 75–77].

Также средством совершения преступлений рассматриваемой категории являются средства сотовой связи (мобильные телефоны). Поэтому для следователя важно знать тактику осмотра таких объектов. Корпус таких устройств осматривается на наличие следов пальцев рук и иных микрообъектов. Изучение внешнего вида устройства следует отнести к одной из стадий необходимых для процессуального оформления осмотра. На стадии внешнего осмотра следователь, опираясь на консультации специалиста, может принять следующие решения: 1) о направлении устройства на компьютерно-техническую экспертизу; 2) о продолжении осмотра с участием специалиста.

В случае, если следователь принял решение о продолжении осмотра, нужно учитывать, что в целом тактика осмотра мобильных устройств сотовой связи похожа на тактику осмотра персональных компьютеров с некоторыми отличиями.

При осуществлении осмотра следует придерживаться следующего алгоритма действий:

- определение функциональных элементов (блок электрического питания, логический блок, радиоблок, блок пользовательского интерфейса);

- установление IMEI, уникального для каждого устройства международным идентификатором;

- распознавание модели сотового телефона, серийного номера телефона, операционной системы, версии, прошивки, телефонного номера SIM-карты, IP и MAC-адреса;

- изучение списка контактов, размещенных в «телефонной книге»;

- изучение SMS-сообщений. Это возможно путем сплошного просмотра или же выборочного, то есть при помощи функций поиска по ключевым словам или иных фильтров. Достаточно актуальным вопро-

сом является привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, при производстве следственных осмотров [10, с. 47]. Важным вопросом здесь является правовой режим доступа к электронным сообщениям. По сути, электронные сообщения подпадают под конституционную защиту (тайна переписки), поэтому необходимо судебное санкционирование, что подтверждается содержанием ч. 7 ст. 185 УПК РФ. Несмотря на это, переписка нередко содержит сведения о частной жизни, сбор, хранение и использование которых допустимо с согласия лица. Верховный суд также разъяснял этот вопрос, отметив, что доступ к переписке может быть осуществлен с согласия лица, чью тайну они составляют [11]. Таким образом, во всех случаях необходимо согласие лица или же судебное решение. Тем не менее думается, что необходимо в ч. 5 ст. 165 УПК РФ предусмотреть в перечне следственных действий не только осмотр жилища, обыск и выемку, но и осмотр электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, дав тем самым возможность произвести такой осмотр без судебного решения на основании постановления следователя, однако с последующим уведомлением прокурора и судьи не позднее 3 суток с момента начала производства данного следственного действия. Это позволит значительно ускорить комплексное проведение осмотра места происшествия.

Также стоит выделить

– осмотр электронных сообщений отдельно от осмотра предметов и документов;

- исследование данных браузера;
- изучение приложений;
- применение средств поиска файлов (применение UFED и т.д.);
- исследование средств синхронизации данных.

В качестве объекта осмотра могут выступать найденные банковские карты. Такие карты оформляются как на самих участников преступной группы, так и на других лиц (родственников, сожителей, подставных лиц). При осмотре карты целесообразно использование терминалов для получения необходимой информации, в том числе об истории операций с денежными средствами. Все данные о карте, находящиеся на ее лицевой стороне, должны быть отражены в протоколе следственного действия.

Следует отметить, что по рассматриваемой категории преступлений проведение обыска (выемки) имеет очень схожий характер с осмотром места происшествия – в особенности, если местом проведения выступает жилище. Поэтому сосредоточить внимание в рамках обыска (выемки) необходимо не на поисковых приемах, поскольку они были разобраны в рамках осмотра места происшествия, а на вопросе изъятия электронных носителей информации. С этой целью стоит проанализировать положения ст. 164.1 УПК РФ.

С введением ст. 164.1 УПК РФ не были заполнены пробелы, которые были характерны во время действия утративших на данный момент юридическую силу норм ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, что значи-

тельно влияет на эффективность тактики проведения следственных действий, предполагающих последующее изъятие предметов. Представляется очевидно неудачной формулировка ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Дело в том, что она предполагает действие этих правил, когда осуществляется производство по уголовному делу. Производство по уголовному делу начинается с момента вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела. Означает ли это, что при производстве осмотра места происшествия и выемки на стадии доследственной проверки предусмотренные правила изъятия электронных носителей информации можно не соблюдать? При буквальном толковании — да, однако следует учитывать различное видение тех или иных норм разными судами. Представляется логичным дополнить положение ч. 1 словами следующего содержания «и на стадии доследственной проверки» для устранения коллизии.

До сих пор не решен вопрос о том, что понимается под электронными носителями информации в контексте уголовного процесса. Официального толкования в судебных актах нет. Единственное определение содержится в п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013: «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». Некоторые ученые справедливо отмечают, что такая дефиниция не подходит для целей ст. 164.1 УПК РФ, поскольку она довольно широка по смыслу [12, с. 113]. Поэтому стоит выразить согласие с предлагаемой некоторыми авторами идеей о закреплении в ст. 5 УПК РФ термина «электронный носитель информации».

Еще одной проблемой является участие специалиста в изъятии электронных носителей информации. Часть 2 ст. 164.1 УПК РФ устанавливает обязательность участия специалиста в процессе изъятия. Данный подход вызывает достаточно обоснованные сомнения: во-первых, при осуществлении изъятия рассматриваемых объектов не во всех случаях нужны специальные знания или навыки — например, при изъятии флэш-накопителей или компакт-дисков достаточно иметь базовые знания и навыки работы с электронными устройствами, что становится все более доступным и известным; во-вторых, надо констатировать непоследовательность законодателя в вопросах копирования информации с электронных носителей. Парадокс заключается в том, что ч. 2 устанавливает обязательность участия специалиста и при копировании, при этом в ч. 3 право копирования информации уже возложено на следователя. Стоит отметить, что процесс копирования информации часто в той же степени, что и изъятие, требует применения специальных знаний. Требование об обязательном привлечении специалиста также неоправданно усложняет подготовительный этап следственного действия. Следует согласиться с мнением отдельных авторов, предлагающих исключить положение об обязательности привлечения специалиста к изъятию электронных носителей информации, закрепив за следователем право привлечь специалиста к изъятию данных объектов [13, с. 173].

Рассмотрев правовой аспект, следует обратиться к отдельным особенностям изъятия компьютерной техники. Отметим, что обычное опечатывание элементов компьютерной техники не предотвращает возможности подключения устройства к электрической сети или другому устройству. При изъятии нельзя допускать подобных случаев, поскольку при включении или подключении первоначально изъятая на внешнем источнике памяти информация может подвергнуться значительным изменениям, что усложняет проведение в будущем компьютерно-технических экспертиз. Например, при изъятии внешних накопителей (жесткий диск) опечатываться должны именно места возможного подключения электрического и информационного кабелей. При изъятии самой техники важно обнаружить все возможные источники внешней памяти как внутри электронного устройства, так и удаленно подключенные [14, с. 295–296].

Думается, что рассмотренные авторами рекомендации по проведению невербальных следственных действий в рамках проблематики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет могут повысить эффективность тактико-криминалистического обеспечения расследования данной категории преступлений.

Список литературы

1. *European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction and Europol (2019) : EU Drug Markets Report 2019 / Publications Office of the European Union, Luxembourg. URL: https://www.euda.europa.eu/system/files/media/publications/documents/12078/20192630_TD0319332ENN_PDF.pdf (дата обращения: 02.10.2025).*

2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

3. *Новокионов Д. В. Некоторые проблемы реализации уголовно-процессуальной политики на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: поручения следователя органу дознания как форма взаимодействия при расследовании преступлений // Евразийский юридический журнал. 2025. №3 (202). С. 390–392. doi: 10.46320/2073-4506-2025-3-202-390-392.*

4. *Есина А. С., Жамкова О. В. Орган дознания и оперативно-разыскная деятельность: соотношение понятий // Вестник экономической безопасности. 2018. №2. С. 107–110.*

5. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / А. В. Агутин, А. Л. Аристархов, Е. А. Архипова [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. С. П. Щерба. М., 2020.*

6. *Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29.08.2014 г. №736. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

7. *Земцова С. И., Суров О. А., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов. Красноярск, 2019. doi: 10.51980/2019_67.*

8. *Решин А. В., Попельницкий Е. В. Некоторые аспекты тактики и технологии осмотра, фиксации и изъятия объектов в нарколабораториях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. №4 (37). С. 67–74. doi: 10.51980/2542-1735_2019_4_67.*

9. Подолевский А.С. Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконного культивирования наркосодержащих растений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. №4. С. 56–60.

10. Дудниченко А.Н. О некоторых дискуссионных вопросах использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. №2 (64). С. 46–49.

11. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 №46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Закон и право. 2020. №1. С. 112–114.

13. Шигуров А.В., Подольный Н.А. Проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №1 (49). С. 169–174. doi: 10.36511/2078-5356-2020-1-169-174.

14. Кувычков С.И. О современных проблемах проведения судебно-компьютерных экспертиз в ходе предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №2 (34). С. 293–298.

Об авторах

Анатолий Михайлович Кустов – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Академия управления МВД России, Москва, Россия.
SPIN-Code: 2347-9181
E-mail: amkustov@bk.ru

Олеся Александровна Макарова – канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград, Россия.
SPIN-Code: 6631-1470
ORCID ID: 0000-0002-0858-7171
E-mail: mgf1906@yandex.ru

A. M. Kustov¹, O. A. Makarova²

TACTICAL AND FORENSIC SUPPORT FOR INVESTIGATIONS INTO CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING COMMITTED USING THE INTERNET. PART ONE

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 29 September 2025

Accepted 14 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-2

To cite this article: Kustov A.M., Makarova O.A. 2026, Tactical and forensic support for investigations into crimes related to illegal drug trafficking committed using the Internet. Part one, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 20–33. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-2.

The objectives of the study, published in two parts, are to analyze the organizational and tactical features of conducting certain investigative actions and, on this basis, to develop practical recommendations within the framework of tactical and forensic support for the investigation of crimes related to illicit drug trafficking using the Internet. The first part of the article examines interaction between the investigator and inquiry bodies and proposes criteria for the admissibility of assigning tasks by the investigator to inquiry bodies. The article analyzes the tactical features of conducting certain investigative actions, such as crime scene inspection, inspection of objects, as well as searches (seizures). It describes a recommended procedure for the inspection of computers, including the examination of their components and additional devices, such as printers, Wi-Fi routers, etc. Recommendations for the inspection of mobile devices include identifying functional elements; establishing the IMEI identifier; determining the mobile phone model, serial number, operating system, version and firmware, the SIM card phone number, IP and MAC addresses; examining the list of contacts stored in the “phone book”; and reviewing SMS messages.

Keywords: drugs, Internet, investigator, inquiry agency, investigative actions

The authors

Prof. Anatoly M. Kustov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Management of Crime Investigation Agencies, Moscow, Russia.

SPIN-Code: 2347-9181

E-mail: amkustov@bk.ru

Dr Olesya A. Makarova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-0858-7171

SPIN-Code: 6631-1470

E-mail: mgf1906@yandex.ru

О. С. Гудченков

**НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
СИСТЕМНЫЙ ВЫЗОВ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

Принята к публикации 14.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-3

Для цитирования: Гудченков О.С. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в условиях цифровизации: системный вызов национальной безопасности России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-3.

Статья посвящена анализу угроз национальной безопасности России при развитии незаконного оборота наркотиков с использованием цифровых технологий. Цели работы состоят в комплексном анализе современных угроз национальной безопасности Российской Федерации, вызванных трансформацией незаконного оборота наркотиков под влиянием процессов цифровизации, а также оценке эффективности существующих способов и методов противодействия преступности данного вида. Методологическую основу работы составили системный подход (благодаря которому данное явление было рассмотрено как многоуровневая угроза), методы анализа, синтеза и сравнительно-правового анализа. В результате выявлены ключевые системные вызовы, такие как высочайшая автоматизация, анонимность и латентность незаконного оборота наркотиков, существенно усложняющие работу правоохранительных органов. Кроме того, подчеркнута высокая доходность незаконного оборота наркотиков, обеспечивающая его устойчивость и развитие. Сделан вывод о системной трансформации влияния криптовалют на незаконный оборот наркотиков с учетом того, что данный вид цифровой валюты следует рассматривать не просто как платежное средство, а как настоящий инструмент усиления потенциала и операционной устойчивости наркопреступности. Оценен ключевой риск пропаганды незаконного оборота наркотиков в цифровой среде, который интерпретируется как прямая угроза национальной безопасности РФ в связи с целенаправленным вовлечением молодежи в наркооборот. Основной вывод исследования заключается в том, что для нейтрализации угроз в первую очередь необходимо системное переосмысление основ антинаркотической политики РФ, при котором приоритетным направлением станет борьба с причинами, а не с последствиями.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, антинаркотическая политика, национальная безопасность, darknet, цифровизация, преступность

Сегодня перед обществом и государством стоит серьезнейшая задача по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, вызванная качественно новой моделью развития наркооборота. Обладая высокими

адаптационными свойствами, незаконный оборот наркотиков смог активно интегрировать цифровые технологии в свою деятельность, что позволило обеспечить беспрецедентную автоматизацию операционных процессов. Активное применение инструментов теневого интернета (Darknet), развитие зашифрованных каналов связи, переход на безналичную оплату, а также криптовалютные платежи – все эти факторы существенным образом повысили уровень анонимности и конспирации преступников (см. об этом: [8, с. 378]). Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни способствовала почти полному переходу наркооборота в интернет-пространство, где Интернет, социальные сети и мессенджеры стали главными инструментами злоумышленников.

В итоге незаконный оборот наркотиков в настоящее время приобрел признаки массового социально опасного явления, демонстрирующего устойчивую тенденцию к постоянному масштабированию и разрастанию [2, с. 276]. Складывающаяся ситуация подтверждается официальными статистическими данными, согласно которым за 2024 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано около 198 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, почти 160 тыс. из которых являются тяжкими или особо тяжкими. Кроме того, удельный вес такой преступности составил около 10,4 %, тогда как в 2023 г. он был на уровне 9,8 % [13]. Указанная динамика, несмотря на доклады правоохранительных органов, является качественным индикатором высокой адаптивности наркооборота, проявляющейся в использовании цифровых платформ и зашифрованных каналах связи. При этом основную часть раскрытых преступлений составляют дела в отношении курьеров и рядовых покупателей, в то время как организаторы остаются безнаказанными. Данные обстоятельства не только подчеркивают характер масштабности данного явления, но и подтверждают системный и организованный характер проблемы. Кроме того, к существенным детерминантам незаконного оборота наркотиков можно отнести также нестабильность экономической ситуации и высокую социальную напряженность, которые создают благоприятные условия для расширения данного вида преступности. Все это свидетельствует о глубокой укорененности рассматриваемого явления, вызывая в обществе вполне обоснованную тревогу.

Следует отметить, что незаконный оборот наркотиков не только негативно влияет на здоровье населения, усугубляет демографическую ситуацию, разрушает морально-нравственные устои общества, но и серьезнейшим образом угрожает безопасности и суверенитету страны, способствуя росту преступности и коррупции [6, с. 88]. Данная проблема приобрела характер системного вызова, требующего от государственных органов и институтов адекватных и жестких мер противодействия. Однако для разработки таких мер первостепенной задачей является анализ основных угроз – именно он создает фундамент адекватной стратегии. Без проведения такой работы стратегия может быть направлена на борьбу с последствиями, а не с причинами.

Важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности является формирование комплексной и адаптивной нормативно-правовой базы, учитывающей современные формы преступности. Основополагающий документ в сфере антинаркотической политики – «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная указом Президента РФ [11]. Данный документ в полной мере раскрывает сущность угроз национальной безопасности, обращая внимания на масштабное использование сети Интернет, использование новейших финансовых инструментов и способов оплаты, а также появление новых форм противоправной деятельности, в том числе с использованием инновационных технологий. Однако рассмотрение стратегических целей государственной антинаркотической политики позволило выявить существенный пробел, связанный с отсутствием ориентированности на выявление и противодействие наркопреступности с использованием современных цифровых технологий. В этой связи обращаем внимание на разрыв между актуальными угрозами и обозначенными целями борьбы с ними. На практике данный пробел приводит к фрагментарности применяемых мер, поскольку усилия всей правоохранительной системы направлены на борьбу с рядовой преступностью, тогда как глобальная цифровая наркоинфраструктура остается вне досягаемости.

Учитывая, что именно современные технологии заняли доминирующую роль при осуществлении незаконного оборота наркотиков, а также с учетом напряженной криминологической обстановки на сегодняшний день, полагаем, что было бы целесообразно закрепить в списке стратегических целей именно борьбу с незаконным оборотом наркотиков в контексте цифровых технологий, поскольку именно эта сфера сегодня представляет первоочередную угрозу национальной безопасности РФ. Данное решение позволило бы выстроить четкую систему приоритетов, приведя нормативно-правовую базу в соответствие с реальными вызовами.

Кроме того, в документе упоминается общая цель по сокращению незаконного оборота наркотических средств, однако, несмотря на видимую целесообразность, данная абстрактная формулировка не отражает реальной эффективности принимаемых мер [9, с. 52]. Специфика «сокращения» может предполагать как незначительное снижение отдельных показателей, так и существенное, но разовое, что не отражает системного прогресса в общей концепции противодействия. Подобная иллюзорность демонстрирует временную адаптацию к трудностям, а не единую системную модель борьбы. В этой связи правоохранительные органы могут отчитываться о локальных результатах, однако существенного значения для системной борьбы этот подход иметь не будет. Таким образом, данный критерий не только не позволяет оценить степень прогресса, но и дезориентирует политику, подменяя создание устойчивой системы противодействия его ситуативной и фрагментарной адаптацией.

В этой связи представляется более верным определить стратегическую цель не просто как «сокращение», а как последовательную мини-

мизацию незаконного оборота наркотиков. Данная концепция предполагает не просто временное снижение показателей, а их системное сведение к минимальному уровню. Такой подход позволяет исключить возможность подмены реальных результатов и делает бессмысленным «статистические иллюзии». Кроме того, такое определение цели позволяет сфокусироваться именно на устранении ключевых факторов незаконного оборота наркотиков, а не на борьбе с его отдельными проявлениями. Подобная переориентация подхода позволит выработать более конкретные и измеримые критерии оценки и сосредоточить усилия на практической реализации поставленных задач.

В условиях глобальной трансформации и цифровизации для эффективного противодействия незаконному обороту наркотиков и борьбы с данным явлением в первую очередь требуется концептуальный пересмотр основ антинаркотической политики на современном этапе [1, с. 11]. Традиционные криминологические концепции, рассматривающие данное явление как простое преступление, по нашему мнению, утрачивают свою актуальность, поскольку не отражают специфику многоуровневой и транснациональной природы наркооборота. Незаконный оборот наркотиков, сохраняя свою многовековую экономическую природу распределения, претерпел трансформацию операционной деятельности. Характерная для конца XX в. традиционная модель иерархичной организованной преступной группы сменилась на децентрализованные структуры, где каждый участник цепи действует в условиях максимальной анонимности. Данная трансформация порождает комплекс системных проблем для правоохранительных органов – снижение эффективности традиционных методов противодействия, увеличение технологического отставания от преступников, а также рост масштабов вовлечения молодежи в цифровой наркооборот.

В этой связи особое внимание обращаем на необходимость модернизации антинаркотической политики, которая должна быть сфокусирована не просто на борьбе, а на развитии модели прогнозирования и превентивного выявления угроз, в том числе с использованием самых современных технологий. Необходим отказ от карательной парадигмы, где главным ориентиром является борьба с последствиями наркооборота, а незаконный оборот наркотиков рассматривается как явление традиционно неизбежное, борьба с которым необходима по факту его проявления. Более уместен подход, в котором наркооборот рассматривается как явление социальное и динамичное, наделенное определенными чертами и особенностями, а также разноуровневыми детерминантами. Исходя из этого для эффективного сдерживания незаконного оборота наркотиков необходимо сфокусироваться именно на причинах, что позволит повысить прогнозируемость и управляемость наркорынка. Данная концепция особенно актуальна в условиях цифрового наркооборота, где борьба с причинами явления наиболее правильна, поскольку оперативное реагирование на отдельные проявления невозможно ввиду их массовости.

Кроме того, высокий уровень латентности и анонимности всегда был характерной чертой незаконного оборота наркотиков вне зависи-

мости от исторических периодов. Такая особенность обуславливается самой природой данного вида преступления, где взаимовыгодные отношения между его участниками позволяют сохранять соответствующий уровень конспирации. По подсчетам Е.Э. Турутиной, выявляемость наркопреступлений составляет примерно 3% от предполагаемого незаконного оборота наркотиков [16, с. 141], что, по нашему мнению, вполне реалистично. Конечно, оценить реальный масштаб наркопреступности при нынешних подходах не представляется возможным, однако очевидно, что данный вид преступности является одним из лидеров в нашей стране по уровню латентности.

С переходом наркооборота в цифровую среду особое беспокойство в контексте современных вызовов национальной безопасности вызывает растущая латентность данных преступлений, которая достигла критического уровня. Доступность Интернета, социальных сетей, цифровых сервисов, криптовалют и VPN-сервисов позволила создать условия для обеспечения высочайшей анонимности участникам наркооборота [5, с. 326]. Кроме того, современные технологии смогли существенно масштабировать незаконный оборот наркотиков, при этом ускорив его в разы. Складывающаяся ситуация не просто усложняет работу правоохранительным органам, но, по сути, сковывает ее. Значительная часть сотрудников оперативных подразделений правоохранительной системы не обладает современными знаниями в области киберкриминалистики, блокчейн-транзакций, а также противодействия инструментам атомизации. В результате формируется существенный технологический разрыв между высокоадаптивными преступниками и правоохранительной системой, которая испытывает кризис оперативных возможностей. Все это приводит не только к росту нераскрытых преступлений, но и к возникновению еще большего количества незафиксированных преступлений.

Данная проблема представляет собой вызов первостепенной важности, поскольку происходит формирование искаженной картины криминогенной реальности, что ведет к критической недооценке истинных масштабов незаконного оборота наркотиков. В результате не представляется возможным выстраивание эффективных и соразмерных мер противодействия. Без точного понимания реальных объемов наркооборота и количества вовлеченных лиц также невозможно обеспечить и разработку превентивных стратегий, что при цифровом наркообороте, по нашему мнению, имеет фундаментальную важность.

Одной из характерных черт незаконного оборота наркотиков является его высокая доходность, благодаря которой обеспечивается исключительная устойчивость наркооборота. Наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги на протяжении всего своего существования являлись частью огромной нелегальной экономической системы, которая не только влияла на преступные правоотношения, но и приводила к серьезнейшим войнам и конфликтам (см.: [12, с. 62]). Аккумулируя огромные капиталы, наркобизнес почти все свои расчеты производил наличными деньгами, чем существенно повышал риски

для себя. Именно поэтому незаконный оборот наркотиков почти всегда искал способы обеспечения своей финансовой деятельности, но так, чтобы это оставалось в тени.

С приходом всеобщей цифровизации историческая потребность наркобизнеса нашла свое воплощение в криптовалютах. Данный вид валюты создан по аналогии с традиционными валютами, однако он имеет ряд ключевых особенностей. Для осуществления незаконного оборота наркотиков криптовалюта идеальна тем, что при открытии криптокошелька не требуется подтверждение личности, а значит, лицо может оставаться анонимным [15, с. 116]. Кроме того, отсутствует контроль со стороны единого органа, например какого-либо банка или государства, поскольку управление происходит децентрализованно. Еще одним преимуществом является трансграничность, при которой происходит простой доступ из любой точки мира, а перевод средств никак не ограничен. В результате у преступников появляются беспрецедентные возможности по проведению финансовых операций и обналичиванию денег при минимизации всяческих рисков.

Начиная с 2010-х гг. криптовалюты стали основным способом транзакций как для крупного, так и для рядового наркобизнеса. В России данные технологии стали применяться чуть позже, но при этом их распространение было таким стремительным, что контролирующие и надзорные органы не успевали реагировать. Чаще всего криптовалюты используются:

- 1) как выплаты заработной платы соучастникам незаконного оборота;
- 2) как способ оплаты за приобретаемый или поставляемый товар;
- 3) как способ легализации наркодоходов [4, с. 55–56].

Таким образом, в современных реалиях криптовалюты выступают не просто инструментом для расчетов — они существенно усиливают потенциал наркопреступности, обеспечивая безопасность преступникам, а также позволяют выводить огромные капиталы за границу. Выведенные средства могут быть конвертированы в ресурсы для финансирования деятельности против РФ — от поддержки дестабилизирующих групп до прямого финансирования экстремистских и террористических организаций.

Острой проблемой современности является бесконтрольная пропаганда наркотиков в цифровой среде. Социальные сети, блоги, различные каналы и группы пользуются широкой популярностью среди пользователей, особенно подростков и молодежи, что стимулирует преступников активно размещать информацию на данных ресурсах. Особую опасность представляет нормализация потребления запрещенных веществ через контент, распространяемый в открытых цифровых источниках. Популярны блогеры и стримеры открыто делятся опытом употребления и продажи наркотиков, рассказывают истории из своей жизни, формируя у молодежи элемент гламурности потребления. Стриминговые платформы и социальные сети фактически вовлечены в противоправную деятельность, поскольку все ограничения носят формальный характер, а их обход не вызывает больших затруднений [18, с. 71]. Алгоритмы продвижения на таких ресурсах продол-

жают рекомендовать негативный материал многомиллионной аудитории. Кроме того, известные музыканты и рэп-исполнители в своем творчестве нередко используют воспевание и романтизацию наркокультуры, открыто заявляя о причастности к торговле и / или потреблению наркотиков. Подобная «нормализация» формирует у подростков и молодежи представление о том, что наркотики – это определенный атрибут успеха, а их употребление рассматривается как что-то модное и богемное [3, с. 93].

Кроме того, критическую остроту проблеме придает влияние социальных сетей на формирование отсутствия страха употребления наркотиков среди молодежи [17, с. 557]. В данном случае боязнь негативных последствий в виде деградации, зависимости, проблем со здоровьем и привлечения к административной или уголовной ответственности выступает естественным барьером, который спасает судьбы многих людей. Однако легкий доступ к нежелательному контенту в Интернете и социальных сетях позволяет получать необходимую информацию о способах употребления, усиления эффекта действия наркотика, а также о возможности его приобретения. В результате утрачивается самый главный эффективный механизм профилактики наркооборота, основанный на внутреннем самоограничении. Молодой человек не боится наступления тяжелых последствий, в результате убежденность в отсутствии привыкания или негативного влияния на организм, высказанная авторитетным и популярным человеком, становится главной иллюзией безопасности. Все это и приводит к первому опыту наркопотребления и формированию зависимостей [14, с. 96]. Без формирования внутреннего страха наркотиков любые силовые и законодательные меры будут неэффективны.

Таким образом, представляется необходимым усиление контроля со стороны надзорных органов к выпускаемому контенту в социальных сетях и на стриминговых платформах, поскольку потребительская аудитория такого контента значительна, прежде всего охватывая молодежь и подростков. Формирование у молодого поколения искаженных жизненных ценностей не просто представляет системную проблему, а напрямую угрожает национальной безопасности в стратегической перспективе, поскольку подрывает социальную стабильность государства [7, с. 37].

В этой связи следует подчеркнуть важность изменений в законодательстве РФ, связанном с пропагандой незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров. Так, федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 226-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 230.3 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» [10]. Согласно положениям данной статьи, лица, которые ведут пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет), привлеченные ранее к административной ответственности два раза в течение одного года, подлежат уголовной ответственности.

Оценивая это решение, отмечаем правильность данной меры в борьбе с пропагандой незаконного оборота наркотиков в цифровой среде, однако считаем, что условие привлечения к административной ответственности дважды за подобные деяния ранее создает внутренний барьер для правоприменителя. Повторное совершение данного деяния прямо свидетельствует об умысле. Кроме того, учитывая сложную обстановку наркоситуации в стране, решение о переносе вступления в силу данной статьи с 1 сентября 2025 г. на 1 марта 2026 г. вызывает серьезные вопросы. Тем не менее саму идею введения уголовной ответственности за подобные деяния следует оценивать положительно — данное решение должно стать прочной основой для всей системы противодействия.

Подводя итог, можно констатировать, что ситуация, связанная с незаконным оборотом наркотиков на территории РФ, в настоящее время находится в состоянии системного кризиса, вызванного стремительной цифровизацией. Трансформация незаконного оборота наркотиков привела к беспрецедентной автоматизации процессов, обеспечив участникам максимальный уровень безопасности и анонимности. Критическим следствием такой трансформации стал и высочайший уровень латентности, который создает существенные препятствия для оценки реальных масштабов незаконного оборота наркотиков, в результате чего разработка эффективных мер противодействия и борьбы с данным явлением затруднена. Высокая доходность незаконного оборота наркотиков, а также внедрение его в часть незаконной глобальной экономической системы позволяет прийти к выводу, что именно эти факторы обеспечивают устойчивость незаконного оборота наркотиков. Кроме того, благодаря развитию криптовалют произошла системная трансформация данного вида валюты, которая перестала быть простым средством для платежей, а превратилась в реальный инструмент усиления преступного потенциала незаконного оборота наркотиков. Децентрализованная природа криптовалюты и анонимность при операциях с ней не только обеспечивают операционную безопасность, но и придают наркобизнесу транснациональный импульс, позволяя беспрепятственно перемещать активы за границу. Усугубляется ситуация активной пропагандой наркокультуры в цифровой среде, где незаконный оборот наркотиков романтизируется и «нормализуется». Употребление и распространение наркотиков рассматриваются молодежью как элемент успеха, и в итоге искажаются жизненные ориентиры.

Изучив детерминанты данного вида преступности, можно сделать вывод, что современный незаконный оборот наркотиков с использованием цифровых средств является не просто проблемой, а серьезнейшей угрозой национальной безопасности, разлагая нравственные основы общества, снижая демографический потенциал населения и угрожая суверенитету страны. Для проведения комплексной борьбы необходимо системное переосмысление основ антинаркотической политики РФ, главным элементом которой должен стать переход на превентивные

модели противодействия, направленные на устранение коренных причин наркопреступности. Традиционные методы реагирования на последствия исчерпали свою эффективность ввиду массовости наркооборота в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Васильева М. К. Стратегия государственной антинаркотической политики и риски обеспечения антинаркотической безопасности // *Глаголь правосудия*. 2022. №1(27). С. 5–12. EDN CGNWQW.

2. Грудинин Н. С. Статистические показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2021. №1 (838). С. 266–278. doi: 10.52070/2500-3488_2021_1_838_266. EDN UKLANP.

3. Дудина Н. А. Пропаганда наркотических средств и склонение к потреблению наркотических средств в сети Интернет // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2022. №4 (49). С. 89–94. doi: 10.51980/2542-1735_2022_4_89. EDN KIZBFB.

4. Земцова С. И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. №1 (13). С. 54–63. doi: 10.24411/2587-9820-2020-10007. EDN FJUDZM.

5. Кузина Л. С. Незаконный оборот наркотиков в сети Интернет // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2020. №2. С. 323–328. EDN MJAХGW.

6. Куцев В. В. Незаконный оборот наркотиков как угроза национальной безопасности // *Евразийская адвокатура*. 2023. №4 (63). С. 88–91. doi: 10.52068/2304-9839_2023_63_4_88. EDN HPZCNC.

7. Кушнарев А. С. Прокурорский надзор в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и их пропаганды в сети «Интернет» // *Уральский журнал правовых исследований*. 2023. №2 (23). С. 35–40. doi: 10.34076/2658_512X_2023_2_35. EDN SVOIAC.

8. Маллекер Д. И. Причинный механизм вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития цифровизации в России // *Виктимология*. 2024. Т. 11, №3. С. 377–391. doi: 10.47475/2411-0590-2024-11-3-377-391.

9. Мальков С. М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика, тенденции, недостатки // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2021. №1 (42). С. 51–56. doi: 10.51980/2542-1735_2021_1_51. EDN AJQQIX.

10. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации*: федер. закон от 08.08.2024 г. №226-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=607290511> (дата обращения: 15.09.2025).

11. *Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года*: указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. №733 // *Собрание законодательства РФ*. 2020. 30 нояб. №48. Ст. 7710.

12. Смелова С. В., Тотоев Р. Р. Наркобизнес как сектор теневой экономики и угроза экономической безопасности страны // *Теневая экономика*. 2023. Т. 7, №1. С. 55–72. doi: 10.18334/tek.7.1.116937. EDN XBCXFM.

13. *Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года* // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.08.2025).

14. *Тепляшин П. В., Кириллов И. А.* Маркеры нарковиктимности несовершеннолетних (криминологический аспект) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. №3 (56). С. 93–98. EDN UDEIUR.

15. *Тертычная И. В., Бадзгардзе Т. А., Проурзина О. Ю.* Особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, совершенных с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Аграрное и земельное право. 2022. №9 (213). С. 113–117. doi: 10.47643/1815-1329_2022_9_113. EDN JUEOKJ.

16. *Турутина Е. Э.* Проблемы выявления латентной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Российского университета кооперации. 2022. №3 (49). С. 140–143. EDN SUMOQN.

17. *Фарахиева Г. Р.* Социальная среда как фактор вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, №4(46). С. 555–560. doi: 10.37973/KUI.2021.25.81.016. EDN BFGQFN.

18. *Щурова А. С.* Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.

Об авторе

Олег Станиславович Гудченков — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0003-3480-4066

SPIN-код: 1371-3479

E-mail: Oleg_2_0_00@mail.ru

O. S. Gudchenkov

ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A SYSTEMIC CHALLENGE TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 29 September 2025

Accepted 14 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-3

To cite this article: Gudchenkov O.S. 2026, Illegal trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the context of digitalization: a systemic challenge to Russia's national security, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-3.

The article analyzes threats to Russia's national security arising from the development of illicit drug trafficking through the use of digital technologies. The objectives of the study include a comprehensive analysis of contemporary threats to the national security of the Russian Federation caused by the transformation of illicit drug trafficking under the influence of

digitalization processes, as well as an assessment of the effectiveness of existing means and methods of countering this type of crime. The methodological framework of the study is based on a systemic approach, which makes it possible to consider this phenomenon as a multilevel threat, as well as methods of analysis, synthesis, and comparative legal analysis. As a result, the study identifies key systemic challenges, such as the extremely high level of automation, anonymity, and latency of illicit drug trafficking, which significantly complicate the work of law enforcement agencies. In addition, the study emphasizes the high profitability of illicit drug trafficking, which ensures its sustainability and further development. The author concludes that the influence of cryptocurrencies on illicit drug trafficking has undergone a systemic transformation, given that this type of digital currency should be regarded not merely as a means of payment, but as a genuine tool for enhancing the capacity and operational resilience of drug-related crime. The study assesses the key risk of the promotion of illicit drug trafficking in the digital environment, interpreting it as a direct threat to the national security of the Russian Federation due to the targeted involvement of young people in drug trafficking. The main conclusion of the study is that neutralizing these threats primarily requires a systemic rethinking of the foundations of the anti-drug policy of the Russian Federation, in which combating root causes, rather than consequences, becomes the priority.

Keywords: drug trafficking, antidrug policy, national security, darknet, digitalization, crime

The author

Oleg S. Gudchenkov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0003-3480-4066

SPIN-код: 1371-3479

E-mail: Oleg_2_0_00@mail.ru

УДК 94(430).085

Д. И. Оборин

**«ШТАЛЬДЗЕНСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ»:
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ
В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

45

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 16.09.2025 г.
Принята к публикации 14.12.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-4

Для цитирования: Оборин Д.И. «Штальдзенская Швейцария»: эпизод из истории охраны природы в Восточной Пруссии первой трети XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 45–58. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-4.

Публикуется комментированный перевод короткой, но содержательной переписки, состоявшейся в 1923 г. между главным инспектором дамб дельты Мемеля Куслингом, консерватором исторических и культурных памятников Восточной Пруссии Р.Й. Детлефсеном и директором Государственной комиссии по охране памятников природы в Пруссии В. Шёнихеном. В переписке обсуждается необходимость охраны на северо-западе Восточной Пруссии нетронутого участка дикой природы, получившего неофициальное название «Штальдзенская Швейцария». Содержание писем, поднимаемые в них темы и обстоятельства написания особенно интересны с учетом слабой изученности процесса становления и развития природоохранной деятельности на территории Восточной Пруссии в первой трети XX в. Дополнительный интерес для историков региональной культуры может представлять факт участия в переписке, посвященной охране природы, Детлефсена, известного в первую очередь своей деятельностью по охране восточнопруссских памятников истории и культуры. Оригиналы публикуемых писем хранятся в Федеральном архиве Германии в Кобленце.

Ключевые слова: Вальтер Шёнихен, Рихард Детлефсен, природоохранная деятельность, охраняемая природная территория, Восточная Пруссия

«Отец, основатель и руководитель...»

В конце XIX — начале XX века охрана памятников природы¹ наряду с защитой исторических и культурных памятников начала приобретать в Германии всё большее значение и привлекать интерес различных

¹ В то время памятники природы (Naturdenkmäler) в Германии понимались как наиболее характерные образования местной природы, особенно те, которые все еще находятся на своем первоначальном месте, будь то части ландшафта, особенности рельефа или флора и фауна [15, S. 134].

общественных групп. Более того, памятники природы рассматривались как часть культуры, и их сохранность, по крайней мере номинально, входила в круг обязанностей министра культуры Пруссии [31, S. 356]. Одним из наиболее влиятельных деятелей в сфере защиты природных памятников как части германской культуры являлся немецкий композитор и преподаватель музыки Эрнст Рудорф (Ernst Rudorff, 1840–1916), «главный герой первых начинаний по сохранению природы и наследия в Германии» [7, S. 21]. Рудорф, будучи представителем культурной элиты, отстаивал соответствующее своему положению и профессии представление о том, что нуждается в защите, и возглавил движение «Защита родной земли» (Heimatschutz). В основе его подхода лежала критика промышленного развития и обусловленных им социальных изменений, например массового оттока населения из сельских районов в индустриальные центры, а также идея о нравственном возвышении и трансформации личности благодаря соприкосновению с классическими произведениями культуры и величественными природными достопримечательностями [26, p. 844]. Закономерным итогом такого «окультуривания природы» стала статья 150 Веймарской конституции 1919 г., включенная в раздел «Образование и школа» и гласившая, что «памятники искусства, истории и природы, а также ландшафт находятся под защитой и заботой государства» [19, S. 19].

В период нацистской политики «гляйхшалтунга» эта задача охраны памятников природы была выражена в законе рейха о защите природы от 26 июня 1935 г. (Reichsnaturschutzgesetz). Несмотря на то что в историографии вопрос об эффективности и долгосрочном влиянии этого закона остается дискуссионным¹, закон 1935 г. позволил упростить формирование охраняемых природных территорий. Некоторые из них, расположенные в Восточной Пруссии, предшествовали государственным природным заказникам и национальным природным паркам Калининградской области.

Как отметили в 2020 г. А. В. Левченков и Ю. Н. Гришанова, «история природоохранной деятельности на территории современной Калининградской области относится к числу наименее изученных вопросов краеведения» [27, p. 332]. Их совместная работа проясняет многие аспекты этой темы, однако веймарский период истории природоохранной деятельности либо показан очень поверхностно, либо не отражен вовсе. То же касается и более ранних справочных изданий, в которых затрагивается история формирования первых охраняемых природных территорий [5; 6], и трудов зарубежных специалистов, в частности Ханса Крамера (Hans Kramer, 1896–1982). Особенно это характерно для

¹ Так, «государственная охрана природы получила широкие возможности для деятельности в концептуальном, правовом и организационном плане» [31, S. 384], а «внутренняя структура административной и партикулярной охраны природы была впервые стандартизирована во всем рейхе» [28, S. 29], однако «строгие предписания закона об охране природы рейха часто подчинялись экономическим и военным интересам» [7, S. 25], что оказывало негативное влияние на природу.

северо-западного пограничного пространства, где в немецкий период располагался природный заповедник «Немецкий лосиный лес» (Deutscher Elchwald), а в настоящее время действует государственный природный заказник «Дюнный». Например, Крамер в предисловии к труду «Лосиный лес. Земля, народ, охота» («Elchwald. Land, Leute, Jagd») пишет, что «история “Лосиного леса” коротка: в 1937 году он был основан, а в январе 1945 года нам пришлось его покинуть. И все же по желанию многих восточнопрусских охотников и издательства память о нем должна быть сохранена в словах и образах» [23, S. 9]. Крамер достаточно подробно описывает историю и многообразие флоры и фауны этого места, приводит детальные сведения о создании и формировании в 1937 г. единой охраняемой природной территории из нескольких лесничеств [Ibid., S. 11], но не дает каких-либо сведений о характере предшествующей природоохранной деятельности. Таким образом, период, предшествовавший второй половине 1930-х гг., когда были созданы основные природные заповедники Восточной Пруссии, остается практически неисследованным.

Решение этой проблемы зависит от доступности источников, которые могли бы пролить свет на характер природоохранной деятельности, попытки создания охраняемых природных территорий и участие конкретных лиц в охране природы Восточной Пруссии в первой трети XX в. Такими источниками могут служить архивные документы Государственной комиссии по охране памятников природы в Пруссии (Staatliche Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen) (далее – Государственная комиссия). Благодаря содействию Федерального архива Германии в поиске, оцифровке и передаче документов эти источники стали доступны для исследования. Среди адресатов рабочих и личных писем служащих комиссии встречаются люди, которых сложно было бы заподозрить в участии в природоохранной деятельности. Одним из таких респондентов был Рихард Йепсен Детлефсен (Richard Jepsen Dethlefsen, 1864–1944), консерватор исторических и культурных памятников Восточной Пруссии, архитектор и исследователь региональной культуры. За исключением аспекта природоохранной деятельности биография Детлефсена в настоящее время хорошо изучена и представлена в ряде работ [1; 2; 33], среди которых стоит выделить публикацию И. В. Белинцевой, посвященную истории архитектуры Восточной Пруссии.

Детлефсен родился в прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн, в местечке Грёнланд недалеко от города Экензунд¹. Он учился в реальной гимназии во Фленсбурге, а после экзамена на аттестат зрелости переехал в Ганновер, чтобы изучать архитектуру и историю искусств в Высшей технической школе. После сдачи выпускного экзамена в конце 1889 г. был принят на государственную службу в должности правительственного архитектора и первоначально работал в своей родной провинции, затем в Померании и Бранденбурге. В 1901 г. Детлефсену, ко-

¹ В настоящее время это Егерзунд в коммуне Сённерборг, Королевство Дания.

торый благодаря государственной стипендии получил возможность углубленно изучать нижненемецкую готику, было поручено восстановить собор в Кёнигсберге. В 1902 г., еще до завершения этой работы, Детлефсен был избран провинциальным консерватором исторических и культурных памятников. Первоначально назначение было рассчитано всего на три года, но Детлефсен оставался на этой должности до лета 1936 г.

В 1913 г. по инициативе Детлефсена на территории Кёнигсбергского зоопарка¹ после нескольких лет подготовительных работ открылся Восточнопрусский краеведческий музей (*Ostpreußische Heimatmuseum*) с реконструированными образцами крестьянских жилых и хозяйственных построек. Идея музея была основана на опыте работы этнографического музея под открытым небом в Стокгольме. В некоторых аспектах, однако, Детлефсен отошел от скандинавского образца. В частности, он обращал пристальное внимание на природное окружение размещенных зданий, отмечая, что «имеющийся рельеф с его перепадами высот, водотоком, старыми кустарниками и деревьями предоставил благоприятные возможности для создания ясного внешнего облика всего комплекса» [18, S. 7]. Возможно, именно поэтому интерес к работе музея проявил и Гуго Конвенц (*Hugo Conwentz*, 1855–1922), отправив Детлефсену в 1919 г. несколько писем, к сожалению, не сохранившихся. Вопросов у Конвенца, видимо, было так много, что Детлефсен не нашел лучшего решения, чем выслать в ответ свой путеводитель по музею (*“Führer durch das Ostpreußische Heimatmuseum”* [18]), предложив найти ответы в нем [10, Bl. 109].

Примечательно, что Детлефсен в ответе Конвенцу представляется ему как «отец, основатель и руководитель Восточнопрусского краеведческого музея» [Ibid.]. «Отцом, основателем и руководителем», но, пожалуй, в более глобальном масштабе, являлся и сам Конвенц. Так, в 1879 г. он был назначен первым директором Западнопрусского естественно-научного провинциального музея (*Westpreußisches Provinzial-Museum*) в Данциге². Работа в музее, деловые поездки и путешествия с целью сбора новых музейных коллекций не только сделали его экспертом по биологии, географии и зоологии Западной Пруссии, но и убедили, что вырубка больших лесных массивов и осушение болот, вызванные стремительной индустриализацией, уничтожают ценные и редкие виды растений и животных [22, S. 6]. В 1904 г. он опубликовал меморандум «Угроза памятникам природы и предложения по их сохранению» [16], благодаря которому в Пруссии в 1906 г. начала свою работу Государственная комиссия. Конвенц стал ее первым директором и заслуженно остался в истории как один из основателей немецкого природоохранного движения. В октябре 1923 г. у Рихарда Детлефсена состоялся краткий, но обстоятельный обмен письмами с представителем этой организации по поводу сохранения нетронутого участка во-

¹ Сейчас это восточная выступающая часть Калининградского зоопарка, ограниченная улицами Шоты Руставели, Брамса и Носова.

² Ныне Гданьск, Республика Польша.

сточнопрусской природы, расположенного неподалеку от границы с новосозданной Литовской Республикой, вблизи города Мемеля¹. Эти письма представляют собой небольшое, но красноречивое свидетельство сложностей, возникавших в Веймарской республике в процессе реализации гражданских и общественных инициатив по охране природных территорий, в границах которых располагались чьи-либо частные владения. Представленные документы иллюстрируют сформировавшийся в зарубежной историографии тезис о том, что обещания, заложенные в теоретических положениях статьи 150 Веймарской конституции вовсе не означали возможность их фактического воплощения [7; 31].

Письма с вопросами

49

Первое письмо, давшее начало краткой переписке и адресованное Рихарду Детлефсену, было отправлено 11 октября 1923 г. главным инспектором дамб дельты Мемеля Куслингом.

[11, Bl. 647]

Главный инспектор Штротдайхфер-Каукемен³, 11 октября 1923 г. банда² дельты Мемеля

В округе Нидерунг, в дельте реки Мемель, расположенной между реками Русс⁴ и Гильге⁵, от деревни Шнайдеренде⁶, вниз по течению вдоль реки Русс через Штальдзен⁷ – Перкунен⁸ до Акменишкена⁹ тянется цепь дюн высотой около 20–30 метров. Старые тысячелетние дюны заросли соснами и являются излюбленным местом отдыха как молодежи, так и пожилых людей в этом уголке природы Штальдзенской Швейцарии¹⁰. До строительства дамбы в Шакумене¹¹ эти дюны также служили защитой низин от весенних паводков. Дюны принадлежали Штротдайхфербанду дельты Мемеля. Несколько десятилетий назад управление дамбы отклонило заявки на закупку песка и древесины и приняло решение сохранить дюны как природный памятник.

¹ Ныне Клайпеда, Литовская Республика.

² Stromdeichverband des Memeldeltas (Ассоциация дамб дельты Мемеля) была основана 5 апреля 1897 г. для строительства в дельте Мемеля дамб, защищающих дельту от затопления реками Русс (см. примеч. 9) и Гильге (см. примеч. 10) [17, S. 10].

³ Ныне пос. Ясное Славского муниципального округа Калининградской области (упомянутые далее современные населенные пункты находятся в том же муниципальном округе).

⁴ Современное название – река Русне. Рукав Немана.

⁵ Современное название – река Матросовка. Левый рукав Немана.

⁶ Ныне территория в пос. Левобережное между ул. Песочной и Русненской.

⁷ Соответствует ул. Русненская, пос. Левобережное.

⁸ Ныне территория между пос. Левобережное и Московское.

⁹ Ныне пос. Дюнное.

¹⁰ Авторский топоним. Таким образом, в письме говорится о западной части современного государственного природного заказника «Дюнный».

¹¹ Ныне пос. Левобережное.

По этой причине управление дамбы отклонило заявку, поданную несколько месяцев назад владельцем кирпичного завода Кивилусом¹, на выемку грунта в холмах дамбы с целью производства силикатного кирпича.

Однако в горах² имеются два наследственных арендных владения, принадлежащих владельцу мельницы Какшису (Kackschies) из Шнайдеренде и приказчику Макс Борде (Max Borde) из Тильзита, которые стали наследственной собственностью арендаторов согласно Закону о наследственной аренде от 2 марта 1850 г.

[11, Bl. 648]

По имеющимся данным, владелец кирпичного завода Кивилус связался с ними с предложением выкупить принадлежащую им землю для проведения земляных работ. Раскопки в горных районах (Bergflächen) означали бы уничтожение природного памятника.

Прошу сообщить, можно ли предпринять какие-либо меры для предотвращения разрушений.

Куслинг (Cusling)

Правительственному архитектору

В свою очередь, письмо Детлефсена в Государственную комиссию очень лаконично. Он пересылает копию первого письма, сопровождая его своими уточняющими вопросами:

[11, Bl. 645]

Провинциальный консерватор памятников искусства и истории в Восточной Пруссии
Reg[истрационный] н[омер] №524
Пожалуйста, укажите регистрационный номер в ответе.

Кёнигсберг, 17 октября 1923
Луизеналлее 11 П³ и Замок,
Восточное крыло, цокольный этаж
Иногородный звонок 1192, Почтовый адрес: Кёнигсберг 17869.

Государственная комиссия по охране памятников природы в Пруссии
Пол[учено] 19 окт[ября] 1923

Я отправляю копию с просьбой сообщить мне, можно ли оттуда⁴ оказать помощь. Есть ли вероятность, что Закон о защите памятников⁵ вступит в силу в столь близком будущем, что попытка отсрочки решения вопроса все еще может помочь? Обеспечит ли это защиту в подобных случаях?

[подпись]

В Гос[ударственную] комиссию
по памятникам природы
Берлин

¹ Даниэль Кивилус (Daniel Kiwylus) – владелец завода по производству силикатного кирпича, ранее занимавший пост бургомистра Каукемеена [14].

² В оригинале – Bergen. Очевидно, отсылка к «Штальдзенской Швейцарии».

³ Луизеналлее – улица в районе Хуфен, сейчас ул. Комсомольская в Калининграде. Дом Рихарда Детлефсена не сохранился.

⁴ Оригинальная формулировка – “...ob von dort aus geholfen werden kann”. Вероятно, под словом «оттуда» подразумевался Берлин как центр прусской природоохранной деятельности, а не сама Государственная комиссия.

⁵ В оригинале – Denkmalschutzgesetz.

Через неделю Рихард Детлефсен получил от анонимного представителя Государственной комиссии ответное письмо, разделенное на две содержательные части, с ответами в первой и новыми вопросами во второй:

[11, Вл. 643]

25 октября 1923

Достопочтенный господин профессор!

В ответ на Ваше любезное письмо от 17 числа э[того] м[есяца] я хотел бы сказать, что не представляется целесообразным ждать принятия Закона об охране природы¹, который в настоящее время существует только в черновом варианте, прежде чем предпринимать шаги по защите дюн в дельте Мемеля. Вопрос в том, нельзя ли объявить дюны заповедником на основании закона от 8 июля 1920 г.² Конечно, это невозможно сделать без согласия владельцев территорий. Но не исключено, что они склонятся к этой идее, если им расскажут об уникальности их собственности и пробудят в них гордость за то, что они владеют чем-то столь прекрасным. За исключением выемки грунта, они сохраняют все виды использования, включая заготовку древесины (хотя и без сплошной вырубki). Я не отрицаю, что в сегодняшних экономических условиях такие переговоры особенно трудны. Однако у нас уже есть несколько заповедников, создание которых стало возможным благодаря согласию владельцев. Может ли в данном случае Штрондехфербанд компенсировать владельцам заповедников, предоставив им определенные преимущества? Маловероятно, что удастся собрать сумму, необходимую для покупки этих участков.

Господину
Провинциальному консерватору проф[ессору], д[октору] Детлефсену,
Кёнигсберг
Луизеналлее 11 II.

[11, Вл. 644]

Если удастся договориться с владельцами, следует направить министру культуры заявление о создании природного заповедника с указанием причин и дополнительных сведений (карту!). Я буду рад сотрудничать и предоставить дополнительную информацию.

Государственная комиссия не располагает информацией о текущем положении дел в Ассоциации по охране памятников природы в Восточной Пруссии³.

¹ В оригинале — Naturschutzgesetz.

² Прусский закон о полевой и лесной полиции (Preußischen Feld- und Forstpolizeigesetz), сделал возможным создание на территории Пруссии природных заповедников.

³ Vereinigung zum Schutze der Naturdenkmäler in Ostpreußen. По распоряжению министра культуры от 30 мая 1907 г. в целях повышения эффективности природоохранной деятельности прусские провинциальные объединения по охране природы либо переходили в подчинение Государственной комиссии, либо создавались с нуля [15, S. 120]. Ассоциация по охране памятников природы в Восточной Пруссии, по всей видимости, была создана незадолго до этого [25,

Господин д[октор] Дампф¹ сообщил нам, что управление ассоциацией взял на себя господин оберштудиендиректор д[октор] Постельман², однако письмо, направленное нами этому господину 13 сентября с обратной почтовой корреспонденцией, осталось без ответа. Насколько мне известно, Ваше Высочорodie является членом правления ассоциации, поэтому я хотел бы попросить Вас сообщить мне, кто в настоящее время управляет делами Ассоциации³ и кто отвечает за связь с государственными органами.

Поскольку, как я понимаю, Вы были близко знакомы с моим уважаемым предшественником на этом посту, я вполне могу рассчитывать на Ваш добрый интерес к прилагаемому небольшому документу.

С глубочайшим почтением
Искренне Ваш
[подпись]

S. 16]. Ассоциация располагалась в здании Зоологического музея Кёнигсберга (Штернварштрассе 1/2, сейчас это территория жилого дома по адресу ул. Беселя, 39).

¹ Альфонсо Дампф Тенсон (Alfonso Dampf Tenson, 1884–1948), немецкий и мексиканский энтомолог. Поступил в Кёнигсбергский университет в 1904 г., с 1907 г. работал ассистентом в Зоологическом музее при Кёнигсбергском университете, получил докторскую степень в 1909 г. Судя по архивным данным, уже в это время Дампф совмещал свою научную карьеру с природоохранной деятельностью — так, сохранились доклады о его лекциях об охране памятников природы и школьном образовании [12, Bl. 135; 13, Bl. 163]. С 1913 по 1919 г. он работал государственным энтомологом в Германской Восточной Африке. С 1920 по 1923 г. он вновь занимал должность первого ассистента в Зоологическом музее, читая лекции по прикладной энтомологии. В 1923 г. переехал в Мексику, где и провел оставшуюся жизнь [9, p. 89].

² Альфред Постельман (Alfred Postelmann, 1880–1945), учитель, позже директор Хуфенской гимназии (с 1922 по 1934 г.) [8, S. 247]. После прихода нацистов к власти был отстранен от занимаемой должности и назначен консультантом в Лёбенихтскую реальную гимназию [21]. Имел большое разнообразие научных интересов, был «человеком эпохи Возрождения и, возможно, самым воодушевляющим человеком», по мнению одного из его учеников [30, p. 777]. Особенный интерес Постельман проявлял к геологии, оставив в науке заметный след с исчерпывающей сводкой исследований о причинах синей краски породообразующего кварца [3, с. 110]. В контексте природоохранной деятельности интересен также его обзор хода работ над «камнем Гинденбурга» — мемориальной плитой в честь П. фон Гинденбурга в Танненбергском мемориале [29]. По словам Постельмана, критерием выбора между крупнейшими валунами Восточной Пруссии послужил тот факт, что два камня из трех были неприкосновенны как памятники природы, а для работы с оставшимся требовалось разрешение Государственной комиссии по охране памятников [Ibid., S. 1].

³ До Альфреда Постельмана управление Ассоциацией осуществлял Максимилиан Браун (Maximilian Braun, 1850–1930). В 1891 г. Браун был приглашен в Кёнигсбергский университет на должность профессора зоологии и сравнительной анатомии, тогда же занял пост директора Зоологического музея. Внес значительный вклад в его развитие и повлиял на открытие Кёнигсбергского зоопарка [24, S. 80]. В 1921 г. стал почетным профессором Альбертины и, видимо, в эти же годы передал управление Ассоциацией Альфреду Постельману.

Казус «Штальдзенской Швейцарии» в контексте общепрусского природоохранного движения

Хотя фамилия и должность таинственного респондента Детлефсена не была указана в обратном письме, со всей уверенностью можно говорить о том, что отвечал ему не кто иной, как Вальтер Шёнихен (Walther Schoenichen, 1876–1956). Об этом говорит заключительная фраза письма, в которой автор, обращаясь к Детлефсену, пишет: «...вы были близко знакомы с моим уважаемым предшественником на этом посту». Это дань памяти Гуго Конвенцу, после смерти которого в 1922 г. Шёнихен стал директором Государственной комиссии. Факт, может быть, не близкого, но плодотворного знакомства Конвенца с Детлефсеном был рассмотрен выше. Из письма видно, что на 1922–1923 гг. в работе Государственной комиссии пришелся период административной турбулентности. Свидетельство о том, что «Государственная комиссия не располагает информацией о текущем положении дел в Ассоциации по охране памятников природы в Восточной Пруссии», и просьба «сообщить... кто в настоящее время управляет делами Ассоциации», видимо, были следствием одновременной смены директоров в двух природоохранных организациях. В 1922 г. Шёнихен заместил Конвенца на посту директора Государственной комиссии и, видимо, тогда же Браун передал бразды правления Ассоциацией по охране памятников Постельману. Несмотря на то что обмен письмами по поводу охраны так называемой «Штальдзенской Швейцарии» происходил уже в октябре 1923 г., связь между организациями все еще не была восстановлена. Вероятно, на это также повлияло бедственное экономическое положение в стране в этот период, отголоски которого видны в следующих строках: «Я не отрицаю, что в сегодняшних экономических условиях такие переговоры особенно трудны... Маловероятно, что удастся собрать сумму, необходимую для покупки этих участков» [11, Вл. 643].

Вышедший в 1908 г. второй выпуск журнала *Beitrag zur Naturdenkmalpflege* («Очерки о защите памятников природы»), который издавал Конвенц, содержал отчет о состоянии дел государственной охраны природы в Пруссии за 1907 г. [15]. В частности, в параграфе о принципах содействия защите памятников природы в провинциях приводится несколько пунктов, особенно актуальных для природоохранной деятельности в Восточной Пруссии. Например, пункт 4 гласил: «Государственный комиссар по охране природных памятников готов содействовать формированию комитетов и ассоциаций. Комитеты должны поддерживать постоянную связь с государственным органом и, по возможности, учитывать его пожелания» [Ibid., S. 121]. На практике, как было показано выше, поддержка постоянной связи между провинциальными комитетами и ассоциациями и Государственной комиссией была делом не столь простым, вопреки пожеланиям Конвенца.

Однако касательно другого аспекта восточнопрусской природоохранной деятельности можно видеть полное соблюдение принципов,

изложенных Конвенцем. Так, в пункте 2 сообщается: «Комитеты формируются по взаимному согласию. Основными возможными членами являются представители органов власти, научных учреждений и ассоциаций, а также особо заинтересованные частные лица» [Ibid., S. 120]. Письмо Шёнихена частично раскрывает состав участников природоохранной деятельности в Восточной Пруссии. Все прямо или косвенно упомянутые им деятели относились к числу людей науки и занимали руководящие должности: Альфонсо Дампф — энтомолог, сотрудник Зоологического музея и ассистент Кёнигсбергского университета; Альфред Постельман — геолог, педагог, долгое время директор Хуфенской гимназии; Максимилиан Браун — ботаник, зоолог, профессор и ректор Кёнигсбергского университета, директор Зоологического музея.

Показателен и аспект, касающийся проекта закона о защите природы, который Шёнихен с Детлефсенем называют по-разному, по всей видимости, исходя из специфики своей работы. *Denkmalschutzgesetz* и *Naturschutzgesetzes* — это один и тот же закон, который так и не был принят в Веймарской Германии из-за сложностей с обеспечением прав частных владельцев, примером чего выступает и данный случай (здесь камнем преткновения стали «два наследственных арендных владения, принадлежащих владельцу мельницы Какшису из Шнайдеренде и приказчику Максу Борде из Тильзита»). Единственным примером общенемецкой юридической нормы в тот период была статья 150 Веймарской конституции, практические последствия от которой в области охраны природы оцениваются историками скорее отрицательно. Например, Т. Адам пишет, что «недостаточное выполнение этой статьи и ожидание принятия всеобъемлющего закона об охране природы рейха вызывали все большее недовольство защитников природы в течение двадцатых годов и вплоть до Третьего рейха» [7, S. 24]. В то же время действие прусского закона о полевой и лесной полиции 1920 г., в котором впервые было дано определение природному заповеднику, было более эффективным. За три года (1920—1923) в Пруссии было создано 12 природных заповедников, что, видимо, дало основания Шёнихену надеяться на благополучный исход и в случае с дюнами дельты Мемеля. Единственным препятствием в этом и подобных случаях являлось согласие (или, скорее, несогласие) владельцев на продажу своего участка: «Конечно, это невозможно сделать без согласия владельцев территорий»!

Эту проблему решил уже закон о защите природы от 26 июня 1935 г., введение которого сделало германское природоохранное законодательство самым современным на тот момент. Теоретические положения, которые были сформулированы в нем, обычно оцениваются историками положительно. Так, К. Дитт приводит несколько причин, почему, на его взгляд, этот закон для природоохранной деятельности Германии означал шаг вперед: 1) в законе было сформулировано единое определение объектов, пригодных для охраны на всей территории Третьего рейха; 2) расширялась сфера защиты ландшафтов; 3) разрешалось экс-

проприировать землю частных лиц в целях создания охраняемых территорий; 4) предполагалась обязательная консультация с природоохранными органами [20, S. 17]. Таким образом, введение закона 1935 г. снимало те сложности, о которых с сожалением писал Шёнихен. Хотя в нацистский период с экспроприацией частной собственности и унификацией законодательства процесс формирования природных заповедников интенсифицировался (к 1936 г. 98 территорий по всей Германии были признаны заповедными), «дюны дельты Мемеля», по всей видимости, не были защищены как природный заповедник.

Тем не менее уже в наши дни история споров вокруг «Штальдзенской Швейцарии», похоже, завершилась благополучно. В 2012 г. постановлением Правительства Калининградской области «в целях охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, восстановления природных ресурсов, сохранения и восстановления природных комплексов» организован государственный природный заказник «Дюнный» [4]. Частью «Дюнного» стала также территория, по поводу которой беспокоился главный инспектор дамб Куслинг в письме к Детлефсену.

Переписка Куслинга, Детлефсена и Шёнихена по поводу охраны нетронутого участка дикой природы, безусловно, отражает лишь один из эпизодов истории природоохранной деятельности в Восточной Пруссии в начале XX в. Делать на ее основе какие-либо общие выводы о характере участия Р. Детлефсена в области охраны памятников природы или особенностях восточнопрусской природоохранной деятельности преждевременно. Между тем приведенная переписка показывает ранее не исследованные эпизоды истории формирования охраняемых природных территорий, в особенности неудачные попытки их организации до принятия в 1935 г. закона рейха о защите природы. Казус «Штальдзенской Швейцарии» демонстрирует, что охрана природы в Восточной Пруссии в веймарский период органично вписывалась в общенемецкий контекст природоохранной деятельности. Так, для провинциального уровня охраны природы (на примере Восточной Пруссии) были характерны следующие черты: во-первых, в процессе проектирования охраняемых природных территорий неизбежно маячила задача обеспечения прав частных лиц на землю, и первоначально участникам природоохранного движения было непонятно, как решать возникающие проблемы в этой сфере; во-вторых, контингент участников природоохранного движения по большей части состоял из представителей академической интеллигенции (за отсутствием на данный момент у нас информации о других участниках, обладающих властными полномочиями); в-третьих, не теряла еще в этот период силу нравственная и эстетическая оценка ценности природных памятников в процессе реализации гражданских инициатив по охране дикой природы («...они склоняются к этой идее, если им расскажут об уникальности их собственности и пробудят в них гордость за то, что они владеют чем-то столь прекрасным»).

Список источников и литературы

1. *Белинцева И. В.* Летние дома для Раушена (Светлогорска): к столетию конкурса 1911 года // Калининградские архивы. 2013. №10. С. 66–82.
2. *Богомолов В., Чебуркин Н.* Историк искусств Рихард Детлефсен // Запад России. 2000. №2 (23). С. 161–162.
3. *Корнетова В. А.* О причине окраски синего кварца с Урала // Труды Минералогического Музея. М. ; Л., 1949. Вып. 1. С. 107–110.
4. *Об организации государственного природного заказника «Дюнный»*: постановление Правительства Калининградской области от 2 августа 2012 г. №587. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. *Природа Калининградской области. Ключевые природные комплексы* / сост. В. А. Медведев, Ф. Е. Алексеев. Калининград, 2014.
6. *Природа Калининградской области. Старые парки и растения – региональные памятники природы* / сост. В. А. Медведев. Калининград, 2017.
7. *Adam T.* Die Verteidigung des Vertrauten: Zur Geschichte der Natur- und Umweltschutzbewegung in Deutschland seit Ende des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Politik. 1998. Bd. 45, H. 1. S. 20–48.
8. *Albinus R.* Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung. Leer, 1988.
9. *Alexander C. P.* Dr. Alfonso Dampf Tenson (1884–1948) // Entomological News. 1948. Vol. 59, №4. P. 89–91.
10. *Bundesarchiv.* B 245/89 (Bundesforschungsanstalt für Naturschutz und Landschaftsökologie. Ostpreußen. Bd. 1).
11. *Bundesarchiv.* B 245/92 (Bundesforschungsanstalt für Naturschutz und Landschaftsökologie. Ostpreußen. Bd. 4).
12. *Bundesarchiv.* B 245/93 (Bundesforschungsanstalt für Naturschutz und Landschaftsökologie. Ostpreußen. Bd. 5).
13. *Bundesarchiv.* B 245/94 (Bundesforschungsanstalt für Naturschutz und Landschaftsökologie. Ostpreußen. Bd. 6).
14. *Bürgermeister Daniel Kiwylus vor seinem Amtssitz.* URL: <https://bildarchiv-ostpreussen.de/suche/index.html?ids=16096> (дата обращения: 20.05.2025).
15. *Conwentz H.* Beiträge zur Naturdenkmalpflege. Berlin, 1908. H. 2.
16. *Conwentz H.* Die Gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung. Berlin, 1904.
17. *Das Meliorationswesen in Ostpreußen* // Wirtschaft und Gemeindefirtschaft in Ostpreussen. Grenzmark, Danzig, Memel. Sonderheft der Zeitschrift für Kommunalwirtschaft. 1925. G. M. B. H. S. 9–14.
18. *Dethlefsen R.* Führer durch das Ostpreußische Heimatmuseum. Königsberg, 1913.
19. *Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919.* Berlin, 1919.
20. *Ditt K.* Nature conservation in England and Germany 1900–70: Forerunner of environmental protection? // Contemporary European History. 1996. Vol. 5, №1. P. 1–28.
21. *Gause F.* Postelmann, Alfred // Altpreußische Biographie. Marburg, 1975. Bd. 3. S. 1043.
22. *Kämpfert H.-J.* Hugo Conwentz und die Gründung der „Staatlichen Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen“ // Deutsch-polnische Begegnung zu Wissenschaft und Kultur im zusammenwachsenden Europa. Schriftenreihe der Danziger Naturforschenden Gesellschaft. 2007. Bd. 9. S. 136–149.
23. *Kramer H.* Elchwald. Land, Leute, Jagd. München ; Base I; Wien, 1990.
24. *Krollmann C.* Braun, Maximilian // Altpreußische Biographie. Marburg, 1974. Bd. 1. S. 80.

25. *Kumm P.* Über die Fortschritte in der Sicherung von Resten ursprünglicher Pflanzenformationen // *Botanische Jahrbücher für Systematik, Pflanzengeschichte und Pflanzengeographie*. 1908. Bd. 40, №90. S. 5–18.
26. *Lekan T.* A 'Noble prospect': Tourism, Heimat, and conservation on the Rhine, 1880–1914 // *The Journal of Modern History*. 2009. Vol. 81, №4. P. 824–858.
27. *Levchenkov A. V., Grishanova Y. N.* Specially protected areas of the Kaliningrad region: continuity or a new beginning // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2020. Vol. 28, №1. P. 332–348.
28. *Oberkrome W.* Kontinuität und Wandel im deutschen Naturschutz 1930 bis 1970: Bemerkungen und Thesen // *Natur- und Umweltschutz nach 1945: Konzepte, Konflikte, Kompetenzen*. 2005. Bd. 4. S. 23–37.
29. *Postelmann A.* Der «Hindenburgstein» für das Reichsehnenmal Tannenberg // *Zeitschrift für Geschieforschung und Flachlandsgeologie*. 1936. Bd. 12. S. 1–32.
30. *Society records and activities* // *Journal of Paleontology*. 1985. Vol. 59, №3. P. 770–790.
31. *Wettengel M.* Staat und Naturschutz 1906–1945: Zur Geschichte der Staatlichen Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen und der Reichsstelle für Naturschutz // *Historische Zeitschrift*. 1993. Bd. 257, H. 1. S. 355–400.
32. *Williams J. A.* "The chords of the German soul are tuned to nature": The movement to preserve the natural Heimat from the Kaiserreich to the Third Reich // *Central European History*. 1996. Vol. 29, №3. P. 339–384.
33. *Wiünsch C.* Dethlefsen, Richard // *Altpreußische Biographie*. Marburg, 1975. Bd. 3. S. 887–888.

Об авторе

Даниил Игоревич Оборин – аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0007-4496-9090

E-mail: daoborin@stud.kantiana.ru

D. I. Oborin

"STALDSSEN SWITZERLAND": AN EPISODE FROM THE HISTORY OF NATURE CONSERVATION IN EAST PRUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 September 2025

Accepted 14 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-4

To cite this article: Oborin D. I. 2026, "Staldsen Switzerland": an episode from the history of nature conservation in East Prussia in the first third of the 20th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 45–58. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-4.

A commented translation of a short but substantive correspondence of 1923 between Kusling, Chief Inspector of the dams of the Memel Delta, R. I. Dethlefsen, Conservator of Historical and Cultural Monuments of East Prussia, and W. Schönichen, Director of the State

Commission for the Protection of Natural Monuments in Prussia, is published. The correspondence discusses the need to protect an untouched area of wilderness in the north-west of East Prussia, which received the unofficial name "Staldzen Switzerland." The content of the letters, the issues they raise, and the circumstances of their writing are of particular interest given the limited study of the process of formation and development of nature conservation activities in East Prussia in the first third of the twentieth century. Additional interest for historians of regional culture may be represented by the fact that Detlefsen, who is known primarily for his activities in the preservation of East Prussian historical and cultural monuments, participated in correspondence devoted to nature conservation. The originals of the published letters are preserved in the Federal Archives of Germany in Koblenz.

Keywords: Walter Schoenichen, Richard Dethlefsen, nature conservation, protected area, East Prussia

The author

Daniil I. Oborin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0007-4496-9090

E-mail: daoborin@stud.kantiana.ru

М. А. Жиркова¹, О. В. Капустина²

**«ЧЕЛОВЕК ЭТОТ ВЕСЬМА ПОЧТЕННЫЙ, ВОЕННЫЙ»:
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ПЕНСИИ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В. М. ЛЕРМОНТОВУ**

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

² Отделение Фонда пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия

Поступила в редакцию 18.05.2025 г.

Принята к публикации 15.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5

59

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. «Человек этот весьма почтенный, военный»: об установлении персональной пенсии республиканского значения В. М. Лермонтову // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 59—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5.

Определены обстоятельства установления В. М. Лермонтову персонального пенсионного обеспечения республиканского значения, в частности обращено внимание на особенности назначения пенсий данного вида родственникам русских классиков, а также уточнена его биография, выяснена степень родства с поэтом. Авторы исследования руководствуются принципами историзма и научной объективности. Историко-биографический метод на основании анализа документов личного характера позволил выстроить историю жизни В. М. Лермонтова на фоне советской действительности. Основными источниками служат документы его личного (пенсионного) дела, в том числе заявление в адрес главного редактора изданий Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича; ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича, направленное заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову; биография В. М. Лермонтова; личный листок по учету кадров; мандат Революционного военного совета Кавказского фронта на право осмотра конных заводов и изъятие племенных лошадей; свидетельства о ранениях. Исследованные материалы подтвердили факт предварительного рассмотрения документов претендентов на персональное пенсионное обеспечение из числа родственников русских писателей и поэтов на уровне членов советского правительства, а также появления куратора этого процесса. В исследуемый период эти функции были возложены на заместителя председателя Совета министров СССР В. М. Молотова. Подчеркивается, что Владимир Михайлович не являлся прямым потомком М. Ю. Лермонтова, так что при рассмотрении пенсионных прав большую роль сыграли его собственные достижения в деле обеспечения Красной армии лошаадьми и развития на Северном Кавказе конных заводов. Факт ареста В. М. Лермонтова в 1931 г. исследованные документы подтверждают лишь косвенно. Важно, что в послевоенный период попадание претендента на персональное пенсионное обеспечение под репрессии 1930-х гг. не лишило его права на установление пенсии данного вида, хотя, возможно, не позволило назначить ему персональную пенсию союзного значения.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, Владимир Михайлович Лермонтов, Красная армия, конница, конный завод, персональное пенсионное обеспечение

Введение

В 2024 г. исполнилось 210 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова (1814–1841), а также 150 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти его родственника, героя Первой мировой войны, организатора конезаводов Северного Кавказа, персонального пенсионера республиканского значения Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954). Круглые даты всегда вызывают интерес к судьбам юбиляров, и если жизненный путь поэта изучен довольно хорошо, то жизнеописание его родственника содержит некоторые лакуны. Краткие сведения о роде знаменитого поэта и его родословная представлены в «Лермонтовской энциклопедии» [9, с. 468]. Подробнее родословная и жизненный путь Владимира Михайловича рассмотрены в книге В. М. Загорулько «Лермонтовы: Очерки о великом поэте и его родственниках». Автор рассказывает о своих встречах с родственниками поэта и приводит их воспоминания. В частности, он пишет о встрече с сыном Владимира Михайловича — Юрием Владимировичем Лермонтовым, жившим в Пятигорске, архив которого содержит документы, касающиеся его отца [7]. Сведения о военной карьере В. М. Лермонтова, бывшего кавалериста, полковника царской армии, участника трех войн, изложены в книге А. П. Михаленко [10, с. 55–71], а также в статье В. Соколова-Лермонтова [18].

Наибольший интерес в рамках нашей темы представляют исследование Т. П. Молчановой [11] и «Записки кавалериста», написанные самим Владимиром Михайловичем [8] и подготовленные к изданию представителями рода Лермонтовых. В первой книге даны подробные биографии практических всех родственников великого поэта, включая В. М. Лермонтова [11, с. 340–366]. «Записки кавалериста» доведены автором до 1931 г. Он рассказывает об истории своего рода, членах своей семьи, основных событиях собственной жизни. К «Запискам» приложены копии многочисленных документов, в том числе мандат, выданный ему 31 мая 1921 г. на право изъятия племенных лошадей для формирования поголовья советских конных заводов, и письмо В. Д. Бонч-Бруевича В. М. Молотову по поводу установления Владимиру Михайловичу персонального пенсионного обеспечения (документы сейчас находятся в пенсионном деле автора записок и будут прокомментированы нами ниже).

В некоторых работах отмечается назначение персональной пенсии В. М. Лермонтову как ближайшему родственнику поэта и за его личные заслуги [7, с. 77; 10, с. 57; 11, с. 364]. Тем не менее рассмотрение биографии Владимира Михайловича в контексте его пенсионных проблем проведено не было. Учитывая исследовательский интерес к судьбе родственника поэта, будет уместным изучить материалы хранящегося в

фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) личного дела персонального пенсионера республиканского значения В. М. Лермонтова.

Персональное пенсионное обеспечение было введено в РСФСР в феврале 1923 г. [12]. Создание союзного государства потребовало обновления системы пенсионного обеспечения граждан, имевших исключительные заслуги в области революционной, государственной, общественной, хозяйственной или культурной деятельности либо обороны Союза ССР, поэтому с 1928 г. [14] в Советском Союзе стала строиться трехуровневая система персональных пенсий — союзного, республиканского и местного значения.

Документы, подтверждающие статус персонального пенсионера, формировались в личные (пенсионные) дела. Каждое личное дело дает представление о заслугах получателя пенсии перед советским государством, помогает установить подробности его жизни и деятельности. При этом некоторые пенсионные дела содержат информацию, позволяющую раскрыть тот или иной аспект процедуры назначения пенсии этого вида.

В задачи нашего исследования входит уточнение биографии Владимира Михайловича Лермонтова на основании документов пенсионного дела. Предстоит выяснить степень его родства с поэтом, а также определить обстоятельства установления ему персонального пенсионного обеспечения, обратив внимание на особенности назначения пенсий родственникам русских писателей и поэтов.

Материалы и методы

В своей работе авторы руководствуются принципами историзма и научной объективности. Историко-биографический метод на основании анализа документов личного характера позволил выстроить историю жизни В. М. Лермонтова на фоне советской действительности.

Основными источниками послужили документы личного (пенсионного) дела В. М. Лермонтова, в том числе заявление в адрес главного редактора изданий Государственного литературного музея, доктора исторических наук В. Д. Бонч-Бруевича [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 65–65 об.]; ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича, направленное заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову [Там же, л. 10–13]; биография Лермонтова Владимира Михайловича, рожд. 1874 г., написанная им самим [Там же, л. 62–64 об.]; личный листок по учету кадров Лермонтова В. М. [Там же, л. 44–45 об.]; справка об увеличении персональной пенсии [Там же, л. 46–46 об.]; мандат Революционного военного совета Кавказского фронта на право осмотра конных заводов и изъятие племенных лошадей [Там же, л. 88]; свидетельства о ранениях [Там же, л. 98, 107, 108]¹. Следует заметить, что материалы личного дела В. М. Лермонтова исследованы не в полном объеме, так как с момента создания ряда документов еще не истек 75-летний срок [15].

¹ В цитируемых документах орфография и пунктуация подлинника приведены в соответствие современным нормам.

Обстоятельства установления В.М. Лермонтову персональной пенсии республиканского значения

Начать следует с описания процедуры установления персональной пенсии республиканского значения, действовавшей в РСФСР с 1 мая 1946 г. Согласно Положению о персональных пенсиях, утвержденному постановлением Совета министров РСФСР от 17 апреля 1946 г. [16], персональные пенсии республиканского значения назначались лицам, имевшим выдающиеся заслуги перед республикой в области революционной, партийной, военной, хозяйственной, культурной, профессиональной и другой общественной деятельности, советского строительства, науки, техники, литературы и искусства, а также лицам, имевшим почетные звания и награжденным орденами Союза ССР.

Персональные пенсии республиканского значения устанавливались Комиссией по назначению персональных пенсий при Совете министров РСФСР. Ходатайства об установлении пенсий этого вида могли возбуждаться перед этой комиссией теми союзными, республиканскими, областными и городскими организациями, учреждениями и ведомствами, где протекала деятельность лица, для которого испрашивалась персональная пенсия, либо непосредственно лицами, имевшими вышеперечисленные заслуг (право на получение пенсий союзного значения определялось Комиссией по персональным пенсиям при Совете министров СССР).

Негласно в утвержденную законодательством процедуру установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий, причем с момента ввода в действие в 1923 г. декрета Совнаркома РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» [12], был встроены институт посредничества, на что авторы ранее уже обращали внимание [5].

Одной из наиболее интересных групп получателей персональных пенсий являются потомки и родственники русских писателей и поэтов. Претенденты на персональное пенсионное обеспечение обращались к известным общественным деятелям и деятелям культуры и искусства, а также к высокопоставленным советским чиновникам, которые, в свою очередь, ходатайствовали за них перед Министерством социального обеспечения РСФСР (до 1946 г. — Наркоматом социального обеспечения РСФСР) или перед руководителями советского государства, способными повлиять на мнение Комиссии по персональным пенсиям. Среди защитников их интересов были А.В. Луначарский, А.М. Горький и Е.П. Пешкова, П.И. Лебедев-Полянский, О.Ю. Шмидт, К.А. Федин.

Неоднократно роль посредника-помощника в решении пенсионных проблем родственников значимых для советского государства лиц играл Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955). В частности, в бытность управляющим делами СНК РСФСР он ходатайствовал перед официальными инстанциями о назначении пенсии вдове автора книги «Положение рабочего класса в России» [1] В.В. Берви-Флеровского

(1920) [4, ф. А413, оп. 2, д. 556, л. 1], после перехода на работу в Государственный литературный музей помогал в установлении пенсий дочери писателя Н.Н. Златовратского (1934) [4, ф. А539, оп. 3, д. 276, л. 7] и внучке писателя Н.Г. Чернышевского (1935) [Там же, оп. 5, д. 33, л. 11, 11 об., 21].

Именно В.Д. Бонч-Бруевичу В.М. Лермонтов 6 июня 1946 г. направил заявление следующего содержания:

Главному редактору Изданий Гослитмузея доктору исторических наук т. Бонч-Бруевичу Лермонтова Владимира Михайловича, потомка М.Ю. Лермонтова. Инвалида Отечественной войны. Проживающего в п. Воронино Усть-Кубинского района Вологодской области

Заявление

Препровождая при сем мою биографию и документы, подтверждающие сие, а также Родословное древо, родословную схему и герб М.Ю. Лермонтова как моего родственника, прошу Вашего ходатайства об установлении мне как старейшему потомку Лермонтова персональной пенсии и предоставления домика для жизни в Пятигорске, где погиб мой предок [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 65–66 об.].

Искушенный в «бюрократических играх» Владимир Дмитриевич несколько месяцев придерживал это письмо, не давая ему дальнейшего хода до осени. В итоге 9 октября 1946 г. он направил собственное ходатайство в адрес заместителя председателя Совета министров Союза ССР В.М. Молотова, в котором отразил знание особенностей процедуры назначения пенсий родственникам русских классиков, характерных для исследуемого периода: «Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Михайлович! Посылаю Вам письмо со всеми приложениями *по Вашему давнишнему указанию, чтобы в случае необходимости хлопот о пенсии наследников больших литераторов посылавать именно все Вам*» [Там же, л. 10] (курсив наш. — М.Ж., О.К.). Получается, что до направления в конкретную Комиссию (союзную или республиканскую) документы родственников русских и советских классиков проходили негласный первичный контроль на уровне Совета министров СССР.

Также из текста данного обращения становятся понятны причины задержки ходатайства: «Как видите, я задержал это его письмо и документы у себя с июля месяца исключительно потому, что мне хотелось, чтобы эти документы пришли тогда, когда Вы будете в Москве и, может быть, найдете время, чтобы, что называется, одним глазом взглянуть на них» [Там же]. Конечно, ходатайство пошло бы дальше в соответствии с процедурой и без визы Молотова, но, вероятно, в таком случае полной уверенности в положительном решении вопроса у Владимира Дмитриевича не было.

Расчет В.Д. Бонч-Бруевича оказался верным, обеспечив рассмотрение вопроса о пенсионном обеспечении просителя в необходимом ключе. До октября 1946 г. В.М. Молотов вряд ли смог бы оказать личное содействие В.М. Лермонтову, так как принимал активное участие в работе второго этапа Второй (Парижской) сессии Совета министров ино-

странных дел (СМИД) с 15 июня по 12 июля 1946 г. и в Парижской мирной конференции (29 июля – 5 октября 1946 г.), созванной для рассмотрения проектов мирных договоров между государствами антигитлеровской коалиции и бывшими союзниками фашистской Германии в Европе.

Необходимость назначения В.М. Лермонтову персональной пенсии Владимир Дмитриевич обосновал как исходя из собственных достижений претендента, так и из факта его родства с поэтом. Большинству родственников и потомков русских классиков персональное пенсионное обеспечение устанавливалось именно за заслуги их знаменитых предков, поэтому среди получателей пенсии этого вида числятся А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский и т.д. Комментируя записки В.М. Лермонтова, В.Н. Цугулиев подчеркнул, что «после ухода из жизни Владимира Михайловича, ни одному представителю рода Лермонтовых персональная пенсия за родство с поэтом не назначалась» [8, с. 246]. Однако В.М. Лермонтов, как и братья и сестра А.П. Чехова, являются исключением из общего правила: несмотря на родственные связи с классиками, их пенсионные дела значатся под именами самих пенсионеров, что говорит об учете при назначении пенсии в первую очередь их личных заслуг перед советским государством.

Прежде всего, ходатай подчеркивает значимость деятельности В.М. Лермонтова в послереволюционный период: «Сохранение поголовья лошадей и укомплектование лошадьми конницы в период Гражданской войны на юге России, где, как известно, конница Будённого сыграла решающую роль. Конечно, без укомплектования лошадьми такой роли конница не сыграла бы» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 11]. Далее В.Д. Бонч-Бруевич обращает внимание В.М. Молотова на общегосударственное значение усилий Владимира Михайловича по увеличению конского поголовья в стране: «Долголетние работы по конской специальности содействовали восстановлению коневодства в СССР, что тесно связано как с экономическим развитием государства, так и [с] обеспечением боеспособности армии» [Там же, л. 12].

Родство с классиком Владимир Дмитриевич называет только в качестве третьей причины необходимости оказания государственной поддержки претенденту на пенсионное обеспечение: «Принадлежность к вымершему роду поэта М.Ю. Лермонтова как старшего представителя этого рода дает основание озаботиться о благополучном дожитии В.М. Лермонтова» [Там же]. При этом ходатай отмечает факт предоставления родственником поэта следующих документов: родословной Михаила Юрьевича Лермонтова, родословной рода Лермонтовых и герба Лермонтовых. Сам Владимир Михайлович в «Биографии» сообщает об уже состоявшейся передаче ценных экспонатов, связанных с именем поэта, в три музея – в Усадьбу-музей Лермонтова в Тарханах, в Музей-домик Лермонтова в Пятигорске и в Государственный литературный музей [Там же, л. 64 об.].

Передача претендентами семейных реликвий в исторические (краеведческие) или литературные музеи приветствовалась советским государством и учитывалась при предоставлении дарителям персонального пенсионного обеспечения. Сведения о подобных дарах имеются в пенсионных делах, на основании которых выплачивались пенсии сестре А.П. Чехова [Там же, оп. 3, д. 1864, л. 10], внучке Н.Г. Чернышевского [Там же, оп. 5, д. 33, л. 21], снохе Ф.М. Достоевского [Там же, оп. 3, д. 4533, л. 4], внучатой племяннице А.С. Пушкина [Там же, оп. 4, д. 7162, л. 5].

Продолжая анализ обращения В.Д. Бонч-Бруевича к В.М. Молотову, можно с уверенностью сказать, что ходатай успел лично пообщаться с претендентом на персональную пенсию. В частности, он подчеркнул, что В.М. Лермонтов — «участник Гражданской войны и очень много рассказывает интересного из этой замечательной эпохи нашей Октябрьской революции» [Там же, оп. 1, д. 814, л. 12]. Заслуживает внимания и следующая информация: «Я спросил его, когда он будет жить в покое и, может быть, в Пятигорске, чтобы он написал свои подробные записки об эпохе Гражданской войны, тем более что он был много времени близко к Ворошилову и Буденному» [Там же, л. 12, 13]. Также Бонч-Бруевич сообщил о желании В.М. Лермонтова «последние свои годы посвятить уходу за могилой и местом, где была дуэль Лермонтова, чтобы и то, и другое были всегда в надлежащем порядке» [Там же, л. 12]. В завершение В.Д. Бонч-Бруевич не преминул упомянуть заветы В.И. Ленина и важность рассказов Владимира Михайловича для будущего поколения.

Продолжая характеризовать процедуру установления персональных пенсий, следует отметить характерную для претендентов традицию ссылаться на личное знакомство с высокопоставленными лицами. Членами Комиссии по назначению персональных пенсий упоминаемые партийные и советские лидеры воспринимались как свидетели заслуг заявителей. Именно поэтому В.М. Лермонтов отразил в своей «Биографии» следующие факты: «В течение многих лет служил под начальством маршала К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, которые хорошо меня знают» [Там же, л. 62 об.]; «в 1923 году приводил в Москву на с/х выставку 40 лошадей конских заводов Северного Кавказа. Возвращаясь с выставки вместе с С.М. Буденным и идя по Воздвиженке, мы встретили вышедшего из Кремля И.В. Сталина. При встрече Иосиф Виссарионович поздоровался с нами, интересовался производством лошадей, дал указания и советы и пожелал успеха в дальнейшей работе» [Там же, л. 63 об.].

В итоге в 1947 г. В.М. Лермонтов стал получателем персональной пенсии республиканского значения в размере 300 руб. [Там же, л. 47]. В 1948 г. В.М. Лермонтов подал заявление на имя министра социального обеспечения РСФСР А.Н. Сухова [Там же, л. 47–47 об.] об увеличении размера пенсии или об установлении персональной пенсии союзного значения. Однако это ходатайство было отклонено (протокол №46 от 22 сентября 1948 г.) [Там же, л. 46–46 об.].

Насколько улучшилось материальное благосостояние Владимира Михайловича после назначения ему персональной пенсии республиканского значения, можно понять, проанализировав нормативные акты, регламентировавшие установление пенсий этого вида в исследуемый период, его заявление от 1948 г., личный листок по учету кадров и статистические данные МСО РСФСР о размерах пенсий на 1952 г.

В вышеупомянутых документах имеются следующие сведения о трудоспособности Владимира Михайловича и его материальном обеспечении: «в Отечественную войну в 1942 г. был трижды ранен; один из невынутых осколков остался в правом легком. Признан инвалидом Отечественной войны II группы» [Там же, л. 45 об.] и «все время получал пенсию 225 р., которая после установления персональной пенсии отменена» [Там же, л. 47 об.]. Также в заявлении 1948 г. В.М. Лермонтов сообщает о нахождении у него на иждивении жены-инвалида и сына, получающего образование в городе Дзауджикау (Владикавказ) в Северной Осетии.

С 1932 г. в СССР пенсионное обеспечение по инвалидности осуществлялось по трем группам (ранее использовалась шестигрупповая система): третья (рабочая) группа устанавливалась при частичной утрате трудоспособности; вторая — при полной нетрудоспособности тем гражданам, которые могли себя обслуживать самостоятельно; первая — самым тяжелобольным, при полной нетрудоспособности дополнительно нуждающимся в постороннем уходе или надзоре.

Согласно Положению о персональных пенсиях от 1946 г. [16] размер персональной пенсии республиканского значения в РСФСР определялся в каждом отдельном случае в зависимости от заслуг лица, которому назначалась пенсия, степени утраты им трудоспособности, числа находившихся на его иждивении лиц, а также от его заработка перед обращением за назначением пенсии. При этом он не мог превышать 1200 руб. Правда, в 1948 г. максимальный размер республиканской персональной пенсии был снижен до 600 руб. [13].

В итоге получилось, что нетрудоспособный инвалид 2-й группы, имевший на своем иждивении жену-инвалида и помогающий сыну-студенту, получил одну четвертую часть возможной пенсии (в 1948 г. — 50 % от максимума), увеличив свое благосостояние на 75 руб. Впрочем, статус персонального пенсионера обеспечивал право на предоставление дополнительной жилой площади, квартирную оплату в объеме 50 %, налоговые льготы, преимущественное право на специализированную медицинскую помощь во всех ее видах, бесплатное пользование общественным транспортом.

В тяжелое послевоенное время многие пенсионеры были обеспечены значительно хуже. Для сравнения приведем имеющуюся в нашем распоряжении статистику о размерах пенсий, выплачиваемых в системе Министерства социального обеспечения РСФСР в 1952 г. Эти сведения можно применить и к рассматриваемому нами 1946 г., так как пенсии и в начале 1950-х гг. назначались по нормам довоенного и военного времени. В 1952 г. ежемесячные пенсии в России устанавливались в сле-

дующих пределах: инвалидам империалистической (Первой мировой) войны — от 13 руб. 50 коп. до 37 руб. 50 коп.; инвалидам Гражданской войны — от 37 руб. 50 коп. до 97 руб. 50 коп.; инвалидам Отечественной войны из числа рядового, сержантского и старшинского состава — от 56 руб. 00 коп. до 500 руб.; пенсионерам по старости (мужчинам, достигшим 60 лет при трудовом стаже 25 лет, женщинам — 55 лет при трудовом стаже 20 лет) — от 50 руб. 00 коп. до 180 руб. [4, ф. А413, оп. 4, д. 426, л. 2] (пенсионное обеспечение офицеров и сверхсрочнослужащих с 1926 г. в СССР осуществлялось в рамках ведомственных систем).

Каким ведомством В.М. Лермонтову была назначена пенсия по инвалидности 2-й группы (МСО РСФСР, Министерства обороны или МВД), из доступных для исследования материалов пенсионного дела неясно.

Что касается предоставления дополнительной жилой площади, то свой век В.М. Лермонтов доживал, как и мечтал, в Пятигорске, где «определился на постоянное жительство при содействии маршала т. Ворошилова» [Там же, оп. 1, д. 814, л. 47 об.]. Интересно, что переезду Владимира Михайловича на Северный Кавказ все же поспособствовал его бывший начальник, а не Комиссия по назначению персональных пенсий. Впрочем, может быть, К.Е. Ворошилов по поводу переезда Лермонтова в Пятигорск обращался именно к названную комиссию.

О семье В.М. Лермонтова и о степени его родства с поэтом

В «Биографии» Владимир Михайлович Лермонтов называет себя самым старейшим из оставшихся в живых Лермонтовых, подчеркивая при этом, что потомков Михаила Юрьевича Лермонтова осталось очень мало [Там же, л. 62 об.]. В.Д. Бонч-Бруевич в письме к В.М. Молотову определяет его родство с поэтом несколько иначе: «...я посылаю материалы единственного в настоящее время прямого родственника и наследника Михаила Юрьевича Лермонтова. С исчезновением этого Лермонтова, который уже находится в преклонном возрасте, род Лермонтовых прекращается» [Там же, л. 10].

Согласно Словарю русского литературного языка, прямой потомок — это наследник (потомок) *по прямой линии родства* или состоящий в более близком родстве, чем другие [17, стлб. 1601]. Более точные сведения о своем родстве с поэтом опять-таки сообщает сам Владимир Михайлович: «Происхожу я из рода Лермонтовых. У моего пр. пр. пр. деда Юрия Евтихия Петровича Лермонтова, рожд. 1688 года, было три сына: старший — Матвей Юрьевич, по линии которого происхожу я, второй сын — Петр Юрьевич, по линии которого произошел поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, и третий сын Яков Юрьевич, который был бездетен» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62]. Линия Петра Юрьевича как раз обрывается на поэте, не оставившем после себя потомков.

Возвращаясь к утверждению В.Д. Бонч-Бруевича о прекращении рода Лермонтовых, нужно сказать, что у Владимира Михайловича и его

первой жены Александры Александровны Потоцкой (1880–1948) было пятеро детей: Михаил (1898–1942), Владимир (1899–1974), Алла (1901–1986), Борис (1902–1920), Татьяна (1906–2001), а от второй жены – Марии Владимировны (урожденной фон дер Лауниц, 1886–1959) – двое: Ирина (1921–2012) и Юрий (1928–2009). В «Биографии» о своей семье претендент на персональную пенсию сообщил следующее:

Старший мой сын Михаил Владимирович Лермонтов был призван в Красную армию 4 декабря 1941 года, а 12 февраля 1942 года был сожжен на фронте фашистами. Сын Борис был убит, и дочь Алла погибла во время эвакуации. Из сыновей остался в живых капитан кавалерии Владимир Владимирович Лермонтов, награжденный за оборону Кавказа, он художник, приобрел известность своей работой <...> Со мной живет младший сын Юрий Владимирович, ученик 10 класса, дочь Ирина Владимировна Лермонтова, жена Мария Владимировна [Там же, л. 64].

68

Перечисляя своих детей, В.М. Лермонтов не упоминает Татьяну, которая, скорее всего, жила со своим сыном отдельно, и сообщает неверные сведения о гибели Аллы, возможно, не зная о ее судьбе. Так, в личном листке по учету кадров Владимир Михайлович записал: «На территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны, ни я, ни моя семья не находились» [Там же, л. 45]. В настоящее время установлено, что во время Великой Отечественной войны семья Аллы Владимировны (в замужестве – Гунгер) жила в Ростове-на-Дону, оккупированном немцами, и была вывезена в Германию, в дальнейшем им было разрешено поселиться в Англии [8, с. 311].

Таким образом, В.М. Лермонтов не был прямым потомком поэта. Ветви рода Лермонтовых разошлись в XVII–XVIII вв., и род поэта действительно пресекся, тогда как род Владимира Михайловича, несмотря на гибель двух его сыновей, продолжился.

Возможно, в своем обращении к В.М. Молотову В.Д. Бонч-Бруевич, говоря о пресечении рода Лермонтовых, все же немного лукавил ради достижения своей цели – установления Владимиру Михайловичу персональной пенсии. В обращениях в Комиссию по назначению персональных пенсий или к посредникам, способным повлиять на решения названной Комиссии, было принято рассказывать не только о заслугах претендента, но и об их бедственном положении, в том числе о материальных трудностях, плохом состоянии здоровья, печальных событиях в семьях.

В заключение нужно отметить еще один интересный факт из «Биографии» претендента, который напрямую не касался его проблем, но украшал родословную: «от пр. пр. деда Матвея произошел Юрий, от которого произошел мой прадед Матвей Юрьевич Лермонтов, он был женат на Дарье Ильинишне Юшковой, тетке Льва Николаевича Толстого, родной сестре Пелагеи Ильинишны Юшковой, которая воспитывала Льва Николаевича после смерти его матери» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62]. Однако в современной родословной Лермонтовых указано

другое отчество жены Матвея Юрьевича Лермонтова (1772–1846) – Дарья Ивановна Юшкова [8, с. 244], тогда как тетка Л.Н. Толстого Пелагея Ильинична Юшкова была урожденной Толстой, а Юшковой – по мужу.

Этапы жизненного пути В.М. Лермонтова

Характеризуя В.М. Лермонтова, В.Д. Бонч-Бруевич говорит о нем так: «Человек этот весьма почтенный, военный и до сих пор бодрый, работающий у нас в провинции» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 11]. Действительно, вся жизнь претендента на пенсионное обеспечение была связана со служением Отечеству. В 1914–1916 гг. В.М. Лермонтов принимал участие в Первой мировой войне, которую закончил в чине полковника 12-го гусарского Ахтырского полка, имел награды и три контузии (в пенсионном деле находятся свидетельства о ранениях 6 октября 1914 г., 14 февраля 1915 г. и 1 мая 1915 г. [Там же, л. 98, 107, 108]).

С момента организации Красной армии, то есть с 1918 г., до демобилизации по возрасту в 1928 г. В.М. Лермонтов служил в кавалерии под начальством К.Е. Ворошилова и С.М. Будённого. Последний в мемуарах подчеркивал:

События показали, что Деникин имел успех прежде всего потому, что его армия состояла в подавляющем большинстве из наиболее маневренно-го и боеспособного в тот период рода войск – казачьей конницы. <...> Перед страной со всей очевидностью стояла необходимость создания своей массовой кавалерии и при этом крупных конных соединений, так как мелкие кавалерийские части не давали желаемого эффекта в борьбе с конными корпусами и объединениями корпусов белых [2, с. 254–255].

Именно Владимир Михайлович трудился над решением этой проблемы. В 1919 г. он стал председателем Особой центральной комиссии по обеспечению Восточного фронта лошадьми:

Вначале был командирован на Восточный фронт в г. Симбирск, затем в Саратов, где поставлял лошадей для Восточного и Туркестанского фронтов. Все указания и распоряжения получал от С.С. Каменева и М.В. Фрунзе. В июне 1920 года Всероссийским Главным штабом за хорошую работу был назначен начальником Управления ремонта конским составом Кавказского фронта в Ростове н/Д, где организовал 26 ремонтных комиссий на Северном Кавказе и Закавказье и поставил для Кавказского и Крымского фронтов 28 000 лошадей [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62 об. – 63].

Кроме работы по укомплектованию лошадьми воинских частей В.М. Лермонтов занимался организацией советских конезаводов, для чего искал чистокровных производителей. В его пенсионном деле имеется мандат Реввоенсовета Кавказского фронта [Там же, л. 88], согласно которому он в качестве члена Реввоенсовета, начальника Управления коннозаводства и коневодства на территории Кавказского фронта имел право осмотра лично или через подведомственных лиц конских заво-

дов, рассадников, питомников, заводских конюшен, случных пунктов, а также племенных лошадей, находившихся в частях и учреждениях. Он имел право и изымать племенных лошадей из воинских частей, совхозов и всех советских учреждений. Для выполнения поставленных целей мандат разрешал бесплатное и беспрепятственное пользование телефоном и телеграфом, переезд по железным дорогам и водным путям, ношение холодного и огнестрельного оружия.

Поскольку первые советские конезаводы создавались в советской республике в условиях Гражданской войны, зачастую их приходилось защищать. В «Биографии» В.М. Лермонтов сообщал следующее: «В 1920 году, осенью, когда белые с Улагаем высадились на побережье Азовского моря, я немедленно выехал туда и перебросил от Ахтарей к Краснодару конский завод в 600 голов и весь чистокровный конский состав из Краснодара перевел сначала к станции Кавказской, а затем на Коцебу, где организовал чистокровный конский завод “Восход”» [Там же, л. 63].

К концу Гражданской войны у Владимира Михайловича появилась еще одна забота. Как свидетельствовал С.М. Будённый, «части разбитых донских корпусов, лишённые единого и твердого командования, рассыпались на группы, бросали орудия и пулеметы, бросали больных и раненых, бросали исхудалых, выбившихся из сил лошадей» [2, с. 433]. Это явление приобретало массовый характер. Живший в Алуште в 1918–1920-х гг. писатель И.С. Шмелёв рассказывал об этом так:

Умирающие кони... Я хорошо их помню. Осенью много их было, брошенных ушедшей за море армией добровольцев. Они бродили. Серые, вороные, гнедые, пегие... Ломовые и выездные. Верховые и под запряжку. Молодые и старые. Рослые и «собачки». Лили дожди. А когда бродили по виноградникам и балкам, по пустырям и дорогам, ломались в сады, за колючую проволоку, резали себе брюхо [19, с. 234].

В.М. Лермонтову приходилось по мере возможности спасать брошенных лошадей:

После того, как белые были разбиты и бежали с побережья на теплоходах в Крым, бросив у Новороссийска большое количество лошадей, я выехал туда, отобрал 2400 лошадей и перевел их на станцию Кавказскую и разместил их в 4-х совхозах, организовав там санаторий для больных лошадей. Часть лошадей сдал в ремонт армии Кавказского фронта, часть отправил на конские заводы в Сальские степи, часть лошадей была оставлена на лечение в совхозе «Старый хутор» и часть лошадей была роздана населению [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 63].

Послужной список Владимира Михайловича периода Гражданской войны отражает его многочисленные разъезды по стране: Тамбовская область, Симбирск (Ульяновск), Саратов, Ростов, Москва — фактически с одной целью — обеспечения армии конным составом. При этом он занимал руководящие должности: председатель ремонтной комиссии

по приему лошадей, председатель Особой центральной комиссии по поставкам лошадей для Восточного и Туркестанского фронтов, начальник Управления ремонта конским составом Кавказского фронта и т. п.

С октября 1922 г. по октябрь 1925 г. В.М. Лермонтов был направлен в Москву или, как записано в личном листке по учету кадров, «командирован к главнокомандующему всеми Вооруженными Силами республики» [Там же, л. 44 об.]. В 1925 г. он вернулся сначала в Ростов, потом на Северный Кавказ, где занимал следующие должности: специалист по коннозаводству и коневодству Северо-Кавказского Донского земельного управления (октябрь 1925 – февраль 1927 г.), зоотехник по коневодству Крайсельсоюза и Животноводства Северного Кавказа (февраль 1927 – март 1928 г.), старший специалист по коневодству Облконсоюза (март 1928 – апрель 1929 г.), заведующий племенной частью Стрелецкого чистокровного конного завода (апрель 1929 – май 1931 г.) [Там же].

В 1931 г. случилась беда: «Владимир Михайлович Лермонтов был арестован. Его судила так называемая “тройка”» [11, с. 361]; страшно пытали, приговорили к десяти годам заключения и отправили на строительство Беломорско-Балтийского канала (ББК), где он работал начальником транспортной части Онежского леспромхоза и отвечал за гужевой транспорт, то есть за лошадей [Там же, с. 362]. Освобожден досрочно в 1936 г. Что стало причиной ареста? По сведениям Т.П. Молчановой, В.М. Лермонтов знал конкретных доносителей, которые ненавидели его только за то, что он дворянин и царский офицер. Также имело место желание занять его должность и выслужиться, получив новые привилегии [Там же, с. 361]. Согласно интернет-публикации Лермонтовского общества, конкретным поводом для ареста стал падеж лошадей на одном из конезаводов [3].

В графе 35 личного листка по учету кадров на вопрос «привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение суда» Владимир Михайлович записал: «Судимости не имею. Избирательных прав никогда не лишался» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 45 об.]. Судимость с него, как отмечают биографы, действительно, была снята 26 мая 1945 г. [8, с. 250]. Ни в «Биографии», ни в послужном списке В.М. Лермонтова факты его ареста и приговора к заключению на 10 лет никак не отражены.

В «Биографии» о периоде 1931–1941 гг. он написал: «В конце января 1931 года ко дню 50-летнего юбилея Климента Ефремовича Ворошилова отправил из Стрелецкого конного завода коня “Друга”. В 1936 году был назначен Начальником конного транспорта Беломоро-Балтийского комбината. В 1939 году был назначен начальником конного транспорта в орденноносный пушсовхоз Карело-Финской ССР» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 63 об.]. Также в «Биографии» заявитель сообщал о работе в системе НКВД (МВД) в течение десяти лет, имея в виду, вероятно, 1936–1946 гг. и указав в качестве последнего места данной ра-

боты и жительства совхоз «Воронино» МВД Вологодской области. Последняя занимаемая должность — «зоотехник по коню» [Там же, л. 64]. При этом он опять-таки указал, что судимости не имеет [Там же]. Также факт пребывания на ББК подтвержден листком по учету кадров. Но записи дат в личном листке по учету кадров выглядят несколько сомнительно. Перед арестом — с апреля 1929 по май 1931 г. — заведующий племчастью Стрелецкого чистокровного завода (Центральная Черноземская область), а следующая должность (май 1931?/6? — июнь 1939) — начальник конного транспорта и зоотехник по коню ББК МВД. Возникает вопрос по датировке: то ли 1936 г. исправили на 1931, то ли наоборот [Там же, л. 44 об.]. Скорее всего, это 1936 год. По свидетельству дочери Владимира Михайловича Ирины, «в 1936 году за хорошую работу в лагере срок наказания папе был снижен до пяти лет, и он был оставлен работать по вольному найму, осуществляя руководство гужевым транспортом Беломорканала» [8, с. 104]. Пять лет лагерей (1931 — 1936) выпали из официально подтвержденной трудовой деятельности.

В 1939—1941 гг. В.М. Лермонтов работал в прежних должностях в Пушсовхозе МВД; в 1941—1942 гг. начальником конной базы 1-го армейского стройуправления Финского фронта. В 1942—1945 гг. продолжил трудовую деятельность в Каргопольлаге. Далее листок по учету кадров содержит сведения о работе претендента на персональное пенсионное обеспечение с 1945 по 1947 г. в Мелитополе [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 44 об.], тогда как в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу от 1946 г. указан адрес «п. Воронино Усть-Кубинского района Вологодской области» [Там же, л. 65]. Ирина Владимировна, в свою очередь, подтверждает работу в Воронино Вологодской области, затем в Мелитополе и последующий переезд в 1946 г. в Пятигорск [8, с. 110]. Интересно, что, даже переехав в 1947 г. в город гибели поэта, Владимир Михайлович продолжил работать в системе МВД [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 44 об.].

В графе «Служебный стаж» справки об увеличении персональной пенсии от 1946 г. имеются следующие данные: Стрелецкий конзавод, начальник племенной части, 1930—1936; Беломоро-Балтийский комбинат, 2-е Онежское отделение НКВД, начальник гужевой части, 1939—1941; 1-е армейское стройуправление НКО, с. Пудож, начальник гужевой базы, 1941; 14 ОЛП НКВД, начальник гужевой части, 1941; зав. гужевого транспорта 1942—1945; ИТК №2 НКВД, старший зоотехник, 1945 [Там же, л. 46 об.]. В этом документе пропали сведения уже за 1936—1939 гг.

Если племяннику Ф.М. Достоевского географу А.А. Достоевскому факт его ареста в 1930 г. по «Академическому делу» не позволил стать персональным пенсионером [6], то арест и последующая «работа в системе НКВД (МВД)» не лишила В.М. Лермонтова права на установление ему персональной пенсии, хотя, возможно, повлияла на ее статус. Несмотря на заслуги общегосударственного масштаба, ему была назначена пенсия республиканского, а не союзного значения. Тем не менее в исследуемых документах заслуживает внимания умолчание факта по-

падания под репрессии 1930-х гг.: работа на Беломоро-Балтийском комбинате и в совхозе МВД отражена в общем перечне рабочих мест Владимира Михайловича без каких-либо пояснений в прилагаемых документах. Возможно, именно из-за этих фактов биографии В. М. Лермонтова В. Д. Бонч-Бруевич терпеливо дожидался возвращения из командировок В. М. Молотова, способного положительно повлиять на решение об установлении персональной пенсии.

Согласно «Биографии», во время Великой Отечественной войны (в 1941 г. В. М. Лермонтову исполнилось 67 лет) претендент служил в 1-м армейском стройуправлении оборонстроя Наркомата обороны при Финском фронте. В 1942 г. при переводе лошадей из одной части в другую, как было сказано выше, был ранен тремя пулями при налете немецкой авиации. После выздоровления и освобождения от военной службы продолжил работать в НКВД [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 64].

Заключение

Подводя общие итоги, следует сказать, что материалы исследованного личного дела персонального пенсионера В. М. Лермонтова позволили выяснить ряд фактов его биографии и деталей порядка назначения персональных пенсий.

Прежде всего обращает на себя внимание процедура установления персонального пенсионного обеспечения претендентам на данный вид пенсии из числа потомков и родственников «больших литераторов». Письмо В. Д. Бонч-Бруевича подтверждает факт предварительного рассмотрения их документов на уровне членов советского правительства и появления куратора этого процесса. В исследуемый период им был заместитель председателя Совета министров СССР В. М. Молотов.

Следующий интересный момент — уточнение степени родства Владимира Михайловича с поэтом. Важно, что сам В. М. Лермонтов признает расхождение ветвей рода Лермонтовых в конце XVII в., что подтверждает невозможность признания его прямым потомком Михаила Юрьевича.

В заключение необходимо подчеркнуть заслуги персонального пенсионера в области советского коневодства и коннозаводства. Отметим, что в послевоенный период факт попадания претендента на персональное пенсионное обеспечение под репрессии 1930-х гг. не лишил его права на установление пенсии данного вида.

Список литературы

1. Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.
2. Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1959.
3. Владимир Михайлович Лермонтов — герой Первой мировой войны и Великой Отечественной войны // РОО «Время Лермонтова». URL: https://vk.com/wall-68664163_4817 (дата обращения: 01.08.2025).
4. Государственный архив Российской Федерации.

5. Жиркова М. А., Капустина О. В. «В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось»: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В. Г. Успенской – дочери Г. И. Успенского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 64–79.

6. Жиркова М. А., Капустина О. В. Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «Пенсионная история» А. А. Достоевского // Интеллигенция и мир. 2022. №4. С. 69–89.

7. Загорулько В. И. Лермонтовские яблоки // Загорулько В. И. Лермонтовы: Очерки о великом поэте и его родственниках. СПб., 1998. С. 75–78.

8. Лермонтов В. М. Записки кавалериста / сост. В. Н. Цугулиев. М., 2011.

9. Мануйлов В. А. Род Лермонтовых // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 467–470.

10. Михаленко А. П. И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал. По страницам полковой летописи Ахтырского гусарского полка. М., 2001.

11. Молчанова Т. П. Лермонтовы. 1613–2013. Российский род шотландского происхождения. М., 2014.

12. О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. №15. Ст. 198.

13. О персональных пенсиях республиканского и местного значения: постановление Совета министров РСФСР от 3 августа 1948 г. №805 // СП РСФСР. 1948. №8. Ст. 50.

14. О персональных пенсиях : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. №35. Ст. 315.

15. Об архивном деле в Российской Федерации : федер. закон от 22 октября 2004 г. // Российская газета. 2004. 27 окт.

16. Положение о персональных пенсиях : постановление Совета министров РСФСР от 17 апреля 1946 г. №242 // СП РСФСР. 1946. №5. Ст. 21.

17. Словарь русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1961. Т. 11 : Пра – пятью.

18. Соколов-Лермонтов В. Из рода Лермонтовых // Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ : сб. произведений, посвященных творчеству М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 2014. С. 84–95.

19. Шмелев И. С. Солнце мертвых // Бунин И. А. Окаянные дни. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Шмелев И. С. Солнце мертвых. М., 2021. С. 201–382.

Об авторах

Марина Анатольевна Жиркова – канд. филол. наук, доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

E-mail: manp@mail.ru

Ольга Владимировна Капустина – канд. ист. наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы, Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

М. А. Zhirkova¹, О. V. Kapustina²

**"THIS MAN IS A VERY RESPECTABLE MILITARY MAN":
ON THE ESTABLISHMENT OF A PERSONAL NATIONAL
RETIREMENT BENEFIT TO V. M. LERMONTOV**

¹ Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg,
Pushkin, Russia

² Branch of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation
for the Vladimir Region, Vladimir, Russia

Received 18 May 2025

Accepted 15 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5

75

To cite this article: Zhirkova M. A., Kapustina O. V. 2026, "This man is a very respectable military man": on the establishment of a personal national retirement benefit to V. M. Lermontov, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1. P. 59 – 76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5.

The circumstances of granting V. M. Lermontov a personal national retirement benefit are identified; in particular, attention is paid to the specific features of assigning pensions of this type to relatives of Russian literary classics, his biography is уточнена, and the degree of kinship with the poet is established. The authors of the study are guided by the principles of historicism and scholarly objectivity. The historical and biographical method, based on the analysis of documents of a personal nature, made it possible to reconstruct the life history of V. M. Lermontov against the background of Soviet reality. The main sources include documents from his personal (pension) file, including an application addressed to the editor-in-chief of the publications of the State Literary Museum V. D. Bonch-Bruевич; a petition by V. D. Bonch-Bruевич addressed to the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR V. M. Molotov; a biography of V. M. Lermontov; a personal personnel record sheet; a mandate of the Revolutionary Military Council of the Caucasian Front granting the right to inspect stud farms and requisition breeding horses; and certificates of wounds. The analyzed materials confirm the fact that documents of applicants for personal national retirement benefit from among relatives of Russian writers and poets underwent preliminary consideration at the level of members of the Soviet government, as well as the emergence of a curator of this process. During the period under study, these functions were assigned to the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR V. M. Molotov. The study emphasizes that Vladimir Mikhailovich was not a direct descendant of M. Yu. Lermontov; therefore, when pension rights were considered, a greater role was played by his own achievements in supplying the Red Army with horses and in developing stud farms in the North Caucasus. The examined documents confirm the fact of V. M. Lermontov's arrest in 1931 only indirectly. Importantly, in the postwar period, the fact that an applicant for a personal pension had been subjected to repression in the 1930s did not deprive him of the right to receive a pension of this type, although it may have prevented the assignment of a personal national retirement benefit.

Keywords: Mikhail Lermontov, Vladimir Lermontov, Red Army, cavalry, stud farm, personal retirement benefit provision

The authors

Dr Marina A. Zhirkova, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

E-mail: manp@mail.ru

Dr Olga V. Kapustina, Deputy Head of the Advance Work Organization Department, Pension and Social Insurance Fund of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

Е. В. Баранова

**ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
КАЛИНИНГРАДСКОГО ВАГОНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
В 1946 – 1951 ГОДАХ:
КОЛИЧЕСТВЕННАЯ И КАЧЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 25.06.2025 г.

Принята к публикации 31.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-6

77

Для цитирования: Баранова Е. В. Формирование кадрового потенциала Калининградского вагоностроительного завода в 1946–1951 годах: количественная и качественная динамика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 77–91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-6.

На примере Калининградского вагоностроительного завода проанализирована кадровая политика и состав рабочих на промышленных предприятиях СССР в ранний послевоенный период. Цель исследования – выявление ключевых проблем и динамики формирования трудового коллектива в условиях послевоенной разрухи, дефицита квалифицированных кадров и сложностей реконструкции нового советского региона. Методология, основанная на комплексном анализе архивных материалов самого предприятия (включая статистические отчеты и приказы по личному составу), а также публикаций местной периодической печати, позволила провести сравнительный анализ данных и выявить расхождения между ними. Основные результаты исследования показали, что, несмотря на быстрый рост численности персонала и объемов производства, завод постоянно сталкивался с острым дефицитом квалифицированных рабочих, высокой текучестью кадров и низкой эффективностью системы подготовки через школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Важную роль в становлении завода сыграл труд немецкого населения и военнопленных. Выводы свидетельствуют, что кадровая нестабильность и недостаток квалификации стали ключевыми факторами, сдерживавшими устойчивое развитие предприятия в послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: послевоенное восстановление, кадровая политика, Калининградский вагоностроительный завод, рабочие кадры, немецкие специалисты, школы ФЗО, текучесть персонала

История восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны неразрывно связана с процессом формирования кадрового состава промышленных предприятий. Одним из ярких примеров этого является Калининградский вагоностроительный завод, созданный в 1946 г. в условиях послевоенной реконструкции Калининградской области.

Анализируя кадровый состав завода, мы можем увидеть, насколько важными оказались квалификация и профессионализм работников для

успешного возобновления производства. Ведь именно человеческий капитал определил темпы экономического роста и способность предприятия удовлетворять потребности советского транспорта.

Во-первых, важную роль играла интеграция немецких рабочих, оставшихся на территории региона после войны. Их вклад в восстановление завода заслуживает пристального внимания, поскольку эта группа вносила уникальные знания и навыки, приобретенные в довоенный период. Во-вторых, демографическая ситуация послевоенного времени наложила отпечаток на структуру кадрового состава. Возвращавшиеся домой фронтовики, молодежь и представители нового поколения заняли значительную долю вакансий, вызвав изменения в возрастной и социальной структуре предприятия.

Кроме того, система подготовки кадров, в центре которой находились фабрично-заводские училища (ФЗО), стала важной составляющей стратегии предприятия по формированию квалифицированных кадров. Именно учебные заведения позволяли восполнить недостаток подготовленных специалистов и повысить общий профессиональный уровень работников.

Таким образом, исследование кадрового состава Калининградского вагоностроительного завода открывает уникальную возможность проанализировать экономические, политические и социальные условия начала послевоенного периода и оценить эффективность государственных решений.

Основная проблема при изучении кадрового состава рабочих вагоностроительного завода в 1940–1950-е гг. заключается в значительных расхождениях между данными различных источников, включая материалы самого фонда. В частности, приказы содержат одну информацию, а статистические отчеты завода, предназначенные для предоставления в Госплан или другие социалистические организации, – другую. Разница в численности работников в этих документах достигает десятков человек, что существенно затрудняет анализ.

Основой нашей статистики стали сводные данные, опубликованные в отчетных внутренних документах завода за 1951 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности работников и выпуска думпкаров
на вагоностроительном заводе в 1946–1951 гг.**

Показатель	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Количество работающих, чел.	817	1360	1627	1756	1755	1640
Годовой выпуск изделий, думпкары	231	332	1000	1550	2000	1089

Источник: [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 6, л. 35].

Анализ показывает сложную динамику развития предприятия. В послевоенный период наблюдался устойчивый рост как численности работников, так и объемов производства. За пять лет штат предприятия

увеличился более чем вдвое — с 817 человек в 1946 г. до 1756 в 1949 г., после чего началось незначительное сокращение до 1640 человек к 1951 г. Особенно резкий скачок численности произошел в 1947 г., когда количество работников выросло на 543 человека (66,5 %). Этот рост, вероятно, стал прямым результатом активных мер по комплектованию кадров в рамках послевоенного восстановления, таких как организованный набор из других регионов страны.

Параллельно с ростом кадрового состава стремительно увеличивался объем выпускаемой продукции. Если в 1946 г. завод производил 231 думпкар, то к 1950 г. этот показатель достиг 2 тыс. единиц, что демонстрировало почти девятикратный рост за пять лет. Наиболее интенсивный рост производства пришелся на 1948 г., когда выпуск увеличился сразу втрое — с 332 до 1000 думпкаров. Однако в 1951 г. произошло резкое падение объемов производства почти в два раза — до 1089 единиц, причины чего требуют дополнительного изучения.

Особый интерес представляет анализ уровня производительности труда. В первые послевоенные годы (1946—1947 гг.) на одного работника приходилось всего 0,24—0,28 думпкара в год. Однако к 1950 г. этот показатель вырос до 1,14 ед. на человека, что свидетельствует о значительном повышении эффективности производства. Резкое падение производительности до 0,66 думпкара на человека в 1951 г., сопровождавшееся сокращением объемов выпуска при сохранении высокой численности персонала, указывает на возможные структурные изменения в работе предприятия или внешние экономические факторы, заслуживающие отдельного исследования.

Помимо сводных данных за первые пять лет существует обширная статистика по годам, содержащая различные характеристики кадрового состава завода, которая зачастую не согласована.

Анализ данных списочного состава вагоностроительного завода на 21 июня 1946 г. позволяет выявить несколько важных особенностей кадровой структуры предприятия в послевоенный период. На указанную дату общая численность работников составляла 962 человека, а с учетом 150 вновь прибывших сотрудников достигала 1112 человек, что существенно превышает указанные в предыдущих отчетах среднегодовые показатели (817 человек за 1946 г.). Это расхождение может объясняться как сезонными колебаниями (летний набор кадров), так и разными методиками учета — возможно, в годовую отчетность не включались временные работники или строительные бригады [1, ф. П-1, оп. 1, д. 110, л. 4—6] (табл. 2).

Структура кадров демонстрирует четкое разделение труда: 65,7 % работников (632 человека) были заняты в основном производстве, тогда как по 17,15 % (по 165 человек) приходилось на вспомогательные подразделения (промгруппу) и строительство. Профессиональный состав отражал типичную для промышленных предприятий иерархию: 70,8 % составляли рабочие (681 человек), 12,7 % — инженерно-технические работники (122 человека), около 6 % — служащие (57 человек), а также охрانا и ученики.

Таблица 2

Списочный контингент на 21 июня 1946 г.

Категория	Численность работников				Национальный состав	
	Основное производство	Непромышленная группа	Строительство	Всего	Русские	Немцы
Рабочие	423	124	134	681	245	436
ИТР	100	10	12	122	118	4
Служащие	42	13	2	57	54	3
МОП и охрана	30	18	—	48	26	22
Ученики	37	—	17	54	24	30
<i>Итого</i>	632	165	165	962	467	495
Вновь прибывшие кадры	—	—	—	150	150	—
<i>Всего</i>	632	165	165	1112	617	495

Особый интерес представляет национальный состав коллектива. Немцы составляли 51,5 % персонала (495 человек), причем они преобладали среди рабочих (436 человек, или 64 % от общего числа рабочих), но практически отсутствовали в управленческом звене (в ИТР — лишь 4 немца из 122). Русские, напротив, доминировали среди ИТР (118 из 122) и служащих (54 из 57), что отражает характерную для послевоенного периода кадровую политику.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что завод в 1946 г. активно восстанавливал кадровый потенциал после войны, используя в том числе немецкое население преимущественно на рабочих должностях. Разница между списочным составом на июнь и среднегодовыми показателями требует дополнительного изучения учетной документации для понимания принципов формирования отчетности в тот период.

Архивные данные за 1947 г. показывают, что предприятие испытывало острый дефицит квалифицированных кадров. На весь завод приходилось всего 9 инженерно-технических работников: 6 специалистов с высшим образованием (включая 1 женщину) и 3 со средним. Национальный состав ИТР был следующим: преимущественно русские (6 из 9), а также единичные представители украинцев и белорусов.

Возрастная структура специалистов отличалась значительным разбросом — от молодых сотрудников до 25 лет до опытных работников старше 60 лет. Партийная принадлежность отражала общую кадровую политику — 2 члена ВКП(б) с высшим образованием и 1 комсомолец со средним.

По сравнению с 1946 г. отмечается некоторое улучшение в квалификационном составе (появление большего числа специалистов с выс-

шим образованием), однако общее количество ИТР оставалось крайне недостаточным для полноценного функционирования предприятия. Особенностью стало появление первых женщин в инженерно-техническом составе, что свидетельствовало о постепенных изменениях в кадровой политике послевоенного периода [1, ф. Р-180, оп. 2, д. 9, л. 38].

Данные 1948 г. выявили серьезный кадровый кризис на предприятии. Фактическая численность рабочих составила лишь 827 человек при плановом показателе 1230 (67,2% обеспеченности), тогда как ИТР были укомплектованы на 96,2% (202 из 210 запланированных). Особенно тревожила текучесть кадров: за первые четыре месяца при средней численности 858 человек завод потерял 237 рабочих (в том числе 24 самовольно ушедших), приняв лишь 175 новых работников.

Возрастная структура персонала отражала послевоенные реалии: 57% рабочих были моложе 25 лет, среди учеников преобладала молодежь (20 из 26), а основная часть ИТР (154 из 159) находилась в возрасте 26–49 лет. При этом сохранялась и категория работников старше 60 лет (8 человек, включая 1 ИТР).

Эти показатели демонстрируют характерные для послевоенного периода проблемы – острый дефицит рабочих рук при относительной обеспеченности инженерно-техническими кадрами, высокую текучесть персонала и специфическую возрастную структуру с преобладанием молодежи при сохранении небольшой доли пожилых работников. Сложившаяся ситуация существенно затрудняла восстановление и развитие производства в послевоенные годы (табл. 3–4).

Таблица 3

Обеспеченность кадрами рабочих и ИТР в марте 1948 г.

Рабочие, среднесписочная численность по плану	Фактически	% от обеспеченности	ИТР	Фактически	% от обеспеченности
1230	827	67,2	210	202	96,2

Источник: [Там же, оп. 1, д. 49, л. 22].

В январе – апреле 1948 г. текучесть рабочей силы была значительной: при средней численности работников (в январе – марте) 858 чел. за этот период прибыло 175 чел., а убыло 237 (в том числе самовольно ушло в феврале – апреле 24 чел.) [Там же, л. 24]. Представленные данные наглядно иллюстрируют еще одну проблему кадрового учета того периода – отсутствие единой методики подсчета. Так, средняя численность рабочих за январь – март, рассчитанная для анализа текучести (858 чел.), не совпадает со списочной численностью рабочих на конец отчетного периода (827 чел.), указанной в таблице 3. Первый показатель, по-видимому, является усредненной величиной за три месяца, второй – «моментальным снимком» на конкретную дату. Подобные расхождения в пределах одного документа типичны для послевоенной отчетности.

Таблица 4

Возрастной состав работников вагоностроительного завода в 1948 г.

Категория по возрасту	Рабочие	Ученики	ИТР и АТР	Служащие, включая конторских учеников	Младший обслуживающий персонал и охрана	Всего
14 лет	5	1	0	0	0	6
15 лет	12	3	0	1	0	16
16	20	1	0	2	0	23
17	72	4	0	7	1	84
18	79	2	0	5	1	87
19	47	1	3	3	3	57
20–25	238	13	52	41	14	358
26–35	184	2	78	25	26	315
36–49	138	0	76	14	14	242
50–54	21	0	8	1	5	35
55–59	6	0	1	1	3	11
60 и старше	2	0	1	1	4	8

Источник: [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 3, л. 12–14].

По отчетным данным на 1949 г. общая численность персонала завода составила 1719 человек, достигнув 88,5% от планового показателя. Анализ структуры кадров показывает устойчивую диспропорцию: при практически полном выполнении плана по ИТР (228 человек или 98,8%) и служащим (92 человека или 100,1%) наблюдается значительный недобор рабочих кадров – лишь 1214 человек при плане в 1444 (84,1%). Общая численность промышленно-производственного персонала достигла 1627 человек (87,3% от плана) [1, ф. П-1, оп. 2, д. 63, л. 23–29].

Примечательно превышение плановых показателей по средней заработной плате рабочих, что может объясняться несколькими факторами – острым дефицитом квалифицированной рабочей силы, вынуждавшим администрацию повышать оплату труда; применением повышенных стимулирующих выплат для удержания кадров; также, возможно, необходимостью пересмотра норм выработки в условиях послевоенного восстановительного периода.

Сложившаяся кадровая ситуация характерна для промышленных предприятий конца 1940-х гг., когда при относительной стабильности инженерно-управленческого состава сохранялся хронический дефицит рабочих кадров, усугубляемый последствиями войны и процессами послевоенной реорганизации производства.

По данным статистического отчета за 4-й квартал 1950 г. (табл. 5) общая численность работников завода составляла 1471 человек, из которых 1364 (92,7%) относились к промышленно-производственному персоналу. Анализ движения кадров выявил несколько характерных

тенденций. За отчетный период на предприятие было принято 112 работников, включая 24 выпускника школ ФЗО (из них 15 направлены в производство) и 88 человек из других источников. При этом выбытие составило 143 сотрудника, в том числе 133 из производственного сектора. Основные причины увольнений включали призыв в армию и переход на учебу (30 человек), самовольные уходы (18), увольнения по инвалидности (10) и переводы на другие предприятия (5). Остальные 80 случаев пришлось на увольнения по согласованию с администрацией.

Таблица 5

Статистический отчет по кадрам за 1950 г.

83

Кадровый состав	Всех рабочих	В том числе рабочих промышленного производства комплекса
Состояло по списку на начало 4-го квартала, в том числе	1471	1364
окончившие школу ФЗО	24	15
прочие	88	78
выбыло	143	133
в том числе переведено на другие предприятия	5	5
по инвалидности	10	9
самовольно	18	15
в связи с переходом на учебу, призывом в Красную армию	30	28
по разрешению администрации	1485	1370

Источник: [1, ф. Р-193, оп. 7, д. 85, л. 8].

Примечательно, что в самой таблице отчета присутствует очевидное статистическое несоответствие: сумма указанных отдельных причин выбытия (63 человека) значительно меньше заявленного общего числа выбывших (143 человека). Последняя строка таблицы с показателями 1485 и 1370, судя по контексту, обозначает не причину увольнения, а общую списочную численность на конец отчетного периода. Это характерный пример неточностей, которые нередко обнаруживаются в первичной учетной документации того времени.

Несмотря на отрицательное сальдо движения кадров (-31 человек), общая численность к концу периода составила 1485 работников (1370 в производстве), что свидетельствует о некоторой стабилизации после послевоенных кадровых кризисов. Однако сохраняющиеся проблемы — значительное число самовольных уходов (12,6 % от общего выбытия), низкая доля выпускников школ ФЗО (всего 1,6 % от штата) и преобладание «неплановых» источников пополнения кадров — указывают на уязвимость кадровой системы предприятия в условиях послевоенного восстановления промышленности.

В 1951 г. кадровый состав завода демонстрировал признаки относительной стабилизации. Списочная численность персонала достигла 1319 человек, при этом промышленные рабочие традиционно составляли абсолютное большинство — 1234 человека (93,6 % от общего состава). Годовое движение кадров характеризовалось незначительным отрицательным сальдо (–10 человек), что указывало на достижение определенного баланса после послевоенных кадровых кризисов.

Основные источники пополнения кадров оставались прежними: из 123 принятых работников лишь 19 (15,4 %) были выпускниками школ ФЗО и РУ, тогда как остальные 104 человека (84,6 %) набирались из прочих источников. Такая структура приема сохраняла проблему недостатка квалифицированной рабочей силы.

Выбытие персонала (133 человека) происходило по следующим причинам:

- объективные причины (призыв в армию, учеба) — 36 случаев (27 %);
- самовольные уходы — 10 случаев (7,5 %, что вдвое меньше показателя 1950 г.);
- административные увольнения — 72 случая (54,1 %);
- переводы и увольнения по инвалидности — 15 случаев (11,3 %) [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 128, л. 59–62].

Снижение числа самовольных уходов может объясняться как улучшением условий труда, так и ужесточением трудовой дисциплины. Однако сохранявшаяся высокая доля административных увольнений (более половины всех выбытий) свидетельствует о производственной неэффективности и продолжавшихся проблемах в управлении персоналом. Преобладание «неорганизованных» источников пополнения кадров (84,6 %) также указывает на системные сложности в подготовке и закреплении квалифицированных рабочих кадров.

На основании представленных архивных данных прослеживается противоречивая динамика развития предприятия. Численность персонала демонстрирует значительные колебания: от 1112 человек в 1946 г. до минимального значения 827 рабочих в 1948 г., с последующим ростом до 1719 человек в 1949 г. и снижением до 1319 к 1951 г. Особого внимания заслуживают существенные расхождения в отчетности: например, в 1946 г. списочная численность на июнь (1112 чел.) значительно отличается от среднегодовых показателей (817 чел.), что может свидетельствовать о разных методиках учета или сезонных колебаниях.

Производственные показатели показывают впечатляющий рост с 231 думпкара в 1946 г. до 2000 в 1950 г., однако резкое падение до 1089 единиц в 1951 г. требует особого объяснения. Примечательно, что периоды максимального выпуска продукции (1949–1950) совпадают с наибольшей численностью персонала.

Проблема достоверности данных проявляется в значительных расхождениях между плановыми и фактическими показателями численности (67,2 % выполнения в 1948 г.), противоречиях между разными источниками по одним и тем же периодам, отсутствии единой методики учета (списочный vs среднегодовой состав).

Эти расхождения могут объясняться как объективными факторами послевоенного периода (нестабильность кадров, разные системы отчетности), так и возможными попытками предприятий корректировать показатели в условиях плановой экономики. Несмотря на очевидный прогресс в производственных показателях, кадровая политика оставалась несовершенной, о чем свидетельствуют высокие показатели текучести и постоянный недобор рабочих.

Представленные статистические данные за 1946–1951 гг. демонстрируют, что формирование трудового коллектива завода происходило в условиях острого дефицита кадров, что вынуждало администрацию использовать разнородные источники комплектования. Эти источники – организованный набор через Министерство транспортного машиностроения СССР, привлечение немецкого населения, стихийный приток рабочей силы и подготовка новых кадров через систему ФЗО – не только определяли динамику численности, но и напрямую влияли на производственные результаты.

Министерство транспортного машиностроения СССР

По распоряжению Министерства транспортного машиностроения предусматривалось выделить с других заводов министерства 200 квалифицированных рабочих и 100 инженерно-технических работников [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 6, л. 85]. Это распоряжение было реализовано путем временной переброски 150 человек с Калининского вагоностроительного завода и около 100 человек – с Нижнетагильского завода.

В феврале – марте 1946 г. благодаря оргнабору на завод прибыло 500 человек из Ульяновской, Пензенской и Тамбовской областей [Там же, л. 33]. Среди прибывших только около 10 % рабочих имели специальность, а остальные никогда не работали на заводах.

Стоит отметить, что привозили не только рабочих и ИТР. Так, согласно приказу №170 в местный штат из Калининского завода были зачислены официантка Нина Егоровна Леонова, завпродовольствием столовой Анна Григорьевна Крочалова, заведующая библиотекой Малюкова [Там же, д. 3, л. 10].

Как вспоминал заводчанин В. В. Дюков,

встретили нас хорошо на Южном вокзале, на станции Сортировочная. Встречал первый директор вагоностроительного завода – Горбунов Василий Петрович, который был назначен сюда с Тагильского вагонного завода. Таким руководителям присваивали звания генералов, чтобы они могли контролировать порядок и решать вопросы распределения. Также среди встречающих был главный инженер Агапов и тоже – Василий Петрович. Оркестра, правда, не было, но встречали очень хорошо, на машинах, это были трофейные немецкие грузовики, нас развезли и разместили по общежитиям на улице Киевскую (в районе Понарт) и улицу Клиническую (Фридрихштрассе)¹ [2, с. 11].

¹ Здесь, вероятно, ошибка мемуариста. Улица Клиническая до переименования состояла из двух улиц (Фордер- и Хинтеросгартен), а Фридрихштрассе получила в Калининграде наименование ул. Томская.

Немецкое население

Вновь создававшийся завод практически не имел рабочей силы — квалифицированных сотрудников, инженерно-технических работников. Это вынуждало обучать новые кадры, проводя обучение на рабочих местах прямо в процессе производства. В первую очередь были привлечены 150 человек из числа местного немецкого населения, а также военнопленные, которые занимались в основном расчисткой территории от завалов и разрушений [1, ф. Р-192, Историческая справка, л. 5]. В 3-м квартале 1946 г. МВД организовало для нужд завода лагерь на 1000 человек из числа военнопленных [1, ф. П-1, оп. 1, д. 110, л. 45].

86

В приказах директора завода первым упоминаемым немецким работником стал Карл Гюнтер, который был зачислен в штат отдела капитального строительства в качестве инженера по строительству [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 2, л. 20].

Как отмечалось в немецкоязычной газете «Новое время», выходившей в Калининграде во второй половине 1940-х гг.,

среди немецких рабочих, пришедших на вагоностроительный завод весной 1946 г., было немало и женщин. Подавляющее большинство из них не имело никакой профессиональной подготовки, и сейчас в каждом цехе завода можно встретить женщин и девушек, ловко откручивающих отдельные детали, обслуживающих генератор или прокладывающих телефонные линии. На заводской электростанции было много неквалифицированных немецких рабочих. Начальник электростанции сформировал учебную группу из 15 человек и поручил электромонтеру Курту Бёвигу обучать их монтажному делу. На теоретических занятиях слушатели знакомились с основами электротехники, устройством электрических машин, принципиальными схемами и другим оборудованием. На практических занятиях они выполняли ремонт электродвигателей, электролиний и оборудования электростанции. Все студенты успешно сдали экзамен и получили квалификацию электромонтеров 4-го разряда.

Среди выпускников курса были Мария Бандуш и Франциска Штеффен. С августа 1946 года они уже работают самостоятельно и по очереди управляют динамо-машиной постоянного тока. Это уже настоящие квалифицированные работники. Спокойно и уверенно они запускают генератор, снабжающий литейный цех электроэнергией, и внимательно следят за стрелкой вольтметра. На их рабочем месте царит безупречная чистота и порядок [8].

В воспоминаниях переселенцев также упоминаются немцы. Зинаида Михайловна Сехина (Филиппова) отмечала:

Немцы помогали нам в восстановлении. Масштабы разрушения завода были не очень велики. Оставалось много немецкого оборудования в прекрасном состоянии: станки, сварочные аппараты. На них мы потом работали. Кадры набирались из немецкого населения. В основном это были немецкие женщины. Мужчин было мало. У нас работал бывший немецкий

военный летчик. Работал он у нас электриком. Был очень квалифицированным работником. Он показывал нам свой личный дом, который у него сохранился [1, ф. Р-1191, оп. 1, д. 54, л. 11].

В приказах директора завода немецкие работники упоминаются очень редко: «С 7 августа 1946 г. и.о. начальника ОКСа Шпеер вернулся к выполнению своих прямых обязанностей гл. инженера ОКСа» [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 3, л. 96]; «На сдельной оплате труда на заводе работали копировщицы Кляйн Маргот и Кнауэр Эфа» [Там же, л. 238]. Также на заводе трудились инженер Гольдебих, ст. инженер Ратнер, инженер Визер, курьеры Вальтер и Распах, уборщицы Бирен и Шварц [Там же, л. 341].

Другие источники комплектования кадров

Из числа местных демобилизованных в первый год было принято 139 человек, 144 человека по направлениям областного гражданского управления, вольнонаемных — 93 человека [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 6, л. 85].

В «Калининградской правде» в 1947 г. вышла статья об одном из мобилизованных заводчан:

Старшина Гаврик участвовал в освобождении Крыма, брал Севастополь, изгонял немцев из Прибалтики, штурмовал Кёнигсберг. В апреле 1946 г., после демобилизации из армии Павел Степанович Гаврик не задумываясь решил остаться в советском городе Калининграде.

— Здесь воевал — здесь буду строить! — сказал он жене, и оба они поспешили работать на Калининградский вагоностроительный завод [4].

Директор завода Василий Петрович Горбунов и мастер Николай Степанович Бреус ходили вместе с героем статьи по заваленному кирпичом и обгоревшими машинами, изломанным оборудованием заводскому двору и отбирали станки, которые можно восстановить. Они доставали необходимое из-под обломков и бережно сносили на единственную расчищенную площадку. Тогда каждый из них говорил: «Вот этот станок пригодится для механического, этот — для кузницы...» [Там же].

На страницах «Калининградской правды» в июле того же года вышла и некомплементарная статья, посвященная обустройству на новом месте. Один из новых заводчан отмечал:

Я недавно демобилизовался из рядов ВМФ и прибыл в Калининград на Вагоностроительный завод. Представитель Министерства транспортного машиностроения по организованному набору рабочей силы заключил со мной трудовой договор. Согласно договору я должен проработать на заводе не менее года. Администрация завода плохо приняла переселенцев, она не заботится об их бытовых нуждах, не выполняет заключенных договоров. Я прибыл в Калининград 10 июня, 21 июня уже вышел на работу. Однако до сего времени квартирный вопрос не разрешен, хотя согласно договору дирекция завода обязана в течение месяца обеспечить меня квартирой, выплатить подъемные. Заводоуправление, профсоюзная организация ограничивается обещаниями. На словах оно получается, как будто неплохо, на

деле мы лишены самых необходимых бытовых удобств. Семь семей, например, поместили в маленькой неблагоустроенной квартире, в которой после каждого дождя полно воды [3].

Пополнялся завод постепенно и сельскими жителями. Например, лучшими сборщиками завода в 1946 г. стали хлеборобы в недавнем прошлом Иван и Павел Ходаевы, а одной из лучших сверловщиц — их сестра Анна Ходаева. Администрация поощряла прием на завод родственников работников, надеясь таким образом уменьшить текучку [5].

В «Калининградской правде» в 1952 г. отмечалось, что среди самых почетных людей завода «фрезеровщик т. Васин, демобилизованный воин, мастер ремонтно-механического цеха депутат областного совета Павел Гаврик, строгальщик Виктор Ююков. Мастер Кононеко стал начальником цеха узлов. От рядового рабочего до заместителя начальника цеха вырос Дмитрий Степанович Чудаков» [7].

Новые кадры ФЗО

Перед руководством завода стояла важная задача по обучению новых кадров. Для этой цели при заводе была создана школа ФЗО (учебные заведения профессионально-технического образования; набор проходил в форме мобилизационных призывов). Были выделены помещение, инвентарь, семь мастеров и педагог. В ноябре 1946 г. на завод прибыло 130 учащихся, а за весь 1946 г. обучение прошло 323 человека [1, ф. Р-192, Историческая справка, л. 3].

Директорам заводов предписывалось выделить в квалификационные комиссии школ ФЗО квалифицированных представителей, обязав их принимать активное участие в работах комиссий и не допускать присвоения выпускникам необоснованно завышенных разрядов. В 1948 г. всего школа ФЗО «отдала» заводу 160 человек, ремесленные училища — 500 человек [Там же, оп. 7, д. 26, л. 1].

Несмотря на то что выпускники ФЗО и училищ были очень важной составной частью кадрового пополнения завода, отношение к ним в цехах отличалось противоречивостью. Так, проверкой 1948 г. было установлено, что учащиеся ремесленного училища №4 используются неудовлетворительно особенно в механическом цехе [Там же, д. 27, л. 36]. В «Калининградской правде» вышла разгромная статья об отношении к выпускникам в кузнечном цеху.

За полгода работы в кузнечном цехе выпускник школы ФЗО В. Закружной так и не узнал, кому он подчинен и каков круг его обязанностей. Ни начальник цеха т. Верейкин, ни механик т. Друзев не проявили элементарного внимания к молодому рабочему. Вспомнил т. Верейкин о Закружном только тогда, когда не досчитался его в списках.

— Отдать Закружного под суд как прогульщика был его приказ. А Закружной даже и не думал прогуливать. Он работает в соседнем электроцехе, где им заботливо руководит мастер высоковольтных подстанций т. Дмитроусов [6].

Стоит отметить, что именно ученики регулярно становились участниками различных аварийных ситуаций. Например, 1 февраля 1952 г. «товарищ Олексюк был принят в сборочный цех на участок мастера Дмитриева по профессии ученика клепальщика, но проинструктирован на рабочем месте мастером Дмитриевым как ученик слесаря. Допуск к работе начальником цеха в контрольном месте на Олексюка не был оформлен. 22 февраля Олексюк был переведен на участок мастера Королева, который, не проинструктировав ученика, допустил его к самостоятельной работе, где он и был травмирован» [Там же].

Тем, кто начинал добросовестно трудиться рядовым рабочим, предоставлялась возможность учиться, повышать квалификацию за счет завода, что рассматривалось как важный фактор мотивации и закрепления рабочей силы. Уже в 1949 г. учебой и повышением квалификации было затронуто 535 человек. В целях обеспечения опытом были организованы 3 производственно-технические командировки на Бежицкий сталелитейный и Рижский вагоностроительный заводы [1, ф. Р-192, оп. 7, д. 59, л. 50].

Но, как отмечало министерство к середине 1950-х гг.,

несмотря на увеличение численности дипломированных специалистов на большинстве заводов улучшение качественного состава руководящих кадров происходило довольно медленно. Особенно это относится к Рижскому, Днепродзержинскому и Калининградскому заводам, где в составе начальников цехов отделов и их заместителей работает свыше 50% практиков. Низкая насыщенность дипломированных специалистов руководящего состава затруднят работу по перспективной расстановке воспитанию и выращению кадров. Этим и объясняется отсутствие на указанных заводах резерва на выдвижение на руководящие должности [Там же, оп. 8, д. 37, л. 6].

Изучение кадрового состава Калининградского вагоностроительного завода показало, что предприятие столкнулось с серьезными трудностями в послевоенный период. Главными причинами отставания стали дефицит квалифицированных специалистов, низкое качество подготовки кадров и высокая текучесть рабочей силы. Система ФЗО, призванная компенсировать нехватку квалифицированных рабочих, не смогла эффективно справиться с поставленной задачей ввиду недостаточности преподавательского состава и плохой материальной базы. Высокая доля молодежи и демобилизованных солдат, вынужденных осваивать профессию на практике, приводила к дополнительным сложностям в формировании стабильного и компетентного коллектива. Все это отрицательно сказывалось на производительности завода и препятствовало выполнению поставленных перед ним задач.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Калининградской области.
2. Дюков В.В. Право плюс обязанность: Записки рабочего. Калининград, 1978.

3. Дюков В. Как это было // Калининградская правда. 1947. 10 июля. №137. С. 2.
4. Проблемы на новом месте // Калининградская правда. 1947. 11 нояб. №143. С. 3.
5. На благо нового места // Калининградская правда. 1948. 7 апр. №71. С. 2.
6. Новые заводчане // Калининградская правда. 1949. 3 авг. №168. С. 4.
7. Почему не любят молодежь // Калининградская правда. 1952. 17 мая. №97. С. 1.
8. Sorina M. Frauen als Elektrikerinnen // Neue Zeit: Zeitung für die deutsche Bevölkerung des Kaliningrader Gebietes. 1948. №10 (63). [31 янв.].

Об авторе

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, доц., директор НИЦ социально-гуманитарной информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
ORCID ID: 0000-0001-7519-4258
E-mail: gortransort@gmail.com

E. V. Baranova

DEVELOPMENT OF PERSONNEL AT THE KALININGRAD RAIL-CAR MANUFACTURING PLANT IN 1946–1951: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE DYNAMICS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 25 June 2025

Accepted 31 October 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-6

To cite this article: Baranova E. V. 2026, Development of personnel at the Kaliningrad Rail-Car Manufacturing Plant in 1946–1951: quantitative and qualitative dynamics, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 77–91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-6.

Using the example of the Kaliningrad Rail-car Manufacturing Plant, the article analyzes personnel policies and the composition of the workforce at industrial enterprises in the USSR during the early postwar period. The objective of the study is to identify key problems and the dynamics of workforce formation amid postwar devastation, a shortage of qualified personnel, and the challenges of reconstructing a new Soviet region. The methodology, based on a comprehensive analysis of the enterprise's archival materials (including statistical reports and personnel orders) as well as publications in the local periodical press, allowed for a comparative analysis of the data and the identification of discrepancies between them. The main findings indicate that, despite the rapid growth in staff numbers and production volumes, the plant constantly faced a severe shortage of skilled workers, high staff turnover, and low effectiveness of the training system through factory schools. The labor of the German population and prisoners of war played an important role in the establishment of the plant. The conclusions demonstrate that personnel instability and lack of qualifications became key factors limiting the sustainable development of the enterprise in the postwar decade.

Keywords: Post-war recovery, personnel policy, Kaliningrad Rail-Car Manufacturing Plant, workforce, German specialists, Factory plant schools, labour turnover

The author

Dr Elena V. Baranova, Associate Professor, Director of Research Centre for Social and Humanitarian Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-7519-4258

E-mail: gortransort@gmail.com

Ю. А. Веселов

МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ИМПЕРИАЛИЗМ И ТЕОРИЯ ЧЕТВЕРТОГО МИРА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

92

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2025 г.

Принята к публикации 10.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7

Для цитирования: *Веселов Ю. А. Мировой порядок, империализм и Теория Четвертого мира. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 92–104. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7.*

Статья представляет собой первую часть более широкого исследования, посвященного теории Четвертого мира и эволюции современного мирового порядка. В первой части приведены результаты краткого анализа различий и особенностей научного употребления терминов «мировой порядок», «международный порядок», «международные отношения». Методологическую основу работы составляют элементы историко-политического анализа, сравнительно-типологический подход, интерпретация процессов национального строительства в условиях имперской трансформации. Предложено общее объяснение текущей роли и возможной судьбы основы современных «международных отношений» – феномена национального государства. Автор утверждает, что идея существования «наций» (и «национальных государств») неустойчива, в связи с этим предложен один из возможных (но нежелательных) сценариев развития человеческих обществ в случае крушения этой идеи. Рассмотрен феномен особого исторического типа мирового устройства, сформировавшегося на рубеже XIX – XX вв. Целью исследования является концептуализация такого порядка как самостоятельной модели мироустройства. Показано, что этот порядок характеризовался концентрацией власти у ограниченного числа национальных государств (мировых держав), осуществлявших контроль над многоэтническими обществами и реализовавших политику культурной и политической унификации. Установлено, что подобная конфигурация способствовала формированию асимметричной системы подчинения народов и легитимации иерархии международных отношений. Анализ данного исторического этапа позволяет выявить истоки последующих моделей мироустройства.

Ключевые слова: международные отношения, мировой порядок, теория Четвертого мира, этносепаратизм, империализм, нация, национальное государство

Введение

Цель данной статьи — предложить общее объяснение текущей роли и возможной судьбы основы современных международных отношений — феномена национального государства.

«Международные отношения» — фундаментальное понятие соответствующей научной специализации. Его автор, английский философ Иеремия Бентам [21], раскрывал этот термин как стихийно появляющиеся связи между национальными государствами. Национальным государством, в свою очередь, считается политическое образование (то есть совокупность граждан) в соответствии с принципом национальности. Нация определяется устоявшейся совокупностью социальных взаимодействий политического, религиозного, культурного, экономического, географического и исторического взаимодействия, из которых важнейшим элементом может считаться память об общем прошлом, трактуемая как «судьба» группы [6, с. 122].

Сам термин «международные отношения» появился в результате масштабных политических и идеологических процессов в Европе времен Реформации и укоренился в общественном и научном сознании в конце XIX в. вследствие Великой французской революции [24]. Понятие, представляющее собой перевод английского *international relations*, то есть «межнациональные отношения», конкурирует с русскоязычным термином «международные отношения». Большинство исследователей априорно решило, что эти два термина идентичны [10].

Составляющей частью нации являются этнические группы (народности), исторический путь которых возможно проследить в течение веков, если не тысячелетий [40, р. 32; 41]. Следовательно, позволительно сделать первый вывод о том, что действительно эквивалентным термином к *international relations* может являться понятие «межнациональные отношения», то есть отношения между нациями, признанными и основными субъектами, имеющими свое индивидуальное представительство в Организации Объединенных Наций. А подлинно *международными отношениями* может считаться лишь взаимодействие разнообразных этносов, большинство из которых не обладает собственной государственностью, что выводит характер их сопряжения из категории политического.

На практике националистическая программа обычно состоит в осуществлении самостоятельного контроля над территорией максимально большой протяженности с четко установленными границами, занимаемой однородным населением, которое и представляет собой значимое единство граждан. Или, согласно Дж. Мадзини, эта программа относится скорее ко всей совокупности такого населения: «Каждой нации — государство, и только одно государство для целой нации». В таком государстве либо господствует, либо пользуется привилегированным официальным статусом, монополией единый язык, то есть язык соответствующей «нации». Как утверждает британский историк

Э. Хобсбаум, если определять нации в этноязыковых терминах, среди более чем 170 политических организмов мира найдется лишь что-то около дюжины, или и того меньше тех, которые соответствуют хотя бы первой части программы Дж. Мадзини [16, с. 334].

Больше путаницы привносит и следующий уровень анализа — транснациональный. Структура, которая называется «мировым порядком», также часто считается синонимичной «международному порядку», при этом по этому вопросу сложились три основные позиции:

1) «международный порядок» и «мировой порядок» — это одно и то же; аргументация в пользу этого постулата обычно не отличается от аргументирования по поводу различий терминов «международные отношения» и «межнациональные отношения», «народ» и «нация». К этому вороху проблем добавляются также и сложные взаимоотношения между понятиями «международная политика» и «мировая политика», между которыми также не делается особой разницы (сосуществуют разнообразные точки зрения по вопросу о том, что из них является более широким понятием, а что более узким);

2) «мировой порядок» шире чем «международный порядок» за счет полного (мирового) географического охвата; более того, он предусматривает большее разнообразие субъектов взаимодействия — тех акторов, которые не вписываются в понятие «нации» [12, с. 35];

3) подлинный «мировой порядок» никогда не существовал, в отличие от «международного порядка», который «только предстоит построить» [Там же, с. 25–26, 35]. В свою очередь, «мировой порядок» не может существовать без глобальных структур, устанавливающих общие для всех правила, разделяемые и соблюдаемые всеми участниками «международных отношений» [17].

Автор данной работы склоняется ко второй позиции. Так можно прийти к разрешению спорного вопроса и установить, что межнациональные (или транснациональные) отношения — это взаимодействие между национальными государствами в соответствии с их вышеприведенным определением, а международные отношения — отношения между социальными группами, которые не относятся друг к другу как к представителям национального государства (то есть к представителям суверенной власти над некоей территорией) и не имеют политического характера. Следовательно, можно прийти к следующему логическому шагу в этой цепочке рассуждений:

1. Нация — политический конструкт, существующий несколько столетий — условно либо с Великой французской революции, либо с Вестфальского мира. Это, в свою очередь, означает, что нация (а значит и национальное государство) не существовала всегда [43, р. 9], и никто не может дать гарантий, что просуществует еще столько же времени.

2. Все существующие взгляды на исследуемый феномен так или иначе возникли в ходе развития европейской философской и общественной мысли, а значит, могут быть проявлением лишь европейского опыта и самоанализа собственной истории. Чешский историк Мирослав Хрох так и пишет: «Нация составляет неотъемлемый фон новей-

шей европейской истории...», будучи «не вечной категорией, а продуктом долгого и сложного процесса исторического развития в Европе» [6, с. 121 – 122].

Вся приведенная аргументация подводит к тому, что сама идея существования «наций» и, соответственно, «национальных государств», неустойчива, однако неизвестно, что может подорвать ее и что может прийти на замену. Антиутопии рисуют мрачные картины механизированного и обезличенного государственного аппарата, в котором уже нет никакой другой идеи, кроме репрессивной бюрократии [4; 7; 14] или же власти бизнеса [3; 15], которая в отсутствие «ночного сторожа» относится к населению как к легкозаменяемой рабочей силе.

Тем не менее, кажется, существует концепция, которая может пролить свет на открытый вопрос о национальных государствах, их проблемах и их будущем.

Мировой интернациональный порядок

Мировой интернациональный порядок – небольшой период организованной истории человечества, когда идея национального государства (и ее реализация) достигла своего апогея – конец XIX – начало XX в. Конкретный год окончания этого периода определить непросто в силу переменных повстанческих движений, происходивших с разной степенью интенсивности и спонсирования. Тем не менее твердо можно заявить, что конец мирового интернационального порядка произошел во время и по причине Первой мировой войны. События, по которым можно констатировать этот конец, – восстание в Ирландии, в результате которого 21 января 1919 г. республиканская партия «Шинн Фейн» провозгласила независимость и сформировала временное правительство, и англо-ирландский договор 6 декабря 1921 г., который положил конец британскому правлению на большей части Ирландии. Так пишет и Э. Хобсбаум: «У волны националистического сепаратизма в сегодняшней Европе есть конкретная историческая причина. Настала пора пожинать плоды Первой мировой войны» [16, с. 337]. Вопреки постулатам о том, что вследствие Первой и особенно Второй мировой войны и распада колониальных империй произошел рост национализма, выдвигается тезис о том, что такой национализм являлся вовсе не национализмом, а проявлением этносепаратизма. Более того, границы многих постколониальных государств повторяют границы, проведенные метрополиями и не предусматривают особенности местных кланово-племенных структур, а также конфессиональных критериев, что в итоге привело к многочисленным войнам на африканском континенте и существованию неустойчивых политических систем, так называемых «хрупких государств» [44]. Это означает, что многие государства в действительности не являются национальными государствами, особенно если исходить из европоцентричного понимания этого термина.

Мировой интернациональный порядок возможно определить как краткий период, во время которого максимальное количество народов (то есть этнических групп) было подчинено минимальному количеству национальных государств.

К 1914 г. 90 % Африки находилось под формальным контролем мировых национальных держав [29, р. 101]. В других частях света к тому времени находились либо уже достаточно устойчивые национальные государства (США, страны Латинской Америки, Япония), либо другие колониальные владения (французский Индокитай, британский доминион Австралия, германская колония Цзяо-Чжоу в Китае и т.д.). Следовательно, мировой интернациональный порядок на самом деле представляет собой быстрое краткое мгновение в силу того, что разогретые экспансией и множеством кризисов (неравные выгоды от «гонки за Африку», Танжерский и Агадирский кризисы, последствия Франко-прусской войны, столкновения пангерманизма и панславизма, борьба за морское могущество и т.п.) национализмы не могли не столкнуться друг с другом.

Что касается самих великих национальных держав, то на то, что они были действительно такими, указывает их внутренняя политика. Как писал британский политолог и социолог Б. Андерсон, национализм является в первую очередь чертой имперского государства [19, р. 104].

В Германской империи германизация проводилась поступательно. Несмотря на то что знаменитая политика О. Бисмарка, получившая название *Kulturkampf* (нем. «борьба за культуру»), преимущественно предполагала ослабление роли католического духовенства, тем не менее она была направлена на централизацию германской нации и ослабление католиков-поляков [36]. В целом Культуркампф и аналогичные политические концепции были интенсивной формой культурной германизации. Английский лингвист Роберт Филлипсон в своей концепции «лингвистического империализма» обозначает, что образование «имеет особенно большое значение в процессах выстраивания языковой иерархии» в продвижении одних и угнетении других языков имперского пространства [37, р. 47]. Так, начальное образование в Эльзас-Лотарингии основывалось на трех базовых принципах: оно носило обязательный характер, разделялось по конфессиональному признаку и имело своей целью германизацию. Германские власти упорно добивались обязательности посещения детьми школ, воздействуя на «нерадивых» родителей крупными штрафами или даже небольшими тюремными сроками, а преподавание французского языка запрещалось (местами) [2]. Германизация проявлялась во введении немецкого как единственного официального языка в школах и государственных учреждениях, стимулировании переселения немецких колонистов в восточные регионы (Познань и Силезия), принятии законов, запрещающих использование польского и французского языков в официальных документах и на публичных мероприятиях, а также в активном использовании пропаганды для распространения идей германизации через СМИ, культурные мероприятия и образовательные учреждения.

Вероятно, наиболее тяжелая ситуация была в Австрийской империи ввиду сосуществования многочисленных славянских, итальянских и других народов. Согласно австрийско-американскому историку и одному из главных специалистов по империи Габсбургов Роберту Канну, к началу Первой мировой войны австрийские немцы составляли лишь четверть (около 23 %) населения, славяне (чехи, словаки, хорваты, сербы, поляки, русины и словенцы) 46,9 %, венгры — 20,2 % [26, р. 607]. В такой ситуации правительство с трудом могло осуществлять общенациональную политику, что привело к созданию многочисленных автономий и сецессионных уступок: например, администрации и суды в Чехии могли вести дела на языке лица, чье дело разбиралось. Император Франц Иосиф колебался между этническим и историко-традиционным федерализмом, иногда возвращаясь к триализму (неудавшаяся идея о создании федералистского государства австрийцев, венгров и славян) [27, S. 193–197]. Провальная внутренняя политика габсбургской монархии привела к уступкам и созданию в 1867 г. Австро-Венгрии.

Историк Питер М. Джэдсон утверждает, что националистическая пропаганда в Австро-Венгрии, по сути, велась только частью соответствующей национальной образованной элиты и мало влияла на население в целом до Первой мировой войны. С другой стороны, население было лояльно к династии Габсбургов и конституционным институтам империи: «Существование националистических движений и конфликтов не ослабило государство до опасной для жизни степени и уж точно не привело к его краху в 1918 год». Представление об империи Габсбургов как о «тюрьме народов» было всего лишь элементом последующей стратегии оправдания политиков государств-преемников [25, S. 487].

В целом такая ситуация в Австрийской монархии оправдывается именно тем, что империя была государством, сохранившим «донаполеоновские династические традиции», — в большей степени государством при династии, чем национальным государством.

В истории Российской империи известность получил так называемый Валуевский циркуляр (1863), появившийся в разгар польского восстания 1863–1864 гг. Причиной для его создания была попытка осуществления «сепаратистских замыслов» «под предлогом распространения грамотности и просвещения» [5, с. 284]. Позицию России в отношении циркуляра в частности и других подобных документов высказал его автор, министр внутренних дел, граф Петр Александрович Валуев: «...большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, испорченный влиянием на него Польши...» (цит. по: [1, с. 51]).

Дополнял основные положения циркуляра Эмский указ 1876 г., иначе называемый «Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмсе», направленный на

ограничение использования «малорусского наречия» «в видах пресечения опасной, в государственном отношении, деятельности украинофилов» [18].

Четырнадцатого июля 1864 г. Александром II было принято Положение о начальных народных училищах, согласно которому в земских школах стали преподаваться русский язык, чистописание, арифметика, Закон Божий, церковнославянский язык и церковное пение. Подобные реформы не только способствовали увеличению числа грамотного населения, но и укрепляли единство русского народа, препятствуя образованию сепаратистски настроенных языковых автономий.

В целом ускоряющаяся модернизация страны неизбежно приводила к необходимости унификации всех сторон жизни социума на основе русского языка [9]. К началу XX в. правительство России разработало широкий комплекс мероприятий по распространению русского языка среди «иногородцев». Заметная роль в русификаторских проектах отводилась системе народного образования.

В конце XIX — начале XX в. в Британской империи также проводилась политика англификации, направленная на унификацию и интеграцию колоний через распространение английского языка и культуры. Британская империя представляет собой один из самых успешных примеров национализма (даже с учетом распада колониального мироустройства), прежде всего потому, что английский язык стал мировым языком, а Британия в целом проводила «англобализацию мира» [13, с. 30]. Об этом пишет британский историк Нил Фергюсон в знаменитой книге «Империя: чем современный мир обязан Британии», где доказывает, что Британская империя сыграла значительную роль в формировании современного мира, распространяя английский язык, культуру и правовые системы по всему земному шару [Там же].

В частности, на Нормандских островах, где ранее население пользовалось преимущественно нормандским диалектом французского языка, с помощью умелой пропаганды английский язык стал рассматриваться как «язык коммерческого успеха, моральных и интеллектуальных достижений» [31, р. 42]. Рост английского языка и упадок французского привели к принятию большего количества ценностей и социальных структур из викторианской Англии [28, р. 269]. В конечном итоге это привело к тому, что культура Нормандских островов стала в основном англоязычной [Ibid., р. 270]. С 1912 г. система образования Нормандских островов велась исключительно на английском языке, следуя нормам британской образовательной системы.

Другой пример — Закон о начальном образовании 1870 г. и Закон о валлийском среднем образовании 1889 г., которые ввели обязательное обучение на английском языке в образовательную систему Уэльса. Английский «воспринимался как язык прогресса, равенства, процветания, массовых развлечений и удовольствий» [46, р. 36]. Эта и другие административные реформы привели к институциональному и культурному доминированию английского языка и маргинализации валлийского, особенно в более урбанизированных районах юга и северо-востока Уэльса [Ibid.].

Англификация достигла наибольшего эффекта после англо-бурской войны, когда британцы решили прививать африканским детям английский язык и культуру, оспаривая прежнее голландское общественное влияние [32]. Особенно значительный вклад в достижение этих целей внес Эдмунд Бил Саргант, английский колониальный чиновник, который был инициатором создания английских языковых школ в (первых в мире) концентрационных лагерях. Не может быть никаких сомнений в том, что деятельность этих школ имела политический подтекст и что они представляли собой идеальную возможность для внедрения проекта англификации Альфреда Милнера. Милнер, в свою очередь, был одним из влиятельнейших британских политиков-империалистов, настаивающих на проекте «имперской федерации» (то есть имперского союза колоний и метрополии), которая способствовала бы централизации, единству и создавала бы, по его словам, «постоянно связывающую силу» (цит. по: [38, p. 133]).

Образование воспринималось как способное в корне изменить национальный характер буров, тем самым создав гармоничную и англизированную Южную Африку. По словам Сарганта, он хотел склонить «молодое поколение голландских африканеров к английскому образу мышления и речи и к английским идеям правдивости и лояльности» (цит. по: [32, p. 9]). Саргант и Милнер были теми, кто ожидал от образования подчиненных этносов скорее не общего повышения грамотности, а того, чтобы сделать их англичанами, способствовать тому, чтобы они полюбили английские обычаи, стали настоящими британскими подданными [23].

В XIX—XX вв. в Соединенных Штатах также предпринимались общенациональные усилия по англификации всех иммигрантов в США с помощью разных методов, включая обязательное преподавание американского английского и замену имен всех иммигрантов на имена, звучащие по-английски. Это движение было известно под названием американизации.

Аналогично и во Франции проводилась схожая политика, называемая франконизацией. Во многом она напоминала Культуркампф восточного соседа: в частности, законы Жюлья Ферри в сфере начального образования 1881—1882 гг. способствовали секуляризации государственного образования, установлению единых стандартов. Французский язык становился основным средством преподавания, а использование региональных языков, таких как бретонский, окситанский, баскский и пр., активно запрещалось в школах [33]. Французский был представлен как язык современности, в отличие от региональных языков, таких как бретонский или баскский, которые были обозначены как варварские или племенные. Учеников, уличенных в разговоре на этих языках, наказывали [45, p. 211]. Окситанцы называли столетия такой дискриминационной политики «бергонья».

Помимо континента колониальные чиновники проводили политику франко-европеизации во французских колониях, прежде всего во Французской Западной Африке и на Мадагаскаре [42].

В конце XIX в. Париж окончательно закрепился как символ национальной власти и культурного единства Франции, которая разделилась на департаменты, подчиненные центру, тогда как местные автономии, основанные на исторических и культурных традициях, были ликвидированы. Как и в случае других национальных государств, строительство железных дорог и развитие почтовой системы способствовали укреплению связей между регионами и центром, интегрируя их в национальную экономику. Премьер-министр Жюль Ферри открыто пытался укрепить централизованное государство, прививая населению французскую национальную идентичность [22, р. 10; 45, р. 211]. Тем не менее франконизация не стала приоритетом французского колониализма. Строгая сегрегация между «французскими подданными» и «французскими гражданами» сохранялась до 1946 г. Как было отмечено в трактате 1927 г. о французском колониальном праве, предоставление французского гражданства коренным жителям «было не правом, а скорее привилегией» [30, р. 60]. Два указа 1912 г., касавшиеся Французской Западной Африки и Французской Экваториальной Африки, перечисляли условия, которым должен был соответствовать коренной житель, чтобы получить французское гражданство (умение говорить и писать по-французски, достойный заработок и демонстрация высоких моральных стандартов). Так, в период с 1830 по 1946 г. только от 3 до 6 тыс. коренных алжирцев-мусульман получили французское гражданство. Современный французский политолог Оливье Ле Кур Гранмезон пишет о «государственном расизме» Третьей французской республики, приводя в пример «Кодекс коренных народов» 1881 г. [Ibid.].

Один из хрестоматийных примеров национального строительства — италянизация, последовавшая за культовой фразой сторонника итальянского «Рисорджименто» Массимо де Адзельо: «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев» (цит. по: [34, р. 255]). После создания единой Италии в 1871 г. требовалось ввести единые централизованные стандарты и создать гомогенное общество из неаполитанцев, ломбардцев, венецианцев, тирольцев, пьемонтцев и пр., каждый из которых говорил на собственном диалекте, порой, в случае, например, пьемонтцев, родственном больше французскому. Поставленные цели были достигнуты путем унификации законодательства новых территорий по пьемонтскому образцу, а также путем формирования региональных структур власти с опорой на французский опыт политической централизации [8].

Национальное строительство не было исключительно европейским феноменом, даже не учитывая особый случай Соединенных Штатов. Характерна и политика, проводимая в Японской империи. В 1879 г. Япония официально аннексировала королевство Рюкю, которое до этого столетиями было королевством — данником как династии Цин, так и Японии. Хотя рюкюанские языки принадлежат к японской языковой семье, японский язык был непонятен жителям острова. Японское правительство, в свою очередь, не без оснований рассматривало рюкюан-

ские языки как диалекты японского и начало продвигать программу языковой «стандартизации». В школах пропагандировался «стандартный» японский язык, а в классах появились портреты японского императора и императрицы [39].

Другой группой, подвергшейся японизации, стали айны, аборигенное население острова Хоккайдо. Поначалу их подвергали системе «исправления нравов», после чего правительство поручило обучить их японскому языку и японским обычаям. Масштабная колонизация острова началась лишь после «реставрации Мэйдзи»: мужчин-айнов заставляли стричь бороды, женщинам запрещали делать татуировку губ, носить традиционную айнскую одежду. Еще в начале XIX в. были введены запреты на проведение айнских ритуалов [11].

Другим, правда, более поздним примером является колониальная Корея, которая с 1910 по 1945 г. была включена в состав Японской империи под названием Чосон. Использование корейского языка было запрещено в школах после 1937 г. в рамках программы «Соши-каймэй» наряду с преподаванием японского языка и культуры в школах вместо корейской культуры и истории. Во время Второй мировой войны использование корейской письменности в образовании и публикациях также было запрещено. В этот период корейцы были вынуждены сменить свои фамилии на японские, а японские власти стимулировали их перенимать и использовать японские имена и идентифицировать себя как японцев [35].

Практически каждая нация строила свои внешнеполитические проекты — в частности, в русском национальном государстве такой идеей был панславизм, в германском национальном государстве — пангерманизм. Британский профессор, специалист по международным отношениям Дункан Белл в книге «Идея Великой Британии: империя и будущее мирового порядка, 1860—1900» [20] пишет об «англосфере», другом национальном движении. После объединения Италии была задумана амбициозная политика под названием «Великая Италия», предполагавшая присоединение северного Тироля, Трентино и балканских стран, а также построение империи, в которой неитальянские элементы ассимилировались бы и была бы осуществлена итальянская колонизация.

В целом национальные проекты медленно, но поступательно реализовывались во всех мировых национальных державах и имели определенные результаты, поскольку были рассчитаны на будущие поколения, но тем не менее не достигали желаемых целей. Разделив мир между собой, но не полностью его ассимилировав, мировые державы вмешивались во внутренние дела друг друга, провоцируя сепаратизм, чтобы геополитически ослабить своих соперников или присоединить те территории, которые они считали своими (например, Франция — Эльзас и Лотарингию). Националистическая пропаганда и усиливавшаяся взаимная неприязнь между нациями разрушили мировой интернациональный порядок.

Список литературы

1. Александровский И. С. «Язык» или «наречие?» Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник МГОУ. 2009. №1. С. 46 – 53.
2. Бодров А. В. Особенности германской языковой политики в Эльзас-Лотарингии в 1871 – 1914 гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. №2. С. 165 – 176.
3. Дик Ф. К. Мечтают ли андроиды об электроовцах? М., 2024.
4. Замятин Е. Мы. М., 2024.
5. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
6. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121 – 145.
7. Оруэлл Дж. 1984. М., 2002.
8. Попов Д. И. Италия в период Рисорджименто: неудача федералистского проекта // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 28 апреля 2017 г.). Омск, 2017. С. 104 – 112.
9. Пулюкин М. В. Укрепляя империю: политика русификации на северных окраинах России в XIX – начале XX века (по материалам Олонецкой губернии) // Исторический курьер. 2021. №5 (19). С. 87 – 97.
10. Романович Н. А. Война в теории международных отношений // Международный научно-исследовательский журнал. №6 (144). 2024. С. 1 – 7.
11. Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? М., 1990.
12. Фененко А. В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21, №1. С. 6 – 42.
13. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. М., 2013.
14. Хаксли О. Л. О дивный новый мир. М., 2024.
15. Харт Р. Склад. The Warehouse. М., 2020.
16. Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332 – 346.
17. Цыганков П. А. Международные отношения. М., 1996.
18. Эмский указ, 1876 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=9085> (дата обращения: 29.12.2024).
19. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. L., 1983.
20. Bell D. The idea of Greater Britain: Empire and the future of world order, 1860 – 1900. Princeton, 2007.
21. Bentham J. Of the principle of utility // Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. L., 1789. P. I – VI.
22. Betts R. F. Assimilation and association in French colonial theory, 1890 – 1914. Lincoln; L., 2005.
23. Colonist. 1902. №45. 23 July.
24. Gellner E. Plough, sword and book: The structure of human history. L., 1988.
25. Judson P. M. Habsburg. Geschichte eines Imperiums. 1740 – 1918. München, 2017.
26. Kann R. A. A history of the Habsburg Empire, 1526 – 1918. Berkeley ; Los Angeles ; L., 1980.

27. *Kann R.A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Band 2: Ideen und Pläne zur Reichsreform. Graz ; Köln, 1964.
28. *Kelleher J.D.* The rural community in nineteenth century Jersey : thesis (PhD). Warwick, 1991.
29. *Killingray D.* The war in Africa // The Oxford illustrated history of the First World War: New Edition / ed. by H. Strachan. Oxford, 1998.
30. *Le Cour Grandmaison O.* De l'Indigénat. Anatomie d'un monstre juridique: Le Droit colonial en Algérie et dans l'Empire français. P., 2010.
31. *Le Feuvre D.* Jersey: Not quite British: The rural history of a singular people. Jersey, 1994.
32. *Le Roux S.C.* Creating a British world: British colonial teachers and the anglicising of Afrikaner children // Yesterday and Today. 2016. №15. P. 1 – 20.
33. *Loi du 16 juin 1881 établissant la gratuite absolue de l'enseignement primaire dans les écoles publiques.* 17 juin 1881. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000877118/> (дата обращения: 12.12.2024).
34. *Magdi A.* Io amo l'Italia: ma gli italiani la amano? Milano, 2006.
35. *Mizuno N.* Colonial control and "human control". 2006. URL: <https://web.archive.org/web/20061022101627/http://www.zinbun.kyoto-u.ac.jp/staff/youran/mizuno.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).
36. *Pflanze O.* Bismarck and the development of Germany. Princeton, 1971. Vol. 2 : The Period of Consolidation, 1871 – 1880.
37. *Phillipson R.* Linguistic imperialism. Oxford, 1992.
38. *Porter B.* The lion's share: A short history of British imperialism 1850 – 1970. L. ; N. Y., 1975.
39. *Rabson S.* Assimilation policy in Okinawa: Promotion, resistance, and "reconstruction" // Japan Policy Research Institute. Occasional Paper. 1996. №8. URL: <https://web.archive.org/web/20190630161946/http://www.jpri.org/publications/occasionalpapers/op8.html> (дата обращения: 12.12.2024).
40. *Smith A.* National identity. Harmondsworth, 1991.
41. *Smith A. D.* The ethnic origins of nations. Oxford, 1986.
42. *Spencer S.* The Moroccan soul: French education, colonial ethnology, and muslim resistance, 1912 – 1956. Lincoln, 2009.
43. *Talmon L.J.* The myth of the nation and the vision of revolution. L., 1981.
44. *Thomas C.G., Falola T.* Secession and separatist conflicts in postcolonial Africa. Calgary, 2020.
45. *Watson C.* Modern Basque history: Eighteenth century to the present. Reno, 2003.
46. *Williams C.H.* The Anglicisation of Wales // English in Wales: Diversity, conflict, and change / ed. by N. Coupland, A.R. Thomas. Clevedon; Philadelphia, 1990. P. 19 – 47.

Об авторе

Юрий Александрович Веселов – преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

Yu. A. Veselov

**WORLD ORDER, IMPERIALISM
AND THE "THEORY OF THE FOURTH WORLD".
PART ONE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received 31 July 2025

Accepted 10 October 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7

104

To cite this article: Veselov Yu. A. 2026, World order, imperialism and the "theory of the fourth world". Part one, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 92–104. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-7.

The article constitutes the first part of a broader study devoted to the analysis of Fourth World theory and the evolution of the contemporary world order. This first part presents the results of a brief analysis of the differences and specific features in the scholarly use of the terms "world order," "international order," and "international relations." The methodological framework combines elements of historical and political analysis, a comparative typological approach, and an interpretation of nation-building processes under conditions of imperial transformation. The article offers a general explanation of the current role and possible future of the foundation of contemporary "international relations" – the phenomenon of the nation-state. The author argues that the idea of the existence of "nations" (and "nation-states") is unstable and, on this basis, proposes one possible (though undesirable) scenario for the development of human societies in the event of the collapse of this idea. The study examines the phenomenon of a specific historical type of world order that emerged at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Its aim is to conceptualize this order as an independent model of world organization. The article demonstrates that this order was characterized by the concentration of power in a limited number of nation-states (world powers) that exercised control over multiethnic societies and pursued policies of cultural and political unification. It establishes that such a configuration contributed to the formation of an asymmetrical system of subordination among peoples and to the legitimation of a hierarchical structure of international relations. Analysis of this historical stage makes it possible to identify the origins of subsequent models of world order.

Keywords: international relations, world order, fourth world theory, ethnoseparatism, imperialism, nation, nation-state

The author

Yuri A. Veselov, Lecturer at the Department of International Organizations and World Political Processes, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

А. А. Бесчасная¹, Д. В. Сурина²

**ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
ЗАКОНЫ, ФАКТЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

² Независимый исследователь

Поступила в редакцию 30.10.2025 г.

Принята к публикации 19.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-8

Для цитирования: Бесчасная А. А., Сурина Д. В. Формирование традиционных семейных ценностей: законы, факты, предложения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 105 – 122. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-8.

На основе обзора современной государственной семейной политики Российской Федерации в части формирования семейных ценностей на примере Санкт-Петербурга высказаны конкретные предложения по ее совершенствованию. Новизна исследования заключается в комплексном подходе, сочетающем анализ нормативно-правовой базы, статистических данных и социологических опросов для оценки ценностного компонента семейной политики в специфическом контексте Санкт-Петербурга. Методология работы включает анализ научной литературы (социологические теории семьи) и нормативно-правовых документов, вторичный анализ официальной статистики, анализ данных социологических опросов жителей Санкт-Петербурга. Сделан вывод о том, что, несмотря на наличие обширной нормативной базы, эффективность проводимых в Санкт-Петербурге мероприятий не поддается однозначной оценке. Во-первых, выявлены негативные тенденции (снижение брачности и рождаемости, рост числа тяжких преступлений среди несовершеннолетних и разводов), которые соседствуют с позитивными (рост числа многодетных семей, сохранение высокого уровня образовательных достижений школьников и высокого статуса детей и семьи в общественном мнении). Во-вторых, предложены новые практико-ориентированные механизмы укрепления института семьи, такие как развитие института семейного наставничества, создание центров семейного просвещения и реализация целевых культурно-досуговых проектов. Обоснован вывод о том, что для повышения эффективности семейной политики необходим переход от преимущественно демографических и материальных подходов к комплексной стратегии, нацеленной на формирование и поддержку ценностных основ семьи. Выявленный в Санкт-Петербурге высокий общественный запрос на семейные ценности создает благоприятную почву для реализации предложенных инициатив. Их внедрение будет способствовать увеличению числа устойчивых семейных союзов, повышению родительской компетентности и укреплению межпоколенческих связей.

Ключевые слова: семья, ценности, традиции, политика, рождаемость

Введение

Современный нормативно-правовой и общественный дискурс о положении российской семьи и ее проблемах зачастую связывается с ценностным кризисом в обществе. Следствием этого в качестве направления работы по укреплению семьи выдвигается требование по привитию молодым людям и популяризации в обществе традиционных семейных ценностей. Нарушения в формировании семейных ценностей, по мнению ученых и политиков, отражаются на таких демографических показателях, как брачность и рождаемость, характеризующих благополучное функционирование в обществе социального института семьи. В настоящее время в России наблюдается угрожающее снижение числа зарегистрированных браков: в 2023 г. этот показатель составил 946 тыс., что на 7 % выше, чем в 2024 г. (880 тыс. браков). Общий коэффициент брачности в 2022 г. составил 7,2, а в последующие годы снижался и достиг 6 в 2024 г. Как отмечает советник генерального директора ВЦИОМ Елена Михайлова, Россия вышла на третье место в мире по числу разводов (в 2024 г. на 10 бракосочетаний пришлось порядка 8 разводов). Вместе с этим зафиксировано снижение рождаемости. По данным за январь-июль 2023 г., зафиксировано 726,6 тыс. новорожденных, что на 3 % ниже показателей аналогичного периода 2022 г. Суммарный коэффициент с 2015 г. стремится к снижению: 2015 г. — 1,78, а уже к 2022 г. снизился до 1,42, в 2023 г. — до 1,41, а в 2024 г. — до 1,4¹. Более двух десятилетий материальная поддержка семьи и рождения детей была основным направлением семейной политики. В настоящее время основное внимание семейной политики направлено на формирование морально-ценностных основ семьи и общества, на укрепление института семьи через привитие ценностей семьи и детства населению. В качестве цели написания статьи авторы ставят анализ нормативно-правовых документов и статистической информации по оценке формирования ценностного компонента в вопросах семьи и предложений по его улучшению в Санкт-Петербурге.

Методы исследования. От теории к законам

Среди классиков социологии Г. Спенсер впервые обозначил семью как социальный институт, выполняющий необходимые для общества функции, среди которых социализация и воспитание молодых поколений были ведущими. Он рассматривал институт как неотъемлемую функциональную составляющую социальной структуры, чья ключевая миссия заключается в координации социального взаимодействия и обеспечении стабильности общества. Согласно концепции М. Вебера,

¹ Статистические данные приведены по: 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9> (дата обращения: 16.10.2025).

сущность института проявляется в том, что его участники разделяют единый ценностно-нормативный порядок, руководствуясь им в своей деятельности. Э. Дюркгейм представил социальную систему как сложную целостную структуру, объединяющую нормы, ценности, коллективные представления и эмоциональные состояния социума. Эти компоненты, по Дюркгейму, формируют базис социальной реальности, определяя ее структурные характеристики и обеспечивая устойчивость социальной системы. Каждый из теоретиков по-своему раскрывает сущность института, подчеркивая различные аспекты его функционирования в обществе. Т. Парсонс в вопросах формирования паттернов обращал внимание на идеалы и ценности как нематериальные аспекты конструирования социальных отношений, формируемые в семье в процессе социализации. Он признавал латентный характер их воздействия на формирование социума. Современный социолог Э. Гидденс рассматривает роль семьи как связующее звено между индивидом и обществом, укрепляющее социальную жизнь и являющееся основным средством организации жизни и преемственности поколения, возникающее в процессе взаимодействия друг с другом (см. подробнее: [18]).

Современные российские ученые рассматривают формирование семейных ценностей в разных аспектах. А. А. Серебрякова отмечает, что семейные ценности являются фундаментальными и могут варьироваться в социуме в зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности [21]. О. Ю. Ильина после анализа российских правовых документов резюмирует, что применение некоторых законоположений направлено на искусственное сохранение семьи, что, наоборот, приведет к нивелированию ценности семейно-правового статуса [6]. М. Н. Макарова выделяет разные дискурсы презентации традиционных семейных ценностей в философских, социологических, исторических политико-правовых текстах [9]. А. А. Бесчасная раскрывает динамичный характер семейных традиций, зависимый от объективных возможностей их поддержания, что обуславливает их модернизацию в соответствии с изменяющимися технологиями и отношениями в обществе и семье [3; 4].

Понимание семьи как сущностной основы общества и государства отразилось в российских законодательных и правовых документах. В ст. 7 Конституции РФ отмечено, что Российская Федерация является социальным государством. Следовательно, реализуемая им политика ориентирована на обеспечение высокого качества жизни граждан и их всестороннего развития. Данная конституционная норма устанавливает базовые принципы современного социального государства, определяя в качестве приоритетных целей создание эффективных механизмов социальной защиты, гарантирование достойного уровня существования и формирование правовых, экономических и организационных предпосылок для свободной самореализации личности в различных сферах общественной жизни.

Конституция РФ также закрепляет право граждан на защиту материнства и детства (ст. 38), социальное обеспечение для воспитания де-

тей (ст. 39), а важнейшими гарантиями социальной защиты населения выступают обеспечение государственной поддержки материнства, отцовства и детства (ст. 7). Статья 67 Конституции фиксирует, что дети являются приоритетом государственной политики России.

Базовые принципы семейной политики РФ были заложены в указе Президента РФ от 14.05.1996 г. №712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики», определяющих государственную семейную политику как важнейшую составляющую социального развития страны. Этот документ подкреплён законами, создающими фундамент реализации семьей своих функций:

- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ, регулирующий брачно-семейные отношения;
- федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г. №81-ФЗ, устанавливающий систему государственных пособий семьям с детьми;
- федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. №124-ФЗ, гарантирующий права и законные интересы ребенка;
- федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. №256-ФЗ, предусматривающий дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми, а также другие законодательные акты, формирующие правовые основы защиты материнства, отцовства и детства.

В 2014 г. получила свое начало реализация Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [12]. В соответствии с ней государственная семейная политика представляет собой целостную систему стратегических принципов, приоритетных направлений и конкретных мер, направленных на укрепление семьи как базового элемента российского общества. В качестве основных задач были определены поддержание традиционных семейных ценностей, повышение социального статуса семьи, профилактика кризисных ситуаций в семейных отношениях, укрепление института родительства и создание благоприятных условий для повышения качества жизни российских семей. Однако еще на этапе обсуждения проекта концепции А. Б. Лавров, пользуясь заявлением президента РФ о необходимости «максимально широкого общественного обсуждения» законопроектов, отметил уязвимые места программы, которые могут привести к нежелательным последствиям в ходе ее реализации [7]. Например, некорректность формулировок «развитие института семьи» (учеными предлагалось «укрепление и поддержка семьи») и «ценности семейной жизни» (предлагалось «традиционные семейные ценности»). Отсутствие ожидаемого результата и недостаточность внимания концепции к вопросу формирования ценности семьи, отразившиеся в непопулярности семейно-брачного образа жизни, снижении количества заключаемых браков и рождаемости, в дальнейшем обусловили необходимость издания отдельных актов по сокращению проявлений пагубной тенденции.

В ноябре 2023 г. президент России Владимир Путин подписал указ №875, согласно которому 2024 год был официально объявлен Годом семьи. Данная инициатива была направлена на системную реализацию комплекса мероприятий по продвижению традиционных семейных ценностей и совершенствованию механизмов государственной поддержки семей.

В марте 2025 г. правительство РФ приняло Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [13]. Она представляет собой комплексную программу, направленную на стабилизацию численности населения через стимулирование рождаемости, улучшение репродуктивного здоровья граждан и всестороннюю поддержку института семьи как базового элемента социальной структуры. В рамках стратегии, принятие которой стало одним из важных итогов Года семьи, особое внимание уделяется сохранению традиционных семейных ценностей, включая укрепление ценностей стабильного брака и многодетности, а ключевым механизмом ее реализации является национальный проект «Семья». Ключевым ожидаемым результатом исполнения этой стратегии выступает консолидация в общественном сознании традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, в том числе ценностей крепкой семьи, брака, многодетности.

Согласно данным, представленным на сайте Министерства финансов РФ, в «Бюджете для граждан 2025–2027» [5, с. 5–7] (к проекту Федерального закона о федеральном бюджете на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.) приоритетным направлением социальной политики является адресная поддержка семей, имеющих детей. Наибольшая доля бюджетных расходов запланирована на реализацию национального проекта «Семья» (2025 г. – 2832,9 млрд рублей). Он включает в себя федеральные проекты «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Национальный проект «Семья», направленный на комплексное развитие института семьи, предусматривает создание инновационных условий для семейного досуга и укрепления семейных ценностей и традиций.

Таким образом, современная государственная политика России в сфере семейных отношений находит отражение в многочисленных стратегических документах, регламентирующих деятельность органов по укреплению институтов брака и семьи, а также по формированию семейных ценностей. Ее реализация осуществляется через систему социальных программ и законодательных инициатив, направленных на поддержку супружеских отношений, стимулирование рождаемости и создание благоприятных условий для воспитания подрастающего поколения [8]. Работа по реализации представленных программных документов предусматривает сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей, таких как:

- брак как союз мужчины и женщины;
- преемственность поколений;

- забота о достойной жизни старшего поколения;
- многодетность;
- материнство, отцовство и детство;
- ответственность родителей за своих детей и забота о них.

Безусловно, крепкая и счастливая семья невозможна без любви, верности, уважения, взаимопонимания и поддержки. Формирование и поддержание семейных традиций укрепляют отношения между супругами, родителями и детьми, развивают доверие, оставляют теплые воспоминания, наполняют положительными эмоциями, создают общие интересы, поддерживают связь между поколениями, способствуют духовному развитию. Поэтому наше государство направляет реализацию семейной политики также на формирование, сохранение и защиту всех семейных ценностей, не допуская посягательства на их социальную значимость.

Результаты. От законов к реализации: анализ показателей Санкт-Петербурга

На официальном сайте администрации Санкт-Петербурга представлены планы работы Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга [14], где отображены мероприятия, в том числе те, которые направлены на формирование и укрепление семейных ценностей, на сближение поколений, обмен опытом и т.д. Обзор данной информации за три года (2022—2024) охватывает следующие плановые ежегодные мероприятия в городе: торжественная церемония награждения губернатором Санкт-Петербурга А.Д. Бегловым семей, которым присуждено почетное звание Санкт-Петербурга «За заслуги в воспитании детей» (в мае); мероприятие, посвященное Дню семьи, любви и верности, с вручением юбилеям супружеской жизни медали «За любовь и верность» (в июле); мероприятия, посвященные Международному дню пожилых людей (в октябре); мероприятия, посвященные Дню отца (в октябре); мероприятия, посвященные Дню матери (в ноябре); Международный форум «Старшее поколение». Дополнительно к этому во втором квартале 2023 г. проводился региональный конкурс «Семья года», а во втором квартале 2024 г. прошли общегородские мероприятия, посвященные Международному дню семьи.

Благодаря тому, что 2024 год был объявлен Годом семьи, большое внимание уделялось семейным ценностям. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга, в частности, провел тематические смены в организациях отдыха и оздоровления детей, посвященные Году семьи и продвижению традиционных семейных ценностей; праздничные мероприятия, посвященные открытию Года семьи в Санкт-Петербурге (январь — февраль 2024 г.); праздничные мероприятия, посвященные Международному дню семьи и другие [11].

Эффективность реализации государственной семейной политики зачастую оценивают по показателям заключения браков, количества разводов и рождаемости. Но такие показатели, как уровень преступно-

сти несовершеннолетних, образовательные успехи детей или одиночество пожилых людей, зачастую не учитываются как следствие дисфункции семьи или нарушения семейных отношений. Проведем краткий обзор данных показателей.

Традиционными для характеристики положения семьи в обществе являются демографические показатели брачности, разводимости и рождаемости. Таблица 1 отражает характеристику демографической ситуации в 2024 г.

Таблица 1

Показатели демографической ситуации в Санкт-Петербурге в 2024 г.

111

Показатель	Год		На 1000 человек населения		
	2023	2024	2023	2024	2024 г. в % к 2023 г.
Зарегистрированные браки, ед.	51551	50348	9,2	9,0	97,8
Зарегистрированные разводы, ед.	27314	27537	4,9	4,9	100,0
Родившиеся	48073	47148	8,6	8,4	97,7

Источник: [22, с. 148].

Можно отметить, что в 2024 г. в Санкт-Петербурге общий показатель рождаемости снизился с 8,6 до 8,4 чел. на 1 тыс. чел. населения. По значению коэффициента рождаемости Санкт-Петербург в 2024 г. занимал 33-е место, что на 6 позиций выше, чем в 2023 г. [16]. Коэффициент брачности в 2024 г. снизился до 9,0. Однако стоит отметить, что в первом квартале 2025 г. в Петербурге было зарегистрировано 7358 браков (почти на 300 больше, чем годом ранее). Губернатор А.Д. Беглов связал эту тенденцию с проведением в предыдущем году Года семьи [1]. Число разводов в Санкт-Петербурге в 2024 г. увеличилось с 27,3 тыс. до 27,5 тыс. Мы наблюдаем негативную тенденцию разводимости в Санкт-Петербурге, одну из причин которой можно усмотреть, в частности, в снижении ценности супружеского брака.

В Санкт-Петербурге наблюдается рост числа многодетных семей. За последние пять лет, как отмечается в «Российской газете», количество многодетных семей выросло почти на 30 % — в 2024 г. зафиксировано, что трое и более детей воспитывают 55,5 тыс. семей, в 2018 г. их было лишь 38 тыс. [17]. В 2024 г. в Санкт-Петербурге всего проживало 615 тысяч семей, в которых воспитывается 932 тыс. детей. Многодетные семьи, как правило, имеют крепкие связи между собой и разделяют крепкие семейные ценности, так как рождение и воспитание детей — это совместная работа всех членов семьи. Поэтому в больших семьях естественным образом формируется чувство ответственности, уважения, преобладает в большинстве своем открытость, эмоциональная гармония и тепло к окружающему миру.

Следование ценности семьи и брака, бережное отношение к членам семьи проявляется в сопереживании, в помощи и заботе. Например, показатель успеваемости детей в школе, зачастую используемый как показатель эффективности работы школьных педагогов, также отражает то, как семья дает ребенку поддержку, мотивирует на новые свершения, помогает в успешном выполнении заданий и т.д. В Санкт-Петербурге наблюдается хороший уровень успеваемости школьников. Согласно данным Комитета по образованию Санкт-Петербурга, количество участников Всероссийской олимпиады школьников (4–11-е классы) в 2022/23 учебном году составило 460 448 человек, а в предыдущем, 2021/22 учебном году – 476 051. Количество победителей и призеров регионального этапа в Санкт-Петербурге начиная с 2020 г. увеличивалось примерно на 10 % ежегодно (1703 чел. в 2020 г., 2057 – в 2021 г., 2178 – в 2022 г., 2721 – в 2023 г.) (рис. 1) [23, с. 45]. Эти данные свидетельствуют о познавательном интересе и саморазвитии детей, раскрытии их способностей, соревновательной мотивации – о том, что закладывается и поддерживается в семье.

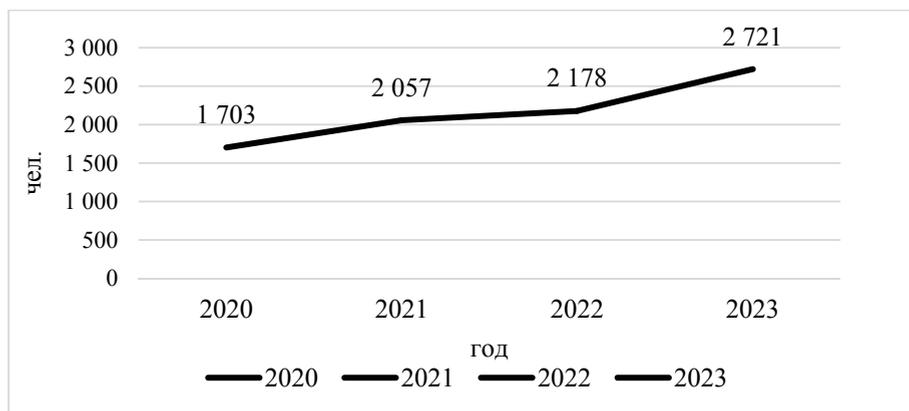

Рис. 1. Количество победителей и призеров регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников в Санкт-Петербурге в 2020–2023 гг., чел.

Согласно данным Комитета по образованию Санкт-Петербурга, итоги ЕГЭ 2023 г. демонстрируют достаточно высокий уровень подготовки выпускников города: практически по всем предметам средний балл ЕГЭ превышает общероссийские показатели. Количество максимальных результатов (100-балльных) на июль 2023 г. – 403 чел. (5,5 % от общего числа стобалльных результатов в стране, составившего 7084 чел.) [Там же, с. 75]. Создание доброжелательной и вдохновляющей атмосферы для подготовки и успешной сдачи экзаменов в период окончания школы возложено на семью. Семья является той средой, в которой ребенок может отдохнуть, получить поддержку и помощь, что снижает у него уровень стресса, вследствие чего он лучше запоминает учебный материал и чувствует себя, у него повышается мотивация к усвоению новой информации и т.д.

Уровень детских правонарушений также отражает внутрисемейные отношения, эмпатию и внимание к проблемам ребенка. В 2023 г. в Санкт-Петербурге число преступлений, совершенных подростками, выросло с 420 (в 2021 и 2022 гг.) до 439 (табл. 2). Стоит отметить, что в 2024 г. общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, снизилось до 413, однако количество тяжких и особо тяжких увеличилось до 239 (в 2023 г. данный показатель составлял всего 188 единиц). Уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге Анна Митянина отметила, что самым распространенным правонарушением среди подростков является употребление запрещенных веществ и алкоголя, при этом возраст потребления снижается. Подростки становятся агрессивными и ожесточенными, ищут поводы для эскалации конфликтов. Преступления несовершеннолетних очень тесно связаны с семейными ценностями и воспитанием. Неблагополучные семьи создают условия для развития и возникновения нарушений в психическом здоровье детей, что может привести к различного рода девиациям, в том числе к совершению преступлений.

113

Таблица 2

Показатели преступности несовершеннолетних или при их участии на территории Санкт-Петербурга за 2021 – 2024 гг., ед.

Год	Общее количество преступлений	Количество тяжких и особо тяжких преступлений
2021	420	148
2022	420	170
2023	439	188
2024	413	239

Источник: [20].

Другим косвенным показателем следования ценностям семьи и заботы о близких может выступать число мест в стационарных учреждениях социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов. С возрастом семья приобретает особое значение в жизни пожилого человека, поскольку естественное ухудшение физического состояния и ограничение мобильности сужают круг его интересов и возможностей, что приводит к концентрации внимания на внутрисемейных отношениях. Участие в домашних делах, помощь в ведении домашнего хозяйства и заботе о младшем поколении позволяют пожилым людям сохранять ощущение своей значимости. Взаимодействие между взрослыми детьми и их престарелыми родителями формирует особую систему взаимной поддержки, где эмоциональная близость и регулярное общение компенсируют естественное сокращение социальных контактов в пожилом возрасте. Для многих представителей старшего поколения семья становится основным источником психологической защиты и адаптации к изменяющимся социальным ролям, а общение с детьми и внуками помогает найти новое осмысленное наполнение жизни. В случаях, когда семейная поддержка невозможна или недостаточна,

функцию ухода берут на себя специализированные стационарные организации социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых и детей), которые предоставляют медицинскую и бытовую помощь в условиях постоянного, временного (согласно индивидуальной программе реабилитации) или пятидневного (в неделю) круглосуточного проживания граждан пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании. В отчете Петростата за 2023 г. данный показатель исключен, поэтому можно получить данные только за предыдущие годы. В 2020 и 2021 гг. наблюдалось постоянное число граждан пожилого возраста и инвалидов-взрослых – 7316, а в 2022 г. это количество снизилось всего на 10 единиц – до 7306 [19, с. 106].

На основе представленных выше данных можно сделать вывод, что качество проводимых мероприятий по реализации государственной семейной политики Российской Федерации в аспекте формирования семейных ценностей в Санкт-Петербурге не является однозначно высоким. С одной стороны, наблюдаются как высокие (в вопросах образования и воспитания, сокращение числа мест в стационарных учреждениях социального обслуживания для граждан пожилого возраста), так и низкие показатели семейного благополучия (негативная статистика браков, разводов и рождаемости, рост детской преступности и др.).

Но что же думают сами петербуржцы о семье и ее ценности? Согласно «Аналитическому вестнику» Комитета по информатизации и связи Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра (2022), наблюдается увеличение возраста рожениц [2, с. 6]. Если двадцать лет назад на долю женщин 25–39 лет приходилось около 40,6 % родов, то в 2021 г. данный показатель достиг 83,5 %. При этом отмечается рост числа родов у женщин старше 40 лет (рис. 2). По данным Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, в 2025 г. средний возраст петербурженки при рождении первого ребенка составляет 31 год [10]. Молодые женщины всё чаще предпочитают сначала получить образование, построить карьеру и добиться финансовой стабильности.

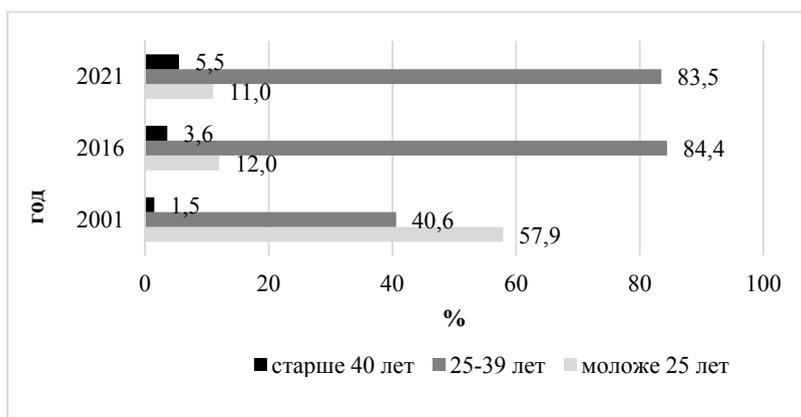

Рис. 2. Распределение рожившихся по возрасту матери в Санкт-Петербурге за 2001, 2016 и 2021 гг., %

По результатам опроса Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра дети занимают центральное место в системе жизненных приоритетов горожан (70,6 %) (рис. 3). Данный показатель опережает даже значимость здоровья (65,9 %) и – существенно – материальные ценности (37,8 %) и профессиональную самореализацию (31,4 %). Любовь и гармоничные отношения в семейной жизни отметили чуть более трети респондентов, а важность общения с друзьями признала четверть опрошенных. Наименее значимыми для жителей Санкт-Петербурга оказались такие ценности, как общественное признание и уважение окружающих [2, с. 8].

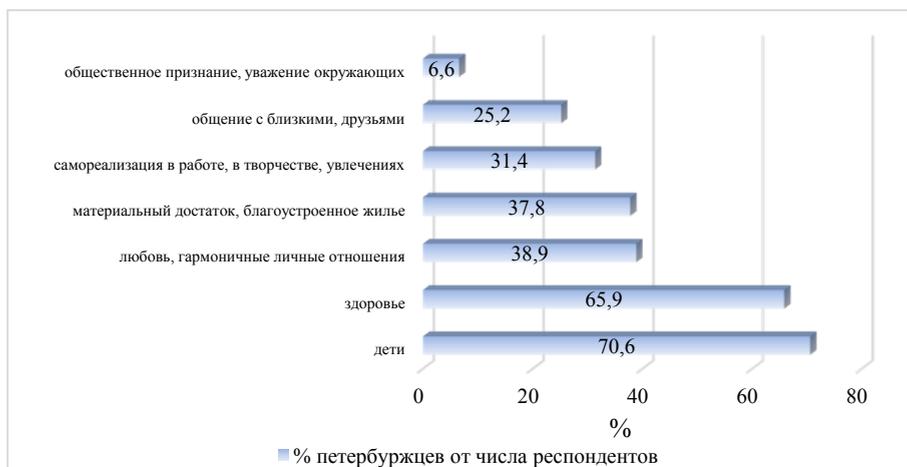

Рис. 3. «Что Вы считаете наиболее важным в жизни лично для Вас?», %, 2022

Среди петербуржцев достаточно широко распространено убеждение об ограниченности жизни без детей. Так, 37,7 % петербуржцев считают неполноценной жизнь бездетного мужчины, а 41,3 % – бездетной женщины (рис. 4, 5) [Там же, с. 9].

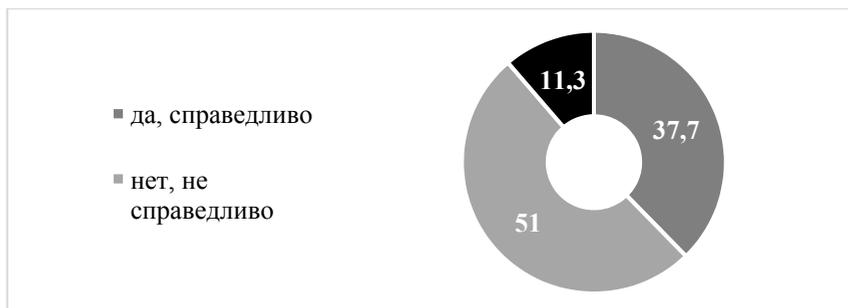

Рис. 4. «Справедливо ли, на Ваш взгляд, утверждение, отдельно для мужчин и женщин, что жизнь человека неполноценна, если у него нет детей?» (для мужчин), % от числа респондентов, 2022

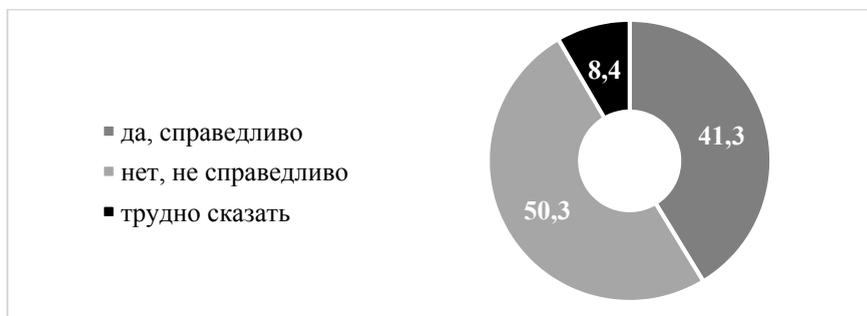

Рис. 5. «Справедливо ли, на Ваш взгляд, утверждение, отдельно для мужчин и женщин, что жизнь человека неполноценна, если у него нет детей?» (для женщин), % от числа респондентов, 2022

В 2024 г. на портале и в мобильном приложении Единой карты петербуржца был проведен опрос ко Дню семьи, любви и верности [15]. Горожанам были предложены вопросы о знании семейной истории и о семейных ценностях. Исследование показало, что почти каждый пятый петербуржец (19,02 %) знает историю более трех поколений своей семьи, а почти каждый второй (43,76 %) – начиная с поколения бабушек / дедушек. Около 20 % опрошенных знают историю своих родителей (19,97 %), а 12,19 % не думают, что знают историю своей семьи. Среди семейных ценностей лидирующее место заняли любовь и доверие в семье (45,71 %), на втором месте – взаимоуважение (27,2 %), далее – следование семейным традициям и праздникам (12,86 %), крепкая семья с большим количеством детей (4,84 %).

Обсуждение

Санкт-Петербург как культурная столица России обладает высоким потенциалом для укрепления института семьи и формирования семейных ценностей среди горожан. С учетом потенциала города можно разнообразить мероприятия по укреплению семейных ценностей.

1. Развитие института семейного наставничества с целью передачи опыта и знаний от квалифицированных и опытных людей молодым парам и родителям. Данный институт может стать эффективным механизмом поддержки молодых и кризисных семей (неполных, находящихся в трудной ситуации) через передачу опыта, традиций и практических навыков семейной жизни. Для этого возможно создание центра семейного наставничества, который будет отбирать и готовить наставников (многодетных семей с успешным опытом воспитания, семейных психологов и квалифицированных специалистов, педагогов в данной сфере; также возможно привлечение к отбору пожилых супружеских пар (возраст партнеров от 60 лет) с длительным стажем брака (более 40–50 лет)), подбирать пары «наставник – подопечная семья», осуществлять методическое сопровождение. В качестве семей-наставников следует привлекать семьи, имеющих трех и более детей, с продолжительностью брака более семи лет, отсутствием серьезных кризисов в семейной истории (расставание и разводы, насилие в семье, измены и предательства и т. д.), положительной характеристикой (отсутствие судимостей, задолженностей и т. д.), успешным опытом в воспитании детей (дети социально адаптированы, а их возраст до 18 лет), наличием свободного времени (примерно 2–4 часа в неделю либо определенные свободные дни), коммуникативными навыками и добровольным желанием помочь. В качестве семей-подопечных могут выступать молодые семьи, состоящие в браке менее трех лет, неполные семьи (один родитель), семьи в трудной жизненной ситуации, многодетные семьи с выраженными трудностями, семьи с приемными детьми – те, которые готовы к работе и изменениям, имеют запросы на помощь и добровольное согласие на участие.

2. Развитие семейного просвещения с целью передачи опыта и знаний от квалифицированных и опытных людей молодым парам и родителям. Во-первых, предлагается создание городских центров семейного просвещения, где будут доступны бесплатные консультации психологов, медиаторов, тематические лекции (например, «Воспитание без ссор: современные методики», «Как сохранить брак в кризисной ситуации?» и т. д.), создаваться и действовать клубы по интересам (например, «Школа любимых пап», в которой будут проводиться различные мастер-классы для отцов в вопросах семейных ценностей; «Клуб молодых мам», где будет происходить обмен опытом между молодыми мамами с помощью психолога, и т. д.). Эта инициатива позволит сформировать целостную образовательно-воспитательную среду для трансляции семейных ценностей, повышения родительской компетентности и профилактики семейного неблагополучия. Партнерами могут выступать образовательные учреждения, религиозные организации, бизнес-структуры, можно также рассчитывать на средства бюджета Санкт-Петербурга (30 %) и спонсоров в лице крупных банков, компаний и др. (70 %). Во-вторых, предлагается поддержка инициативы семейного просвещения при помощи цифровых ресурсов для наибольшей осведомленности и удобства пользователей. Возможна разработка мобильного приложения «Семейный гид Санкт-Петербурга», основами которого

выступят календарь тематических мероприятий для семей, чат-бот для возможности получения ответов на типовые вопросы (аналог чат-боту на Госуслугах), электронная база проверенных и рекомендованных семейных наставников. Также возможно создание канала на *Rutube*, где котором будут выкладываться видеоролики экспертов по актуальным семейным проблемам (например, «Семейные ритуалы, которые укрепляют взаимоотношения между членами семьи», «Пять важных правил в воспитании детей» и т.д.).

3. Развитие и продвижение культуры семейных ценностей через средства массовой информации и мероприятия в Санкт-Петербурге. Предлагается ввести новые культурные мероприятия и фестивали. Во-первых, ежегодные события (фестиваль «Семейный город» на Дворцовой площади, где бы проходили ярмарка семейных традиций, концерт «Поём всей семьей», различные мастер-классы семейного рисования и т.д.; неделя семейного кино в «Ленфильме», в течение которой бы показывались фильмы и мультфильмы для семейного просмотра (например, «Алые паруса», «Ёлки», «Приключение домовенка», «Винни-Пух», «Гуси-лебеди» и др.), общение с киноведами). Во-вторых, музейные программы (цикл экскурсий «Петербург семейный» на тему историй известных петербургских династий (Демидовы, Юсуповы, Орловы и др.); выставка «Семейные реликвии петербуржцев» в Государственном музее городской скульптуры). С целью продвижения семейных ценностей возможно выпускать электронную и печатную газету «Семья Петербурга», в которой будут ежеквартально обновляться информационные материалы (например, про традиции петербургских семей, обучение и воспитание, здоровье семьи, досуг и путешествия), и обеспечивать ее бесплатное распространение, особенно в детских магазинах, поликлиниках, родильных домах, центрах социальной помощи, органах записи гражданского состояния и т.д. Также предлагается создать специальный раздел «Семейные ценности» в «Петербургском дневнике» и каждую среду обновлять материалы, чтобы аудитория получала дозированно новую или закрепляла уже полученную информацию (примеры позитивного и героического поведения из истории семей, советы экспертов в форме колонок психологов, афиша актуальных мероприятий «Досуг выходного дня» и т.д.). Доступ к этим материалам (как в печатном, так и в электронном виде на официальных веб-ресурсах) должен быть бесплатным.

4. Развитие семейного отдыха и совместного досуга для укрепления внутрисемейных связей, передачи традиций и формирования у детей позитивного образа семьи на основе использования развитой инфраструктуры и богатого культурного наследия Санкт-Петербурга. Например, внедрение «Семейной карты петербуржца» поможет семьям посещать музеи, театры, выставки со скидкой, «спортивные абонементы» позволят обеспечить доступ семьям в спорткомплексы и на спортивные мероприятия. Предполагается, что развитие данного направления снизит финансовую нагрузку на семьи, увеличит их вовлеченность в культурную жизнь города, сплотит отношения внутри семьи и укрепит традиции совместного досуга.

Заключение

Семья и дети остаются ключевыми ценностями для петербуржцев. По их мнению, любовь, доверие и уважение — основные составляющие семейного благополучия, что подчеркивает важность эмоциональной близости и взаимопонимания в семье. Также для многих жизнь является неполной, ограниченной без детей, а интерес к семейной истории сохраняется у значительной части населения, что свидетельствует о важности преемственности поколений и сохранения семейных традиций и ценностей. В сознании жителей Санкт-Петербурга сформирован благоприятный фон для инициатив, направленных на сохранение и укрепление семейных ценностей. Для петербуржцев характерен положительный отклик на стремление государства популяризировать семейные ценности, ведь семья для них — это наивысшая ценность.

Предлагаемые инициативы позволят увеличить число устойчивых семейных союзов, повысить уровень родительской компетентности, сформировать систему преемственности семейных ценностей между поколениями, а также сделать Санкт-Петербург еще комфортнее для семейного благополучия и счастья. Данные предложения могут быть скорректированы с учетом специфики различных категорий семей (молодые, неполные, многодетные) и особенностей городской среды Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Александр Беглов: В первом квартале 2025 года в Петербурге выросло количество браков и уменьшилось число разводов // Администрация Санкт-Петербурга [08.04.2025]. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/296601/> (дата обращения: 09.05.2025).
2. Аналитический вестник / ИС ИАО. Комитет по информатизации и связи Санкт-Петербурга. Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр. 2022. №32. URL: <https://iac.spb.ru/file/25.05.2022/Аналитический%20вестник%20№32.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Бесчасная А.А. Семья и детство: изменение традиций или традиция изменений? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. №171. С. 147–153. EDN: SZKYTN.
4. Бесчасная А.А. Ценность детско-родительских отношений в контексте ценности жизни // Ценности и смыслы. 2015. №3 (37). С. 121–129. EDN: UDEHXX.
5. Бюджет для граждан 2025–2027. К проекту Федерального закона о федеральном бюджете на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025-2027.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
6. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2024. №2 (78). С. 116–125. doi: 10.26456/vtpravo/2024.2.116.
7. Лавров А.Б. Проект концепции государственной семейной политики в РФ как угроза для института семейного воспитания // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. №40. С. 155–162. EDN: SSXRWV.

8. Лукьянова М.Г. Государственная политика в области формирования и укрепления традиционных семейных ценностей // XXXII Международные Рождественские образовательные чтения : сб. тр. / под ред. Г. Заридзе. Воронеж, 2024. С. 166–172.

9. Макарова М.Н. Репрезентация «традиционных ценностей» в российском политико-публичном поле (на примере дискурс-анализа семейных ценностей) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. №3. С. 96–109. doi: 10.15593/2224-9354/2021.3.7

10. Назван средний возраст женщины в Петербурге при рождении первенца // Фонтанка.ру. 2025. 12 марта. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/12/75212924/> (дата обращения: 15.03.2025).

11. О проведении в Российской Федерации Года семьи : план мероприятий по реализации в Санкт-Петербурге Указа Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. №875. URL: http://dou15.kirov.spb.ru/images/НОВОСТИ/План_мероприятий_в_СПб.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

12. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. №1618-р // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/?ysclid=mgxhu1qhco452561970> (дата обращения: 19.10.2025).

13. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. : распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 г. №615-р // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/411731987/?ysclid=mgxnul0sc491667371> (дата обращения: 19.10.2025).

14. Перечень программ и планов Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга / Администрация Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/current_activities/programs_list/ (дата обращения: 16.02.2025).

15. Портал Единой карты петербуржца. URL: <https://ekp.spb.ru/capabilities/dialog/0xb7674cFF7733781EC7184826cC84AFBc9De460fA/1> (дата обращения: 16.10.2025).

16. Рождаемость в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе-декабре 2024 г. // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/пресс%20релиз%20рождаемость1.html> (дата обращения: 08.05.2025).

17. Рождение новой жизни // Российская газета. 2024. 28 авг. URL: <https://rg.ru/2024/08/28/kompleks-mer-socialnoj-podderzhki-semej-s-detmi-v-peterburge-prodolzhaet-rasshiriatsia.html> (дата обращения: 16.10.2025).

18. Рудь М.В. Семья как социальный институт общества и субъект социально-педагогического взаимодействия // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогические науки. Образование. 2024. №3 (120). С. 52–63. EDN: PVHSSX.

19. Санкт-Петербург в 2023 г. / Петростат. СПб., 2024. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11000124.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

20. Сведения о состоянии преступности на территории г. Санкт-Петербурга // Прокуратура Санкт-Петербурга. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/statistics/office/other (дата обращения: 16.10.2025).

21. Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2024. №2 (78). С. 155–160. doi: 10.26456/vtpravo/2024.2.155.

22. Социально-экономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в январе 2025 г. : экономический доклад / Петростат. СПб., 2025. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11000825_012025.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

23. Цифры и факты 2023 / Правительство Санкт-Петербурга. Комитет по образованию. СПб., 2023. URL: https://k-obr.spb.ru/media/uploads/userfiles/2023/12/21/Цифры_и_факты_2023.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

Об авторах

Альбина Ахметовна Бесчасная — д-р социол. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: beschasnaya-aa@ranepa.ru

SPIN-код: 6116-3981

ORCID 0000-0002-9432-043X

Дарья Владимировна Сурина — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dsurina-21@ranepa.ru

A. A. Beschasnaya¹, D. V. Surina²

FOSTERING OF TRADITIONAL FAMILY VALUES: LAWS, FACTS, SUGGESTIONS

¹ North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia

² Independent researcher

Received 30 October 2025

Accepted 19 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-8

To cite this article: Beschasnaya A. A., Surina D. V. 2026, Fostering of traditional family values: laws, facts, suggestions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 105–122. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-8.

Based on a review of the contemporary state family policy of the Russian Federation regarding the formation of family values, the article presents specific proposals for its improvement, using Saint Petersburg as a case study. The novelty of the study lies in a comprehensive approach that combines the analysis of the legal framework, statistical data, and sociological surveys to evaluate the value-based component of family policy within the specific context of Saint Petersburg. The methodology includes the analysis of scholarly literature (sociological theories of the family) and legal documents, secondary analysis of official statistics, and examination of data from sociological surveys of Saint Petersburg residents. The study concludes that, despite the extensive legal framework, the effectiveness of implemented measures in Saint Petersburg cannot be unambiguously assessed. First, negative trends are identified – such as declining marriage and birth rates, an increase in serious crimes among minors, and a rise in divorces – coexisting with positive developments, including the growth of large families, the maintenance of high educational achievements among schoolchildren, and the high status of children and the family in public opinion. Second, the article proposes new practice-oriented mechanisms to strengthen the family institution, such as the development of family mentorship programs, the creation of family education centers, and the implementation of

targeted cultural and recreational projects. The study argues that enhancing the effectiveness of family policy requires a shift from primarily demographic and material approaches to a comprehensive strategy aimed at forming and supporting the value foundations of the family. The high public demand for family values observed in Saint Petersburg provides a favorable environment for implementing the proposed initiatives, which are expected to increase the number of stable family unions, improve parental competence, and strengthen intergenerational ties.

Keywords: family, values, traditions, politics, fertility

The authors

122

Prof. Albina A. Beschasnaya, Associate Professor, North-West Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: beschasnaya-aa@ranepa.ru

SPIN-код: 6116-3981

ORCID 0000-0002-9432-043X

Darya V. Surina, independent researcher, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: dsurina-21@ranepa.ru

А. А. Маковский¹, И. В. Суслов²

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ФОРМИРОВАНИЯ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН)¹

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия

² Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Поступила в редакцию 17.11.2025 г.

Принята к публикации 19.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9

Для цитирования: Маковский А. А., Суслов И. В. Политические и цифровые технологии формирования макроидентичности на постсоветском пространстве (на примере прибалтийских стран) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 123 – 139. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9.

Исследованы инструменты формирования постсоветской макроидентичности в государствах Прибалтики (Латвии, Литве, Эстонии). Макроидентификация определяется в узком смысле как политическая технология цивилизационной переориентации стран, предполагающая разрыв исторических и культурных связей с большой Россией и формирование новых связей с западным миром. Предлагается теоретическая интеграция концепций макрополитической идентичности (О.Ю. Малинова), гибридной идентичности и цивилизационной парадигмы (подхода). Методологическую основу исследования составляет конструктивистский подход к феномену идентичности. Анализ политики трансформации исторической памяти в Прибалтике основывается на данных серии фокус-групп, проведенной в Псковской области на базе АНО «Центр содействия переселению “Соотечественник”». Качественный контент-анализ ведущих медиа прибалтийских стран позволил получить эмпирический материал, необходимый для проверки гипотезы о формировании макроидентичности через продвижение медиасимволов и смысловых нарративов. В работе выявлены ключевые новые факторы, влияющие на формирование макроидентичности, включая ориентацию на новые геополитические тренды, популяризацию независимых социальных сетей, восприятие западного мира как прогрессивного. По итогам исследования макроидентификация концептуализируется как политический инструмент перехода государств из одной цивилизационной парадигмы в другую, выполняющий функцию трансформации крупных цивилизационных образований. На примере прибалтийских стран можно видеть переход из советской в западную цивилизационную парадигму, а также трансформацию символических практик, нормативных установок и внешнеполитического курса.

Ключевые слова: прибалтийские страны, макроидентичность, технологии конструирования идентичности, историческая память

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема: «Традиционные ценности, герои, праздники в современном цифровом пространстве: медиа-образы как ресурсы укрепления гражданской идентичности и противодействия ложной идентичности (1025022800147-0)»).

© Маковский А. А., Суслов И. В., 2026

Введение

Плюральность траекторий становления и эволюции макрополитических идентичностей в государствах, возникших в результате распада СССР, выступает одной из важных исследовательских констант как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной и социально-политической мысли [9; 13; 19; 27; 30; 33]. Актуализация данной проблематики коррелирует с фазами интенсификации политических противоречий и конфликтов на постсоветском пространстве.

В отличие от политической идентификации, связанной с политико-идеологическими (например, партийными) ориентациями субъекта [17, с. 54], категория «идентификация с макрополитическим сообществом», введенная О. Ю. Малиновой, охватывает весь спектр способов соотнесения личности с сообществом, которое ассоциируется с государством [10, с. 90], и формируется через ощущение гражданской солидарности и идентификацию с институтами и структурами конкретного государства. Таким образом, идентификацию с макрополитическим сообществом можно понимать как усвоение норм, правил и ценностей, которые воспринимаются обществом как общие и объединяющие на уровне национального государства, а также обеспечивающие чувство сопричастности, не зависящее от политических предпочтений или идеологических границ. В. В. Титов отмечает, что понятия «национально-государственная идентичность» и «макрополитическая идентичность» во многом совпадают по своему содержанию, однако вторая охватывает более широкий концептуальный уровень, выступая своего рода рамочной категорией (или зонтичным термином) [21, с. 599].

Структура макрополитического сообщества усложняется в случае широкого распространения гибридной идентичности. Под гибридной идентичностью Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов предлагают понимать принадлежность индивида к двум или более культурным пространствам в результате смешения традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик [3]. Дрейф советской идентичности в сторону ее гибридизации с западной цивилизацией, начавшийся с распадом СССР, в Прибалтийских странах происходил наиболее интенсивно.

За тридцатилетний период в Прибалтийских странах были апробированы практики формирования новой макрополитической идентичности. Технологии макрополитической консолидации обладали цивилизационно-региональной спецификой, а опыт их применения оказался крайне противоречивым и дискуссионным.

Исследовательский вопрос заключается в определении инструментов и технологий политической макроидентификации в постсоветской Прибалтике, направленной на цивилизационную переориентацию региона с обязательным разрывом исторических и культурных связей с Российской Федерацией. Полученные теоретические результаты позволят повысить уровень понимания внутриполитических процессов в ряде других постсоветских регионов, где также нарастает цивилизационная конфронтация под воздействием внешнеполитических акторов.

В статье предполагается уделить внимание не только новым (цифровым) инструментам формирования макрополитической идентичности в Прибалтике, но и проследить историческую последовательность (или, другими словами, эволюцию) политических технологий перехода от советской к западной цивилизационной идентичности. Новизна исследования заключается в рассмотрении макрополитической идентификации именно как политической технологии цивилизационной трансформации, способствующей вовсе не формированию национальной суверенности (как это декларируется прибалтийскими властями), а утверждению приверженности миру западной цивилизации. Следовательно, цель исследования заключается в концептуализации макроидентификации в странах Прибалтики как политической технологии цивилизационной трансформации из советской солидарности в западную цивилизационную парадигму.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составил конструктивистский подход [1] к анализу идентичности (в том числе к макрополитической). В рамках данного подхода идентичность представляется как результат динамической и реляционной, то есть детерминированной конкретными социокультурными и историческими контекстами, практики идентификации. Тем самым отрицается существование навсегда заданной идентичности и утверждается факт ее постоянной реконфигурации в процессе социального взаимодействия и дискурсивного производства коллективных смыслов. При этом, несмотря на невозможность произвольного «изобретения» идентичности [31, р. 49], определенные институциональные стратегии, а также символически насыщенные практики, ритуалы и публичные мероприятия способны оказывать значительное воздействие на траектории формирования и артикуляции коллективных идентификаций. Прошлое приобретает характер практического ресурса и используется при реализации политики памяти, предлагающей реализацию дискурсивных технологий социального конструирования [35] своеобразной «автобиографии сообщества» [29], а значит и групповой принадлежности.

В сборнике англоязычных исследований постсоветских идентичностей под редакцией М. Бассина и К. Келли [24] способы обращения общества с «трудным прошлым» (осмысленная проработка или, напротив, стремление к вытеснению) связываются с уровнем демократизации и формирования гражданской идентичности, а также утверждается, что переосмысление травматических элементов исторического опыта обязательно для формирования полноценной гражданской идентичности.

С начала 1990-х гг. конструирование идентичности на постсоветском пространстве осуществляется с помощью официального закрепления определенной интерпретации исторических событий и процессов (политика памяти), утверждения пантеона национальных героев и

символических фигур, установления / демонтажа памятников (символическая политика) [15]. В данной логике макрополитическую идентификацию следует рассматривать как форму политико-идеологической практики, обладающей инструментальной функцией легитимации властных структур.

Эмпирические данные об инструментах и технологиях формирования макрополитической идентичности были получены благодаря контент-анализу медиа стран Прибалтики (2024 г., январь — июнь 2025 г.).

Для анализа были выбраны наиболее популярные СМИ в Прибалтийских странах, в частности *Delfi* — крупнейшее новостное интернет-издание; в Латвии — один из крупнейших информационно-развлекательных порталов *TVNET*; в Литве — общенациональный информационный портал *Lrytas. lt*, а также посвященный политике, экономике, финансам, инвестициям, промышленности и технологиям портал *Ver-slo žinios*; в Эстонии — еженедельная газета *Maaleht*, а также портал *Postimees*.

Серия из трех фокус-групп с переселенцами из Эстонии, Латвии, Литвы была проведена в Псковской области 3 июля 2025 г. на базе АНО «Центр содействия переселению «Соотечественник»». В результате были получены эмпирические данные об отношении в прибалтийских странах к русскому языку, Великой Отечественной войне, о популяризации новых праздников, героев, традиций, роли новых медиа в государственной пропаганде.

Методология настоящего исследования базируется на конструктивистском подходе к анализу макрополитической идентичности, утверждающем необходимость изучения конкретных социокультурных и исторических практик идентификации с помощью эмпирического инструментария. В материалах фокус-групп содержатся данные, позволяющие судить об историческом контексте опыта формирования макрополитической идентичности в Прибалтийских странах. Качественный контент-анализ информационного пространства позволяет определить технологии продвижения «новой» идентичности через новые медиа.

Научное обсуждение проблематики построения идентичности в Прибалтийских странах и результаты фокус-групп

Изучение постсоветской макрополитической идентичности Прибалтийских стран предполагает обращение к концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. Исследователь выделял несколько крупных цивилизаций, основанных на культурно-религиозных различиях: западную, православную, исламскую, конфуцианскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую и (в перспективе) африканскую. По его мнению, в XXI в. основным источником конфликтов станут противоречия между этими цивилизациями, а не идеологические или экономические разногласия. В 1993 г. в своей статье, а позже в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» [23] он раз-

вил идею о том, что к православной цивилизации относятся государства, исторически и культурно сформировавшиеся на основе восточного христианства. К таким странам можно отнести прежде всего Россию, Беларусь, Украину, Сербию, Болгарию. При этом Молдова рассматривается как страна на цивилизационном разломе между православным и западным (латинским) мирами. В отношении стран Балтии отмечается, что, несмотря на их советское прошлое, они принадлежат к западной цивилизации — с протестантскими и католическими традициями, ориентацией на Европу и быстрой интеграцией в западные структуры после распада СССР.

Процесс формирования макрополитической идентичности в странах Балтии представляет собой показательный пример столкновения западной и православной цивилизаций и цивилизационной трансформации. Латвия, Литва и Эстония, утратившие в 1940 г. государственный суверенитет и восстановившие его в начале 1990-х гг., выработали, мягко говоря, специфические модели макрополитической идентификации. Страны Балтии переосмысливают свое советское прошлое, создают новые национальные образы и исторические нарративы, зачастую искажая или переписывая факты с целью укрепления своей национальной идентичности [34].

Отметим, что важным направлением в исследованиях макрополитической идентификации в Прибалтийских странах является проблематика гражданско-правового статуса русскоязычного населения. В Латвии отправной точкой формирования макрополитической идентичности послужил Закон о гражданстве 1994 г., закрепивший принцип правопреемства с довоенной республикой и установивший статус «неграждан» для лиц, не имевших гражданства Латвии до 1940 г., и их потомков. П.В. Гордиенко определяет этот закон как институционализированный механизм этнополитической фильтрации, формирующий замкнутое ядро политического сообщества и одновременно выстраивающий границу идентификации [5, с. 84]. Аналогичные процессы анализирует Д. Грубер применительно к Эстонии, чей Закон о гражданстве 1992 г. также восстановил правовой континуитет с довоенной республикой и создал феномен «серых паспортов», что закрепило статус русскоязычного населения как «внутреннего чужого» [6, с. 171]. Е.Е. Уразбаев интерпретирует законодательные новеллы Латвии и Эстонии как процесс институционализации этнонационализма [22, с. 149], который может быть определен как базовый механизм макрополитической идентификации в прибалтийском регионе.

Не менее важным измерением макрополитической идентификации, как показано в исследовании А.С. Манаева, является языковая политика [11]. В Латвии в 1998 г. был принят Закон о государственном языке, закрепивший латышский как единственный государственный язык и установивший строгие требования к его использованию в публичной и образовательной сферах. В Эстонии аналогичную функцию выполняет Закон о языке от 2011 г., который пришел на смену закону 1995 г. В Литве языковой вопрос имел менее острый характер благодаря

инклюзивной модели гражданства (закон 1991 г. с последующими поправками), которая предоставила статус граждан всем проживающим на момент распада СССР жителям республики. Однако образовательная политика и Закон о государственном языке 1995 г. также закрепили статус литовского как единственного носителя легитимной идентичности в публичной сфере.

Особое внимание в российских исследованиях уделяется политике памяти и декоммунизации. В. А. Смирнов анализирует роль политических элит в институционализации исторических нарративов, показывая, что дискурс «советской оккупации» в странах Балтии стал фундаментом легитимации современной государственности и макрополитического «мы» [18, с. 83]. Я. А. Потоцкий рассматривает законы о декоммунизации как элемент формирования национальной мифологии, фиксируя их роль в создании «разрыва» с советским прошлым и артикуляции альтернативного исторического континуума [14]. Исследование М. С. Павловой, посвященное сохранению советского мемориального наследия в Литве [12], позволяет идентифицировать попытки уничтожения материальных следов (памятников) советского периода как акты символической реконфигурации макрополитической «анти-советской» идентичности.

В исследовании А. Н. Сытина отмечается, что заявленная цель гражданской интеграции в Латвии и Эстонии реализуется через практики, закрепляющие дискриминационную асимметрию правового и культурного участия русскоязычного населения в жизни прибалтийских стран [20]. В. В. Комлева, анализируя эстонский кейс, вводит понятие «расколотого доверия» и показывает, как институциональные механизмы взаимодействия с русскоязычным населением препятствуют формированию общегражданской солидарности [8, с. 140].

Таким образом, процесс конструирования макрополитической идентичности в странах Балтии носит селективно-эксклюзивный характер: значительная часть населения помещена в лиминальный статус «внутреннего чужого». Языковое законодательство и образовательные реформы усилили эту асимметрию, превратив владение государственным языком в критерий доступа к макрополитическому сообществу. Политика памяти и декоммунизация завершили формирование идентификационной рамки, конструирующей коллективное «мы» через исключение «неподходящих» просоветских / пророссийских нарративов, культурных кодов и соответствующих им социальных групп. Макрополитическая идентификация в Прибалтийских странах предполагает фильтрацию и нормативное «отсечение» в логике этноцентричной модели государственности, что ставит под вопрос ее способность к формированию инклюзивного политического пространства.

Исследователи определяют криминализацию исторической символики, в частности советской, в странах Балтии как политическую технологию формирования идентичности [16, с. 9]. Отмечается, что политика памяти в Балтии направлена на формирование идентичности и внешнеполитическое позиционирование. В научном дискурсе также встречается формулировка «битва идентичностей» [32, р. 45–53].

Безусловно, культура памяти в странах Балтии после распада СССР формируется как механизм политической легитимации независимости и закрепления европейского вектора развития. Центральное место в этом процессе занимает трактовка советского периода как оккупационного. Победа СССР в Великой Отечественной войне рассматривается не как освобождение от нацистского господства, а как начало нового периода угнетения, что позволяет проводить образовательную, языковую, культурную политику по отделению от советского прошлого и современной России.

Государственная политика памяти реализуется через законы, институционализирующие определенный взгляд на историю. В странах Балтии создаются музеи «оккупации», придается официальный статус датам депортаций и массовых репрессий, осуществляется демонтаж памятников Красной армии. Параллельно в образовательной и медийной сферах формируется новая историческая перспектива, определяющая борцов с советским режимом, депортированных, диссидентов и представителей национального сопротивления как центральных фигур прошлого (см.: [7]).

Эмпирический материал, полученный во время проведения фокус-групп, позволяет выстроить хронологию эволюции политических технологий формирования макрополитической идентичности в Прибалтийских странах (рис.).

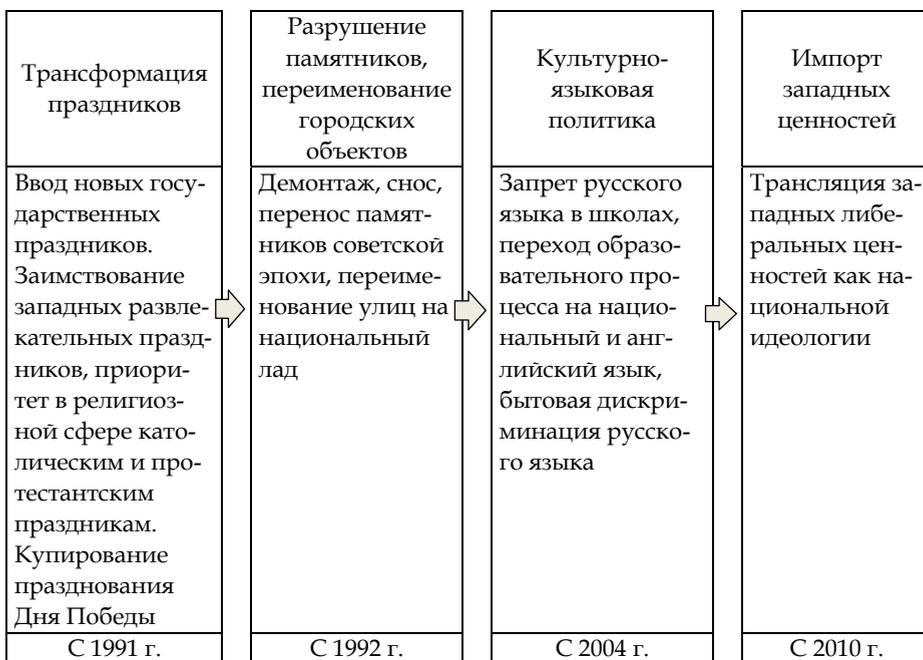

Рис. Хронология формирования макроидентичности в Прибалтийских странах

Респонденты отметили, что первым инструментом государственной политики построения макрополитической идентичности стало утверждение новых национальных праздников. Так, Литва первой из стран Балтии закрепила в 1991 г. День восстановления независимости (11 марта), а затем День государства (6 июля) как ключевые даты национального календаря. Латвия последовала за ней, установив в качестве главного государственного праздника 4 мая (День восстановления независимости Латвийской Республики). В начале 2000-х гг. эти даты стали центром официальной политики памяти, постепенно вытеснив празднование 9 мая (День Победы). В 2009 г. Литва официально запретила использование советской символики на публичных мероприятиях. Латвия пошла по пути репрессивных административных мер: с 2010-х гг. участие в шествиях 9 мая наказывается штрафами. В Эстонии День независимости отмечается 24 февраля.

Вторым инструментом государственной политики построения макрополитической идентичности, с точки зрения респондентов, оказываются идеологические переосмысления городского пространства. С середины 1990-х гг. в Латвии началась политика топонимической деконмунизации: улицы Ленина, Дзержинского, Комсомольская переименовывались в Бриубас (Свободы), Райня, Базницас. В центре Риги Памятник Свободы стал главным ритуальным символом, рядом с которым с конца 1990-х гг. проходят государственные шествия, включая марш легионеров Ваффен-СС (в День памяти латышских легионеров 16 марта), который ежегодно вызывает международные споры. В Литве процессы переосмысления городской символики активизировались в 2000-е гг. в связи с переносом или ликвидацией советских монументов. В это же время политика переноса советских памятников и монументов из центра города на окраины активно реализуется и в Эстонии. Респонденты также отмечали в странах Прибалтики практики демонтажа советских памятников и скопление их в одном месте, формирующее своеобразный «музей-кладбище» истории СССР.

Особое значение респондентами придавалось культурно-языковой политике и лингвистической ассимиляции русскоязычного населения. С вступлением в ЕС (2004) Латвия, Литва и Эстония активизировали политику языковой гомогенизации. В Латвии с 2006 г. началась реформа образовательной системы, предусматривающая постепенный перевод русских школ на латышский язык. К 2023 г. либо русские школы оказались ликвидированы, либо преподавание в них полностью переведено на латышский язык. Русскоязычные учителя массово увольнялись, а использование русского языка в публичном пространстве влекло за собой административную ответственность. В Литве с 2010-х гг. обслуживание в магазинах и кафе официально осуществляется исключительно на литовском языке. Школы с русским, польским и белорусским языком обучения постепенно становятся билингвальными, но с полным доминированием литовского языка в учебных материалах. Владение латышским или литовским становится обязательным для трудо-

устройства в государственном и частном секторах. Респонденты отмечают популяризацию английского языка и высокий уровень владения им среди местного населения. Респонденты из Латвии указали, что среди столичной молодежи есть особая мода общения на английском языке, при этом национальный язык воспринимается как моветон.

Респондентами был зафиксирован с 2010 г. «импорт» западных ценностей как элемента европейской идентичности. В рамках интеграции в ЕС страны Балтии начали активно перенимать западные культурные практики. С 2010-х гг. в Риге и Вильнюсе ежегодно проходят гей-парады, которые воспринимаются как символ европейской идентичности и цивилизационного выбора. Пропагандируется наличие 72 гендеров и возможность ребенка самому выбирать себе гендер. Одновременно активно стали отмечаться такие западные праздники, как День святого Патрика.

Таким образом, мы констатируем наличие двух тенденций. Во-первых, в научном сообществе в рамках построения макрополитической идентичности Прибалтийских стран особый акцент делается на политике памяти — официальном курсе властей, направленном на конструирование «правильного» восприятия прошлого, от которого зависит национальное ощущение своего места в мире. Во-вторых, респонденты в бытовом плане обратили внимание на значимость языковой и ценностной политики для формирования макрополитической идентичности. Особо отмечалось несогласие русскоязычного населения с гендерным воспитанием в европейских странах и популяризацией нетрадиционных ценностей.

Цифровизация как новый фактор формирования макроидентичности в Прибалтийских странах

В условиях радикальной медиатизации политической и социальной реальности исследование процессов макрополитической идентификации невозможно без системного анализа цифрового пространства как особого уровня конструирования коллективных идентичностей. Цифровая эпоха трансформировала каналы коммуникации и саму логику воспроизводства макрополитического «мы», сместив центр тяжести идентификационных практик в сферу сетевых медиа.

Современные теоретические подходы подчеркивают, что цифровая среда становится автономной ареной формирования политических идентичностей, обладающей собственной динамикой и механизмами легитимации [25; 26]. Для макрополитической идентификации это означает перевод процессов интернализации норм и ценностей, обеспечивающих консолидацию политического сообщества в сетевых, гибридных структурах и создающих границы «мы» и «они» в ходе дискурсивных конфликтов, меметических практик и алгоритмически детерминированного распространения контента.

Постсоветский контекст демонстрирует эту динамику особенно наглядно. В странах Балтии цифровое пространство является ключе-

вым полем борьбы мемори-нарративов и национальной идентичности. В частности, Telegram-каналы могут быть определены как каналы репродукции постсоветской идентичности в противофазе официальной политике интеграции [2, с. 144]. Г. Гиздатов на материале социальных медиа демонстрирует, как государственные нарративы макрополитической идентичности конкурируют с альтернативными сетевыми дискурсами [4, с. 130].

Цифровое пространство радикально меняет характер идентификационной борьбы. Если ранее гегемония макрополитической идентичности поддерживалась через централизованные каналы массовой коммуникации, то в платформенной среде постсовременности идентификационные конструкции существуют в режиме перманентной реконфигурации. Алгоритмы социальных медиа, ориентированные на максимизацию вовлеченности, создают эффекты «эхо-камер» и сегментации аудитории, вследствие чего макрополитическая идентичность приобретает сетевой, фрагментированный характер [28].

Методологические последствия этой трансформации очевидны: любая аналитическая модель макрополитической идентификации, игнорирующая сетевую и цифровую компоненты, оказывается неполной. Анализ онлайн-дискурсов, меметических структур, алгоритмического ранжирования и сетевых сообществ позволяет выявить новые каналы воспроизводства идентичности, а также механизмы ее дестабилизации и реконфигурации в реальном времени.

Следовательно, в современной политико-социальной теории макрополитическая идентификация должна рассматриваться как многоуровневый процесс, в котором цифровое пространство функционирует одновременно как 1) медиатор, 2) арена дискурсивной борьбы и 3) автономный производитель новых идентификационных форм. В постсоветских обществах именно цифровая среда становится главным каналом для конструирования альтернативных моделей коллективного «мы» и для оспаривания официальных идентификационных стратегий государств (табл.).

Контент-анализ социальных сетей ведущих СМИ Прибалтийских стран (2024 – 2025)

Смысловая единица	Эстония Maaleht, Delfi, Postimees			Латвия Delfi, TVNET			Литва Delfi.lt, Lrytas.lt, Verslo žinios		
	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)
Свобода и независимость	Vabadus / Свобода (980) ²			Brīvība / Свобода (1280)			Pasipriešinimas / Сопrotивление (310)		
	302	321	357	443	398	439	99	150	61

¹ Римскими цифрами отмечены полугодия.

² В скобках указывается общее количество.

Окончание табл.

Смысловая единица	Эстония Maaleht, Delfi, Postimees			Латвия Delfi, TVNET			Литва Delfi.lt, Lrytas.lt, Verslo žinios		
	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)	I (2024)	II (2024)	I (2025)
Советская оккупация	Mälestus repressioonidest / Память о репрессиях (1150)			Okupācija / Оккупация (1120)			Okupacija ir išlaisvinimas / Оккупация и освобождение (1251)		
	380	402	368	309	361	450	420	451	380
Национальные ценности	Eesti väärtused / Эстонские ценности (110)			Tautas vērtības / Народные ценности (420)			Lietuviškas paveldas / Литовское наследие (240)		
	35	21	54	101	172	147	78	94	68
Часть Европы	Lääne väärtused / Западные ценности (1010)			Eiropas Latvija / Европейская Латвия (130)			Europietiškumas / Европейская идентичность (950)		
	301	313	396	29	55	46	320	298	332
Основные угрозы	Oht Venemaalt / Угроза из России (1270)			Krievijas apdraudējums / Российская угроза (912)			Rusijos propaganda / Российская пропаганда (909)		
	405	451	414	299	317	296	253	331	325

133

В медиапространстве Латвии в 2024–2025 гг. ключевыми риторическими конструкциями и медиаарлыками, формирующими национальную идентичность, выступают концепты «Свобода», «Европейская Латвия» (Eiropas Latvija), «Народные ценности» и «Российская угроза».

Концепт «Свобода» применяется в отношении как исторических событий 1918 и 1990 гг., так и современных политических процессов, акцентируя преемственность независимой латвийской государственности и право на самоопределение. Особое место в медиадискурсе занимают публикации, посвященные 4 мая (День восстановления независимости) и 18 ноября (День провозглашения независимости). В социальных сетях Facebook², X/Twitter и Telegram эти даты сопровождаются визуалами с национальными флагами, обращениями политических лидеров и репортажами о массовых акциях. Праздник Лиго (23–24 июня), включающий образы костров, венков и традиционного фольклора, транслируется как символ этнокультурного единства.

Важным элементом латвийского медиаполя остается 16 марта – День легионеров, который носит конфликтный характер в коллективной памяти. Официальные СМИ избегают прямой героизации участ-

¹ Римскими цифрами отмечены полугодия.

² Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

ников, однако публикуют материалы с обращениями властей о недопустимости радикальных суждений и действий, а также отражают общественные дискуссии по данной теме.

Ярлык «Оккупация» служит инструментом делегитимации советского исторического нарратива (1940–1991) и активно используется в освещении вопросов демонтажа памятников, изменения памятных дат и реформирования образовательной политики. Одновременно в ведущих СМИ укрепляется концепт «Европейская Латвия», символизирующий интеграцию в ЕС и НАТО, особенно в контексте празднования Дня Европы (8 мая), а также в риторике энергетической независимости. Европейская идентичность противопоставляется «восточной», «советской» и «российской».

134

Понятие «Народные ценности» закрепляется в материалах о фольклорных праздниках, национальной кухне и языке, подчеркивая приоритет латышского языка и культурного суверенитета. При этом в медиа прослеживается сочетание локальных символов (традиционные блюда, национальный костюм, архитектура старины) с элементами западных культурных кодов.

Ярлык «Российская угроза» используется в материалах о военной и кибербезопасности, дезинформации о событиях 9 мая и любых связях с Россией. Он обладает выраженной эмоциональной окраской, ассоциируясь с угрозой суверенитету и деструктивным внешним влиянием. Визуально национальная идентичность закрепляется через образы флагов, героических фигур (лесные братья, легионеры, молодежь), а также символические отсылки к исторической акции «Балтийский путь», репрезентирующей идею регионального единства.

В **медиадискурсе Литвы в 2024–2025 гг.** доминируют риторические конструкции, направленные на закрепление историко-политической преемственности и культурного суверенитета. Ключевыми медиа-ярлыками выступают «Сопrotивление», «Оккупация и освобождение», «Европейская идентичность», «Литовское наследие» и «Российская пропаганда».

Концепт «Сопrotивление» служит инструментом героизации борьбы против советской власти, продвигая, прежде всего образ лесных братьев, и активно применяется при освещении ключевых национальных праздников – 16 февраля (День независимости) и 11 марта (День восстановления независимости), а также в комментариях к современным политическим решениям, которые репрезентируются как продолжение исторической линии сопротивления.

Риторическая конструкция «Оккупация и освобождение» обозначает советский период как темную страницу литовской истории, которую удалось перевернуть, восстановив независимость в 1990 г., и подкрепляется визуалами государственных мероприятий, историческими справками и обращениями политических лидеров.

Медиа-ярлык «Европейская идентичность» формирует образ Литвы как «форпоста западной демократии», подчеркивая ориентацию на коллективную безопасность, верховенство права и индивидуальные сво-

боды, и тесно связан с символическим обоснованием отключения от российской энергосистемы ради достижения энергетической независимости.

Концепт «Российская пропаганда» используется для легитимации демонтажа советских памятников, запрета символики и информационной борьбы, выполняя роль инструмента защиты суверенитета через контроль над историческим нарративом.

Категория «Литовское наследие» акцентируется в контексте национальных фестивалей, традиционной кухни, языка и обрядов. Визуальные и мультимедийные материалы с этих мероприятий активно транслируются в YouTube, Facebook¹ и Instagram², популяризируя как традиционную культуру, так и современное литовское искусство (которое демонстрируется, например, в рамках фестивалей или выставок).

В **медиадискурсе Эстонии в 2024–2025 гг.** доминируют риторические конструкции, связанные с исторической памятью и геополитической безопасностью. Ключевыми медиаархивами выступают «Свобода», «Угроза из России», «Память о репрессиях» и «Западные ценности».

Риторическая конструкция «Свобода» встречается в информационных материалах, посвященных утверждению параллелей между историческими и современными политическими событиями. Следует отметить, что публикации в преддверии празднования 24 февраля (День независимости) содержат в себе визуальную репрезентацию национальной символики, обращения государственных лидеров и интервью с ветеранами.

Концепт «Угроза из России» имеет широкий спектр применения в эстонском медиапространстве — от военной и кибербезопасности до вопросов, связанных с внутренней политикой и русскоязычным населением, и служит для обоснования усиления контроля, включая запрет на пророссийские массовые акции.

Медиаархив «Западные ценности» позиционирует Эстонию как демократическое открытое государство, противостоящее «восточному авторитаризму», поддерживающее права меньшинств, свободу слова и т.п., и используется при освещении ЛГБТ-прайдов, празднования Дня святого Патрика и подобных акций, связанных с интеграцией западных культурных кодов в общественную жизнь.

Заключение

Постсоветская макроидентификация Прибалтийских стран как политическая технология перевода из советской в западную цивилизационную парадигму представляет собой целенаправленное конструиро-

¹ Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

² Интернет-ресурс принадлежит корпорации Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в России.

вание и институционализацию новой гибридной идентичности на основе переосмысления исторической памяти, культурных ценностей и политических ориентиров. Системное изменение символических практик, нормативных установок и внешнеполитического курса направлено на дистанцирование от советского прошлого и России, а также на интеграцию в евроатлантические структуры.

Политическая технология переформатирования макрополитической идентичности в странах Прибалтики включала в себя переход образовательного процесса на национальный и английский язык, бытовое вытеснение русского языка, установление новых государственных праздников, продвижение европейского культурного кода (популяризация праздников), игнорирование и запрет (криминализацию) празднования Дня Победы, демонтаж памятников советской эпохи, переименование улиц. С 2010 г. происходит трансляция западных либеральных ценностей, затрагивающих вопросы семьи, детства, воспитания, образования, гендерной политики как национальной идеологии.

Результаты, полученные в результате эмпирического исследования (фокус-группы и контент-анализ прибалтийского медиaprостранства) подтверждают гипотезу о возрастании значимости цифрового пространства. Так, в 2024–2025 гг. в медиадискурсе стран Балтии устойчиво присутствуют историко-политические и культурные концепты, формирующие постсоветскую макрополитическую идентичность. В Латвии доминируют нарративы независимости, европейской интеграции и обличения советской оккупации; в Литве — сопротивления российской угрозе, исторической справедливости и западных ценностей; в Эстонии — свободы и западной демократической ориентации.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Волков В. В., Воронников В. В., Коллева В. В., Стариков А. Д. Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1, №2. С. 138–161.
3. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, №2. С. 15–26.
4. Гиздатов Г. Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана // Политическая лингвистика. 2019. №1. С. 127–133.
5. Гордиенко П. В. Проблема «неграждан» в Латвии // Обозреватель. 2008. №7 (222). С. 81–90.
6. Грубер Д. Статус «иностранца»: почему в Эстонии по-прежнему много неграждан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, №1. С. 157–184.
7. Ионов Б. В., Харитонова Н. И. Проблема фальсификации истории на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2013. №4. С. 110–127.
8. Коллева В. В. Эстония: перспективы консоциальной демократии в обществе расколотого доверия // PolitBook. 2020. №2. С. 123–145.
9. Летяжков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. Т. 25, №2. С. 144–167.

10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. №2. С. 90–105.
11. Манаев А.С. Русский язык и законодательство стран Балтии // Обозреватель. 2012. №9 (272). С. 52–60.
12. Павлова М.С. Проблемы сохранения и интерпретации советского мемориального наследия в Литве // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО. 2025. №1. С. 27–36.
13. Подвицнев О. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика / под ред. И.С. Семеновко. М., 2017. С. 358–362.
14. Потоцкий Я.А. Законы о декоммунизации в контексте конструирования национальной мифологии в прибалтийских республиках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2024. №81. С. 262–270.
15. Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика / под ред. И.С. Семеновко. М., 2017. С. 666–670.
16. Сафроновас В. Вырываясь из объятий политики. Исследование культур воспоминания как способ поощрения исторического диалога в литовско-российских отношениях // Балтийский регион. 2012. №2(12). С. 7–18.
17. Семеновко И.С. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир // Политическая идентичность и политика идентичности / под ред. И.С. Семеновко. М., 2011. Т. 2. С. 41–71.
18. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. №2 (24). С. 78–97.
19. Сургуладзе В. Национальное самосознание между постимперским синдромом и синдромом жертвы // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. №2. С. 56–74.
20. Сытин А.Н. Политика Латвии и Эстонии в области национальной и межобщинной интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. №1. С. 41–52.
21. Туттов В.В. Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22, №4. С. 590–602.
22. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. Т. 25, №6. С. 146–152.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2025.
24. *Soviet and Post-Soviet identities* / ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge, 2012.
25. Castells M. *Communication power*. Oxford, 2009.
26. Chadwick A. *The hybrid media system*. Oxford, 2017.
27. Forest B., Johnson J. Monumental politics: regime type and public memory in post-Communist states // *Post-Soviet affairs*. 2011. Vol. 27, №3. P. 269–288.
28. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media*. New Haven, 2018.
29. Leone G., Curigliano G. Coping with collective responsibilities: An explorative study on Italian historical identity through three generations // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8, №2. P. 305–326.
30. Moore D. Is the post- in postcolonial the post- in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2006. Vol. 116, №1. P. 111–128.

31. Osiel M. Mass atrocity, collective memory and the law. New Brunswick, 1997.
32. Sagatienė D. Memory laws in the Baltic states. Copenhagen, 2024.
33. Spivak G. C., Condee N., Ram H., Chernetsky V. Are we postcolonial? // Post-Soviet space. 2006. Vol. 121, №3. P. 828–836.
34. Usha K. B., Abdullakutty K. P. Introduction // Nation building in Baltic states. History, memory and identity / ed. by K. B. Usha. New Delhi, 2018. P. 1–23.
35. Van Dijk T. Ideology in cognition and discourse // Mapping ideology in discourse studies / ed. by S. K. Määttä, M. Hall. Berlin, 2022. P. 137–156.

Об авторах

Андрей Андреевич Маковский — канд. полит. наук, доц., Псковский государственный университет, Псков, Россия.
E-mail: aamakovsky@mail.ru

Иван Владимирович Сулов — канд. соц. наук, доц., Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия.
E-mail: suslov85@inbox.ru

A. A. Makovsky¹, I. V. Suslov²

POLITICAL AND DIGITAL TECHNOLOGIES FOR FORMING MACRO-IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC STATES)

¹ Pskov State University, Pskov, Russia

² Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Received 17 November 2025

Accepted 19 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9

To cite this article: Makovsky A. A., Suslov I. V. 2026, Political and digital technologies for forming macro-identity in the post-Soviet space (on the example of the Baltic states), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1. P. 123–139. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-9.

The study examines the instruments for shaping post-Soviet macro-identity in the Baltic states (Latvia, Lithuania, Estonia). Macro-identification is defined in a narrow sense as a political technology of civilizational reorientation, involving a break with historical and cultural ties to Greater Russia and the formation of new connections with the Western world. The article proposes a theoretical integration of the concepts of macro-political identity (O. Yu. Malinova), hybrid identity, and the civilizational paradigm approach. The methodological framework of the study is based on a constructionist approach to the phenomenon of identity. The analysis of policies for transforming historical memory in the Baltics draws on data from a series of focus groups conducted in the Pskov Region at the Center for Assistance to Resettlement "Compatriot." A qualitative content analysis of leading media in the Baltic countries provided the empirical material necessary to test the hypothesis that macro-identity is shaped through the promotion of media symbols and meaning-laden narratives. The study identifies key new factors influencing the formation of macro-identity, including orientation toward new geopolitical trends, the popularization of independent social networks, and the

perception of the Western world as progressive. Based on the results of the study, macro-identification is conceptualized as a political instrument for transitioning states from one civilizational paradigm to another, performing the function of transforming large civilizational formations. Using the Baltic states as an example, the study demonstrates a transition from the Soviet to the Western civilizational paradigm, along with the transformation of symbolic practices, normative frameworks, and foreign policy orientation.

Keywords: Baltic states, macro-identity, negative identity, identity construction technologies, historical memory

The authors

Dr Andrei A. Makovsky, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: aamakovsky@mail.ru

Dr Ivan V. Suslov, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

E-mail: suslov85@inbox.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2026

№ 1

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 24.02.2026 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 18

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14